Синнее море, белый пароход

– Пешком до театра военных действий нам не добраться, – сказал я ребятам в тот день, когда наши войска уже штурмовали Южный Сахалин.
– Главное – из города вырваться, – произнёс Скулопендра, и кончики его рыжих волос вспыхнули в бруске дневного света. Из квадратной бойницы в стенке пещеры бил этот пучок.
– Может, уведём коляску отца? – посоветовал Борька.
– На инвалидной тарахтелке застрянешь в первой луже, – возразил Скулопендра.
– Над-до ещё раз н-написать т-твоему отцу, – сказал Лесик, размахивая в полутьме пещеры белыми руками. – Он п-привезёт «мерседес».
– И так должен привезти, – отозвался я. – Губную гармошку прислал? Прислал.
Трофейную эту гармошку мы получили в посылке. Что стоило отцу привезти с собой какой-нибудь «мерседес»? Отец как раз демобилизовался и скоро должен был приехать домой из Германии. Об этом он написал в письме, которое вложил в посылку с гармошкой. В ответ я ему написал, чтобы он постарался привезти мне легковушку, какой-нибудь завалящий «мерседес». Она нам с ребятами очень бы пригодилась.
– Жалко гармошку, – сказал Борька и затилинькал на балалайке грустный вальс «Над волнами». – Был бы оркестрик… Я – на балалайке, ты – на гармошке, Скулопендра – на свистульке, Лесик пел бы…
Да, гармошку нам с мамой пришлось отнести на базар и обменять на галеты. Размоченные в молоке галеты любит мой больной брат Юрик. Иначе бы я не отдал гармошку маме. Отец прислал её нам с Юриком.
– Мы на фронте раздобудем целый духовой оркестр! – выпалил Скулопендра. – Я буду играть на самой здоровой трубе. – Он приставил ко рту кулак и надул щеки: – Бум-туру-рум…
– Перестаньте! – оборвал я их. – Надо думать о главном…
– М-мне отец с-снился вч-чера, – тихо сказал Лесик.
Мы наклонили головы. Отец Лесика погиб в битве с японцами на озере Хасан. И мы собирались мстить за него так же, как за моего деда, партизана. Дед такой бравый на фотографии, что висит у нас на стене. Усы вверх подкручены. И на эфесе сабли рука с крупными костяшками пальцев. Японцы сожгли деда в топке паровоза в двадцатом году. Я читал об этом в книжке про партизан Дальнего Востока. Было так… Вначале оккупанты делали вид, что борются за мир и поддержание порядка в Хабаровске и на всём Дальнем Востоке. Но когда партизаны накостыляли по шее колчаковцам и выперли их из Хабаровска, японцы оскалили зубы. Они решили утопить советскую власть в партизанской крови. И вот генерал Сиродзу написал в хабаровской тогдашней газете, что японские войска покидают город.
Я наизусть помню две строчки из его брехни: «Жалко покидать население Дальнего Востока, с которым мы познакомились так близко, так кровно, питая к нему самую тёплую дружбу. Желаем полного успеха в строительстве и сохранении мира и порядка».
А утром японцы ударили из пушек по городу.
Бабушка рассказывала, как отступали партизаны. Дед забежал домой проститься, и это сгубило его. Он не догнал свой отряд, который залёг в тайге за пеньками. Японцы ранили деда в ногу и схватили его. А потом раненого деда японцы кинули в раскалённые глубины паровозной топки… У бабушки в узелке на дне сундучка хранится шлак из топки того паровоза… Я не могу спокойно глядеть на дверцу горящей печи. У меня начинают зябнуть плечи, когда я вижу красные колосники…
– Оркестром не отомстишь, – сказал я и стукнул кулаком по столу.
– Тогда завтра надо выходить, – сказал Скулопендра, шоркнув носом. – Придётся пёхом…
– Может, ещё немного подождём, ребята? – пошёл я на попятный. – Должен отец вот-вот подъехать.
– Надо рискнуть, – заявил Скулопендра. – Будем-будем ждать этот «мерседес», а войне и конец!

– Н-на наш век х-хватит, – пробормотал Лесик. Глаз его блеснул, как кончик штыка.
– А вдруг войны больше вообще не будет? – сказал Борька и заиграл на своей балалайке «Светит месяц».
– Ну да… – недоверчиво протянул Лесик.
– Всё может быть, – решил Скулопендра и подвинул мне тряпицу с нашим оружием, – потому и надо спешить.
– Завтра утром, в девять ноль-ноль, быть здесь как штык, – объявил тогда я и ещё раз перебрал наше оружие: патрон от крупнокалиберного пулемёта, самопал с свинцовой рукояткой, новенькие рогатки, для которых мы изрезали противогаз, и две самострельные ракеты, изготовленные Лесиком. Небогато, конечно, однако на первый случай есть. Я завернул всё снова в тряпицу и встал.
– Сайонара, – попрощался я по-японски.
– Пока.
– До завтра.
– С-смерть яп-понским самураям!
Уже два года мы занимались в школьном кружке японского языка. И в штаб-пещере я ввёл порядок – как можно больше говорить по-японски: партизаны должны знать язык врага. Но ребята ленились.
Раздвигая заросли паслёна, я дошёл до нашего огорода и поднялся по меже к дому. Я хотел уже заскочить в сенцы, но остановился. Калитка с улицы была распахнута. Она криво качалась на брезентовых петлях. Что такое? Мама за калитку всегда нас ругала. Оставь открытой – заберётся коза в огород и таких бед натворит…
Я закинул верёвочную петлю калитки на кол и вошёл в дом.
Посреди комнаты сидел на венском стуле человек в кителе под цвет табака и таких же брюках с напуском на сапоги «джимми». Китель на груди его обтягивали ордена и медали. На погонах – широкая серебряная полоска. Это отец сидел передо мной, старший сержант.
У него была сморщена правая щека, будто ему больно улыбаться. Стальные зубы сжимали трофейную сигарету в правом углу рта. У отца курчавились синеватые волосы. Бугры его глаз были до половины прикрыты веками, словно отец очень устал и ему хочется спать. Я сразу отметил про себя, что мы с отцом не очень-то друг на друга похожи. Я на деда похож и маму. Лицо у меня круглое, волосы прямые, цвета сосновой коры. И только носы у нас с отцом оказались одинаковые – острые, с горбиком.
– Ну, сынок, подойди ко мне, – сказал отец голосом, похожим на скрип новых сапог. У военных, я замечал, такие голоса.
У меня засвербило в носу. Наконец-то «мерседес». Но где он?.. Может, стоит на станции, на платформе?
У мамы горел блин на сковородке. Бабушка сидела рядом с отцом на табуретке и выспрашивала его насчёт погоды в Германии. На её коленях ёрзал Юрик. Он доставал рукой, похожей на росток картошки, медаль «За отвагу». Никто не догадывался спросить отца, что он привёз с фронта.
– Папка, за что тебе дали такие красивые? – Юрик забренчал медалями. Он картавил, и вместо «красивые» получалось «класивые».
– За отвагу, сынок, – ответил отец и погладил его по головке. Пальцы у отца были тёмные, с глубокими бороздками в суставах.
Ну и подлиза мой братец! Уже называет этого фронтовика папой. У меня язык не повернётся… А мне надо было позарез его спросить о самом главном.
Выручил меня Юрик. Он пересел на отцовские колени и сказал, подлиза:
– Папка, а ты Герке привёз этот самый… э-э-э… «мерседес»?
– Письмо, в котором он просил «мерседес», я не получил, – ответил отец, и все засмеялись. – Но подарок есть. – Он наклонился к своему фанерному чемодану и вынул оттуда большое яблоко с коричневой вмятиной на боку.
Яблоко славно пахло, но я отвернул голову. Вместо «мерседеса» – яблоко. Я сжал губы, чтобы

они не задрожали, потом всё-таки взял яблоко.
– А ты говорил, что папка привезёт тебе легковушку, – залопотал брат.
– Молчи, а то не получишь яблока, – ответил я ему тихо.
Я любил своего хилого брата. Мог часами возиться с ним, играть в его игры, и доходило до того, что вместо «р» говорил «л», как он. С Юриком я как бы вновь становился маленьким, когда ещё не знаешь ни о войне, ни о школе, ни о карточках на хлеб… Юрик и узнавал-то обо всем этом от меня, хотя я ему старался рассказывать только сказки. Но как-то само собой получалось, что он узнавал и все остальное. Братец мой знал про нашу штаб-пещеру и наши планы.
Юрик посмотрел на меня умильными глазами. Своё яблоко он съел – семечки валялись на столе. Но и моего хотелось попробовать.
Я взял на кухне нож и разрезал яблоко на четыре части. Одну – маме, другую – бабушке, третью – Юрику, четвёртую – себе.
– Зачем тебе «мерседес»? – Отец выбросил окурок и достал новую сигаретку из блестящего портсигара.
Но бабушка не дала ему больше курить заграничные. Она встала и принесла из сеней мешочек с самосадом.
Мы сажали много табаку и сами резали его. На табак можно было выменять что угодно. Мы берегли для отца мешочек табаку ещё со старого урожая. И вот он закурил наш табак.
– Нужен «мерседес», – ответил я, впиваясь зубами в белую сладкую мякоть яблока.
– Они хотели с ребятами удрать… – выдал меня Юрик и прижался к отцовской груди. Он знал, что я поколочу его за ябеду.
– Куда удрать? – Отец сдвинул к переносью брови, похожие на сапожные щётки.
– С японцами сражаться, – ответил Юрик.
Я не бил брата. Он у нас туберкулёзник. Но тут я показал ему кулак. Я ему как брату, под секретом, а он запросто выкладывает наш план.
– Чтоб я больше не слышала! – вмешалась мама в наш разговор, со скрежетом разворачивая сковородку на плите. её лицо охватил малиновый пыл. – Нашли тоже игру – в войну. Нет, чтоб в дом играть, в хозяйство…
– Да богу молиться за отца, – подбавила бабушка.
– Ещё чего, – нахмурился отец. – И то гляжу – иконами обвешались. Клопов, наверно, под ними…
– Господь милостив, Василь, – вздохнула бабушка и перекрестилась на иконы в углу. – Дошли наши молитвы…
Отец поглядел на сумрачные иконы, и правая щека его сморщилась.
– Мне повезло, и всё, – сказал он, вдыхая крепкий дым самосада. – Я видел простреленные иконки. – Он ткнул себя пальцем в грудь. – Вот тут…
– Всё от бога, – пробормотала бабушка.
Плохо, что бабушка сваливает всё на бога. Она даже против того, чтобы я отомстил японцам за деда. Они-де не виноваты. Так бог хотел… И всё же бабушку я люблю больше даже, чем маму. Сколько раз ходили мы с бабушкой в лес за орехами, ягодами, щавелем, разными целебными травками и корешками! Она называла в лесу травы, цветы, жуков, бабочек, птиц и деревья. А недавно бабушка вылечила мне зубы. Отчего они заболели? Стали шататься и гнить. Боль такая, хоть по земле катайся. И бабушка стала меня поить отваром из трав и кореньев, а потом заговаривать зубы.
Мы садились ночью перед окном и глядели на луну, которая напоминала очищенную картофелину. Бабушкино лицо с бугристыми скулами окаменевало, седые волосы отсвечивали, как фольга. Она напоминала колдунью. Меня мороз пощипывал по лопаткам, когда бабушка начинала заговор: «На море-окияне, на острове Буяне, на песках сыпучих дуб стоит дремучий, в дубе том дупло, в дупле – темно. Изыди, болезнь, из Геры-отрока на остров Буян, в дуб дремучий, в дупло вонючее». И я повторял за бабушкой заговор по семь раз. И к концу он выпевался во мне. Я видел явственно свою болезнь – паучка с крыльями, который

летит от меня в столбе лунного света.
И вот теперь зубы не мучают меня. Я могу спокойно удрать из дому, чтобы отомстить за деда.
– Без тебя замучилась с детишками, – сказала мама и подула на обожжённый палец. – Накорми их, обуй, одень, в школу отправь… Герка плохо учится. Учителя говорят: способный, да не тем занят. Войною бредит, оружьем, штабами. Раз снаряд взорвали какой-то, чуть всех на клочья не разнесло!.. А Юрика чем только не лечила! И медвежий жир давала, и мама заговаривала, и собачку ел, и к знаменитой травнице водила… Врачи говорят: питанье улучшить надо и к морю повезти на годик-другой. Да где ж его взять, море-то?..
У отца появилась на переносье треугольная складочка.
– Всё будет. – Он прижал Юрика к своим медалям. – Море – тоже. – Подмигнул мне цыганским глазом: – А тебе никакого «мерседеса» не надо. Далеко ли на нём укатишь?
– Перво-наперво корова… – Мама обернулась и взмахнула ножом: блин чадил на сковороде.
– Молоко своё будет – быстро Юрку на ноги поставим.
– А что бы ты сказала насчёт переезда? – спросил отец.
– Куда это? – насторожилась мама.
– Южный Сахалин-то освобождается, – ответил отец.
– Корову заводить надо, – сказала мама и шлёпнула чёрный блин в стопку. – В крайнем случае коз.
– А моря ты не желаешь? – спросил отец, прищурившись.
Мама замерла, прижав к груди руку с ножом, её глаза устремились мимо нас, вдаль, а уголки губ дрогнули. Она будто увидела это далёкое море. Но тут же почуяла гарь и бросилась к сковородке.
– Не до большого теперь уж, – ответила она. – И то море не наше…
– Теперь наше, – сказал отец и стал подбрасывать Юрика на коленях.
– Войну человек прошёл, а ума, как у Герки, – пробурчала мама.
– Картошка там не родит, поди, на этом Сахалине, – сказала бабушка. – Без картошки как жить-то?
– А мы хотим к морю. Так, ребятишки? – спросил отец.
Я кивнул головой.
– И я! – заверещал Юрик, дрыгая белыми ногами.

2

Время шло, а корову мы не купили. Даже козы не появилось у нас во дворе. Отец не находил в Хабаровске работы по душе. Рыбаком на Амуре он больше не мог работать из-за ранения. С утра до вечера отец искал работу и вечером приходил выпивши.
– Разведчика хотят кастеляном сделать, – выговаривал он и глядел исподлобья.
– Дурака валяешь, – отвечала мама и скрещивала свои тонкие руки на груди. – Разбаловались на фронте. Раньше глядеть на спиртное не мог, а теперь дня не бываешь трезвым.
– Двадцать четыре «языка» взял, – говорил отец, – и – кастеляном, ха-ха-ха!..
– Всё бы с дружками пил да балясы точил.
Мама нервничала и уходила в спальню.
А я был рад, что отец не соглашается кастеляном. Мы с ребятами давно изменили план… Теперь я ехал с отцом на Южный Сахалин, к японцам. Я обязан был написать оттуда ребятам письмо с подробным объяснением, как попасть на Южный Сахалин. Получив письмо, они должны были добраться до меня зайцами. И тогда уж мы отомстим японцам и за деда, и за Лесикова отца, и вообще за все.
Однако отец медлил с отъездом на Сахалин всю зиму. Я уже свободно переговаривался по-японски с учительницей, которая вела наш кружок японского языка, а отец всё тянул. Тогда я начал поторапливать его, но мама два раза огрела меня за это ремнём.
И всё-таки мы с отцом победили.
Однажды в конце марта, когда мы с Юриком вылезли греться на завалинку, он вернулся

раньше обычного. Полы его длинной распахнутой шинели колыхались, как серое знамя. Мы соскочили с завалинки и пошагали в дом по обе стороны отца.
Мамы не было дома, и я спросил его:
– Когда мы поедем на Сахалин?
– Через неделю, – ответил он. – Завербовался я, подъёмные получил на всю семью. Продадим дом и поедем.
– Я тебе продам! – закричала мама, появившаяся на пороге. – Я тут по крошке собирала… И одеяло без тебя справила, и стулья венские выменяла на табак, и крышу новой толью покрыла!.. А ты хочешь всё по ветру пустить?
Отец набычился, раздвинул нас в стороны и закричал так, что жила на шее задёргалась:
– Меня, разведчика, хотите куркулём сделать?! Не выйдет! Я морем буду дышать, а не навозом!
Мы с Юриком разбежались по углам.
Отец встал на цыпочки, сорвал икону Николая-чудотворца и разломил её о коленку. Сверкнула белая древесина на сломе. Он кинул обе половинки в печку через загнетку. Только треск по шёл.
Отец вернулся в угол, достал вторую икону и понёс её к печке двумя пальцами, словно паршивого котёнка.
Мама загородила дорогу к печи. Она была сильная и могла постоять за порядок в своём доме против кого угодно. Но отец легонько задел маму, и она пошатнулась.
– Мама-а-а! – закричал Юрик, и я вздрогнул.
Отец вернулся за последней иконой. Это была любимая бабушкина богородица.
Я бросился в спальню и помахал бабушке в окно. Она возилась в старом парнике под окном. Бабушка вытерла руки о заплатанный передник и заСемёнила в дом.
Отец не мог затолкать богородицу в загнетку. Мама плакала в углу.
Бабушка вошла и сказала отцу:
– Уймись, сокол ясный.
Отцовы глаза отражали огненный круг загнетки. Медали звенели. «Сокол ясный» поднял глаза, и огонь в них исчез. Но казалось, он хочет клюнуть кого-то горбатым носом. Однако бабушка не испугалась, подошла к нему, отобрала икону и тут же спрятала в свой сундучок.
– Добра ждать теперь нечего, – сказала бабушка и покачала головой над сундучком.
– Я научу вас море любить, – скрипнув зубами, пробормотал отец и хлопнул дверью. Он промелькнул мимо окна. Из-под сапог летела грязь.
Мама заплакала сильнее. Голос её разрывался и булькал. Тело вздрагивало. Не верилось, что плачет наша мама, командир дома. Даже во время путины на Амуре её ставили бригадиром над красноармейками, которые помогали рыбакам… Но тут же я стиснул челюсти. Нет, я не должен паниковать. Как решили в штабе, так и надо держаться.
И я вышел на улицу, чтобы не слышать всхлипов матери.
Вскоре отец вернулся с двумя фронтовиками. Они так кричали, что взбудоражили всех собак на нашей улице. И за столом не сбавили голоса.
– Ты, Зимин, отъездился, – сказал отец дружку с деревянной колодкой вместо ноги. – А вот с Чумы я не слезу. – И он легко ударил в плечо второго фронтовика с очень впалыми щеками. – Поедем на море рыбачить, слышь, Чума?
Чума заболтал головой в разные стороны:
– Надоело.
– Ты счастливчик, Васька, счастливчик, – бормотал Зимин и пристукивал деревянной ногой. – Четыре года воевать, и все цело!
– Даже лишнее есть, – отозвался отец и завернул рукав кителя выше локтя. – Пощупай.
Дружки по очереди пробовали что-то под белой кожей отца ниже локтя.
– А ну, сынок… – сказал отец и протянул мне руку. Фронтовики только тут обратили на меня внимание.
Один потрепал меня по плечу, другой сунул в рот кусок американской колбасы.

Отец взял мою ладонь и прижал пальцы к своей руке. Я ощутил под кожей непродавимые мускулы и твёрдый, как кость, плоский осколок.
– Больно, пап? – спросил я, еле выговорив последнее слово.
– Нет, – ответил отец. И пожаловался дружкам: – Только воды стала бояться… Чуть что – отнимается. Ну, на Сахалине в порту мне место обещано.
Юрик бросил маму в спальне и притопал к нам. Он залез к отцу на колени.
– Счастливчик ты, Васька, счастливчик, – повторил Зимин и вздохнул. – Побегаешь ещё по свету. На Сахалине, говорят, хорошо. Селёдка идёт – черпай ведром.
– Хитрого мало. – Отец составил кружки в кучу и разлил водку. – Море – не наш Амур.
Друзья лязгнули кружками, выпили не морщась. Закусили розовыми шматками колбасы. Отец приказал мне принести из-за печки мешочек с табаком. Я исполнил приказание. Щепотки фронтовиков ткнулись в зелёное крошево, словно голодные птицы в зерно. Фронтовики свернули цигарки. Щепотки их чуть дрожали. Отец обнёс дружков огоньком. У него была зажигалка – маленький снаряд.
– И ты заживёшь хорошо в моих хоромах, – сказал отец Зимину. – Как другу и инвалиду Отечественной войны отдаю тебе дом задаром.
– Ты один дому хозяин, да? – выкрикнула мама из спальни звенящим голосом.
– Я строил дом, – громко ответил отец. – Хочу – спалю, хочу – отдам… – Он снизил голос и вытянул шею к дружкам: – Трудно, братва, семьёй командовать. Взводом – куда легче…
– Опасно сейчас ехать на Сахалин, – сказал Чума и втянул дым так, что щеки стали двумя глубокими чашками. – В море мины… Японец злющий… Самураи не сдавались. Расстреляет патроны и носовой платок – на штык. Подбежишь к нему, а он гранату под ноги… Санька Чириков под Хайларом и попался так.
– Доверчивый был, помните какой? – сказал отец и окаменел.
– На руках у меня помер, – добавил Чума.
– Эсэсовцы тоже поначалу не сдавались. – Отец сжал кружку так, что она хрустнула.
– Ну, самурай куда хитрее эсэсовца, – ответил Чума. – До сих пор постреливает…
– А сыновьям ничего не страшно, – сказал отец и больно провёл рукой по моему «боксу». Волосы вздыбились. – Вот он, надёжа отца, растёт. Хочет японцам дать по шее…
Я расправил плечи, подтянул живот. Но Чума поглядел на меня так, что захотелось спрятаться. Однако в следующий же миг я склонил голову к плечу и выдвинул нижнюю губу. Я хотел показать, что ничего не боюсь.
– Ух и табак у тебя, Васька, гхм, гхм!.. – Щетинистое лицо Зимина скрылось в терпком дыму.
– И табаку тебе оставлю с полкуля, – ответил отец и настороженно обернулся к спальне.
Мама, конечно, не замедлила ответить.
– Табак ты не сажал! – крикнула она, и в горле у н её словно булькнул стальной шарик.
– А-а-а… – Отец махнул рукой в сторону спальни: не обращайте, мол, внимания – и предложил дружкам: – Набивай кисеты, ребята.
Но я знал, что табак мама не отдаст. Он нам тяжело доставался. Наши ладони покрывались кровяными мозолями, пока мы вскапывали огород. А сколько приходилось возить нам вдвоём навозу в ручной тележке, чтобы удобрить землю. Потом прополка и окучивание. А ещё надо было следить, чтобы коровы или козы в огород не забрались. И для этого мы возили с металлической свалки индиговую змеевидную стружку и обтягивали ею редкие колья ограды. Сколько раз мы руки резали этой стружкой… На полкуля табаку можно было долго жить не тужить.
Фронтовики неуверенно зачерпнули по горсти самосаду.
– Бывало, пайку хлеба отдашь за осьмушку махры, – сказал Чума, сунул утиный нос в горсть и чихнул.
– Хитрого мало, – ответил отец, закрывая глаза от крепкого дыма, – нервы убивает. – Он кашлянул и запел:

Лесом, поляной, дорогой степной

Парень идёт на побывку домой.
Ранили парня, но что за беда –
Сердце играет и кровь молода…

Отец пел натужно, скрипучим голосом, но с душой. Юрик начал ему подпевать. Подхватили песню и дружки.
Мне было не до песен. Я выскользнул в сенцы и побежал через огород в тёмный овраг. Ребята ждали меня.

3

Большой чайник пришлось нести Юрику, так как наши руки были заняты чемоданами, бельевой корзиной и узлами с табаком. Крышка на шпагатике громыхала, как тарелки в духовом оркестре. Из всех дворов лаяли собаки. Соседи глядели на нас из-под руки. Их, видно, слепил чайник, отражавший солнце, словно зелёное зеркало. Мама хотела и в чайник засыпать табак. Но Юрик тогда бы не донёс его.
Отец нагрузился так, что еле передвигался. Куча узлов на блестящих сапогах «джимми». Отцу пришлось забрать весь табак, какой был у нас, иначе мама ни в какую не хотела ехать. Она плакала и приговаривала, что отец нас по миру пустить хочет. Она никак не желала понять, что табак нам теперь не нужен. Раньше он как бы заменял нам отца. А теперь отец сам будет нас кормить, обувать, одевать. Не нужно выменивать за табак шинели и шить нам из них штаны, рубахи, телогрейки… Но мама не понимала этого. И отцу, в конце концов, пришлось нагрузиться.
Нас провожали дружки отца и соседка Василиса. Борька, Скулопендра и Лесик тоже гнулись под чемоданами. Мне оттягивали руки узлы с табаком, а карманы штанов и шинели – самопал, патрон от крупнокалиберного пулемёта, рогатка, две самострельные ракеты и леска с бронзовым крючком. Леску подарил мне Борька. Через плечо у меня была перекинута школьная матерчатая сумка, набитая учебниками для шестого класса, альбомом и русско-японским разговорником, которым меня наградила руководительница кружка за усердие. Она, старенькая наша Марья Павловна, думала, что я изучаю японский язык ради будущей дружбы с японцами. Она любила поговорить о том времени, когда кончится война. Она зажмуривалась и рассказывала, как мы будем ездить в гости к ним, а они к нам. Совсем запросто, словно соседка Василиса к моей матери на чай. И читала нараспев Марья Павловна короткие японские стихи – танки.

Ах, не топчи, постой!
Здесь светляки сияли
Вчера ночной порой…

У меня от них сладко свербило в носу. Но провести меня было не так-то просто. Я помнил про танки, которые нацелены в нас с той стороны границы.
– Как приедешь, сразу пиши, – напоминал Борька всю дорогу до вокзала.
– Ты с японцами не рассусоливай, – советовал Скулопендра, вытирая пот со лба рукавом телогрейки. – Чуть чего – бей! Нас не дожидайся.
– Я б-бы их… – сказал Лесик и чуть не уронил бабушкин сундук в грязь.
На вокзале я хотел устроить последнее совещание нашего штаба. Но старая труба из духового оркестра расстроила все мои планы.
Бронзовой улиткой прильнула она к железной ограде вокзала, её золотистый, с лёгкими вмятинами бок отражал солнце сильнее, чем наш чайник. Люди проходили мимо, но никому до трубы не было дела. Наверное, поломалась труба во время марша, и военные выбросили её.
Мы окружили трубу. Борька оглянулся, поднял её и надел на себя. Никто не окликал нас. Значит, труба была ничейная. Борька подул в мундштук, давя на клапаны. Труба не играла.

Ребята побросали чемоданы и стали по очереди надувать щеки. Но труба только сипела.
– Починим, – сказал Борька, и они пошли назад. Они торопились, чтобы кто-нибудь не отобрал трубу.
– Ребята! – крикнул я.
Они повернули головы.
– Вот что, Гера, – Борька перебрал клапаны трубы, – если там подвернётся флейта какая-нибудь, пришли. Создадим оркестрик…
– Знаешь, Борька, – ответил я, сдвигая брови, как отец, – я еду не флейты собирать!
Они посмотрели себе под ноги, потом по сторонам, помахали мне торопливо и зашагали дальше. Труба колыхалась на прямой Борькиной спине, обтянутой перелицованной шинелью. У нас с Борькой одинаковые шинельки.
Я заплёл руку в решётку перронной ограды и так замер. Неужели не видеть мне больше оврага, где в зарослях паслёна скрывался вход в пещеру?..
– Чего рот раскрыл? – Мама схватила меня за плечо и подтолкнула к воротам на перрон.
Вокзальный репродуктор с треском пел «Под звёздами Балканскими».
Я протиснулся в вагон. Отец бегал взад-вперёд, таская узлы. Его кудри из-под лакированного козырька военной фуражки обмокли и прилипли ко лбу.
Поезд двинулся, и песня стала стихать. Я высунулся из окна, стараясь увидеть ребят. Но ветер ударил в затылок, и мама закрыла окно от сквозняка.
Я сел на скамейку в угол и нахохлился. Да и вся семья загрустила. У мамы слезы лились, точно масло из дырявой маслёнки. Бабушка перекрестилась, когда мы проехали последний дом на краю Хабаровска.
– Ох, и зачем ты пожёг иконы, Василь! – сказала она. – Ляксей мой и тот иконы не трогал.
Отец облизывал языком цигарку и сплёвывал табачины. Он лишь поморщился от бабушкиных слов.
Один Юрик суетился и смеялся. Он сел на столик и прилип носом к стеклу. Мимо проносились бурые луга с гусями, красные дома, голые перелески, а дальше проплывали под солнцем широкоплечие сопки, пятнистые от снега. Поезд догнал тележку, которую волокла корова. Бурёнку подстёгивала длинным прутом девочка в рваной телогрейке. Девочка пыталась угнаться за поездом. Но бурёнка только отмахивалась хвостом от прута. Тогда девочка показала нам розовый острый язык.
Юрик запрокинул голову от смеха. Но смех пере шёл в кашель. У брата посинел висок, и лицо сморщилось, как у старичка.
Мама и бабушка захлопотали вокруг него. Они уложили Юрика в большую нашу корзину на бельё. Отец сбегал к бачку, набрал в грелку горячей воды и положил Юрику в ноги.
Брат перестал кашлять. Он лежал, точно кукла. Глаза его поблёскивали каплями ртути. Я не мог смотреть в его глаза. Мне сразу вспоминалась тётя Вера, мамина сестра. Она умерла от туберкулёза три года назад. Вот так же лежала в спальне, и румянец, как от пощёчины, проступал на её скулах. Когда она была ещё на ногах, к ней приходили свататься лейтенанты. Но Вера отказывала всем. Когда лейтенанты уходили, Вера плакала. Мама и бабушка плакали вместе с ней. В такие минуты Вера брала свой альбом в красном бархатном переплёте и перебирала фотографии этих лейтенантов. Я часто щупал бумагу в её альбоме. Она была толстая и белая. Вот на чём рисовать!..
Когда Вера слегла, она позвала меня. «Гера, – сказала она, – когда я умру, возьми мой альбом. Рисуй».
Помню, как подло я обрадовался. Ещё бы – такая бумага! В школе мы писали кто на чём. Вера сделала мне тетрадки из серых и жёлтых бухгалтерских бланков. Там были напечатаны красивые и непонятные слова: «дебет» и «кредит». Рисовал я тоже на «дебете» и «кредите». Борька, Скулопендра и Лесик любили рассматривать мои воздушные, морские, наземные бои. Они говорили: «Здорово!» А как бы я нарисовал на хорошей бумаге! И вот Вера дарила мне свой альбом… С того времени я стал прислушиваться к её кашлю. И вот однажды… Прибежал с улицы, а Вера застыла в своей постели… Бабушка шила тапочки из чёрной материи. Я

подумал, зачем такие непрочные тапочки? И тут до меня дошло, что бабушка шьёт их Вере. А Вере в них не ходить… Кожу свело на челюстях. Я выбежал во двор и по пустому огороду спустился в овраг. Там свалился в бурьян, пытался прокусить себе руку, чтобы кровь вся вытекла и я умер. Но зубы не слушались меня. Даже больно они не желали делать… Я хотел умереть из-за того, что подло дожидался альбома. Но расстаться с жизнью оказалось не так-то просто.

К альбому я не прикасался долго. Рисовал по-прежнему на «дебете» и «кредите». По рисованию у меня пятёрки.

Но вот осенью у Юрика случился приступ, как сейчас. Мы дежурили возле его постельки. Бабушка рассказывала Юрику сказки, а я ходил, как Чарли Чаплин, и пускал зеркальцем зайчиков.

В конце концов брату надоели мои выкрутасы. Он попросил меня нарисовать картинку. Я предложил ему бой матросов с японцами. Но Юрик в ответ замотал головой: «Не хочу бой. Нарисуй мне красивую картинку».

Тогда я взял альбом и спустился в овраг подумать, что бы такое нарисовать брату… Я засел в кустах паслёна, недалеко от пещеры. Не люблю, когда мешают рисовать. А тут надо ещё и подумать… Над оврагом голубела небесная река. По ней плыли серые дымы. Из-под земли донеслись голоса ребят:

Синее море,
Белый пароход,
Сядем – уедем
На Дальний Восток…

Я перебирал карандаши: синий, красный, простой и огрызочек зелёного. Ах, какие цветные японские мелки видел я на базаре, когда ходил с мамой менять губную гармошку на галеты! Но просил за них дядька столько денег, что нам и не снилось.

Я вздохнул и взял синий карандаш. Набросал запрокинутые под ветром гребни волн. Дал им оттенки синего. Вот острый нос врезался в волны, округлая корма, труба с дымком и две мачты… Зелёным карандашом подрисовал вдали островок с треугольными распадками. На небе оставил белые пышные тучи. И ещё взмахами простого карандаша разбросал чаек в разных наклонах… Всё – из ума, ничего – с натуры.

Я позвал ребят и показал им картину. «Вот здорово!» – сказали они.

И Юрику понравилось. Он стал расспрашивать меня о белом пароходе.

Я наплёл ему, что этот пароход заплывает и в Японское море. На нём живут загорелые ребятишки. Пароход такой огромный, что на нём цветут сады и плещутся озера с золотыми рыбками. Ребятишки бегают в садах, плавают в озёрах и едят галеты с компотом.

«Гера, я хочу на этот пароход», – сказал Юрик и вцепился в мою руку.

«Выздоравливай, – ответил я и подмигнул ему, – тогда дело будет в шляпе».

Через несколько дней брат встал на ноги. Но вот опять…

Со страшным грохотом заслонил свет в окне встречный поезд. Я вздрогнул.

– Гера, дай мне поиграть патрон, – сказал Юрик и протянул руку к оттопыренному карману моих штанов.

Я порылся в кармане и достал патрон от крупнокалиберного пулемёта. Юрик схватил его и начал колотить шляпкой об острый железный край столика. Я сделал ему знак, чтобы он играл осторожнее. Но Юрик метил капсюлем об острый угол. Тогда я отнял у него патрон. Юрик поднял крик.

– Отойди от ребёнка, олух окаянный! – сказала мама.

Подо шёл отец, увидел патрон и отнял. Его веки дрогнули. Отец повернулся и по шёл в тамбур. Я последовал за ним. Он рванул дверь и швырнул патрон. Бронзовая гильза сверкнула над кустами.

Отец стал боком ко мне. Его горбатый нос делал клевки, вторя вагонной тряске.

– Ещё есть? – спросил отец.
Я замотал головой.
– Зачем таскаешь такие дела? – спросил он.
– На японцев, – ответил я. – Не табаком же мстить за деда.
– А на табак можно выменять заветный твой «мерседес», – сказал отец игриво.
– «Мерседес» мне больше не нужен, – буркнул я, нажал плечом дверь и нырнул в вагон.

4

С вокзала нас повезли на машине прямо в порт. Улицы Владивостока вздымались и опускались волнами. Они скатывались к морю. Берег бухты был обставлен пароходами.
Нас подвезли к серому пароходу, на носу у которого белела надпись «Советы». С одной стороны парохода сияло, как наш эмалированный чайник, море. С другой стороны кишела толпа переселенцев. Мы влились в неё и под звяканье чайника пробились к трапу, потом на палубу.
Растрёпанные люди с криком волокли чемоданы, узлы, сундуки к кабиночкам с надписью «Твиндек». Мы тоже протиснулись в один из этих твиндеков. Отвесная лестница сбросила нас в тёмную утробу парохода.
Чайник затих – Юрик нашёл себе место. Он залез на нижнюю сетчатую полку и сидел, поглядывая на меня из-под шали. Я бросил свой чемодан, узел и побежал на палубу. За мной застучали по железным ступенькам трапа бурки Юрика. В трюме пахло ржавчиной, селёдкой, табачным дымом и кислятиной. А палубу грело весеннее солнце. Морской ветер гладил лицо. Мы с братом пошли, где никого не было, – на корму.
Вода в бухте напоминала по окраске хвост павлина.
– Это от нефти, – объяснил я брату.
К борту нашего парохода прибило мандариновую корку. Мы с Юриком стали плевать в неё. Юрик загадал: если попадёт до десяти, мы встретим белый пароход. А я загадал: если попаду до десяти, на нас не обрушится буря. Мы плевали по очереди. Юрик первый попал в корку. Он запрыгал на одной ноге и запел:

Синее море,
Белый пароход…

Я попал лишь на десятый раз.
– Не будет бури, – объявил я торжественно брату. – Наш десант высадится в полном боевом порядке!
– Бури не будет, – вмешался кто-то у нас за спиной тягучим голосом, – а штормик баллов на шесть-семь потреплет «наш десант».
Мы обернулись. К нам подкрался высокий лохматый дядька в морском бушлате и клёшах. Под бугром его носа, напоминающим валенок, топорщились усы из медной проволоки. Дядька легонько шевелил ими при разговоре. Он пристально смотрел на солнце из-под левой руки, на которой не хватало двух пальцев – безымянного и мизинца. Солнце напоминало кусок тлеющего кокса. В войну мы иногда топили коксом, который я собирал на станции.
– Шторма не боитесь? – спросил дядька. Губы его выгнулись серпом, кончиками вверх.
– Нет, – ответил я и пожал презрительно плечами.
– А мин?
Я пожал ещё презрительнее.
– А кто «травить» будет? – спросил дядька, и ус его дрогнул, как у таракана.
– Никто, – ответил я и повернулся к поручням.
– Поживём – увидим, – сказал дядька и зашаркал тяжёлыми ботинками по палубе.
– Будет буря, будет шторм – встретим белый пароход, – сочинил Юрик и опять запрыгал по палубе.
В это время пароход загудел, и мы поплыли. Катерок-букашка поволок «Советы» на длинном канате в море.

– Как называется белый пароход? – спросил Юрик.
– «Оранжад», – ответил я, не моргнув,
Палуба под ногами качнулась. Из трубы выкрутился густой дым. Катерок пронёсся мимо нас назад, подпрыгивая на волнах. Над мачтой закачались плоскодонные облака. Ветер подул холодный. Волны неслись на наш пароход, как табун зелёных коней с белыми гривами.
Я взял Юрика за руку и повёл назад, в твиндек. Брата могло прознобить здесь, хоть он был укутан маминой шалью. По дороге я стал рассказывать брату о белом пароходе, плёл ему, какая чудная жизнь у ребятишек на «Оранжаде».
В твиндеке ударил в нос тяжёлый табачный дух. Меня сразу затошнило. Юрика потянуло на сон. Мама уложила его на среднюю полку. Я лёг рядом.
По полу катался от борта к борту чей-то мяч, наполовину синий, наполовину красный. Волны стучали в борт, подбивали мяч. Удары становились звучнее. Они покрывали барахолочный шум твиндека.
Я закрыл глаза и увидел, будто рядом с нашим пароходом плывёт мина – круглая, со стеклянными рожками. Все ближе и ближе на быстрой волне… ещё миг!.. Я прижал ладони к лицу. Потом потихоньку сдвинул их с глаз, со щёк… Откуда эта трусость во мне? Может быть, так себя чувствует и каждый настоящий десантник?
Я растолкал Юрика и стал, полусонному, рассказывать о белом пароходе.
– Ребятишки не боятся мин, – говорил я, и лопатки мои передёргивались от озноба, – потому что на «Оранжаде» установлены такие приборы… Они замечают мину издали и расстреливают её из пулемёта: тр-р-р…
– А если на них нападёт подлодка? – спросил Юрик, зевая.
– Ребятишек никто не смеет трогать, – ответил я. – Ребятишки – в чём они виноваты? – Я прислушался к хлюпу волн за бортом и прибавил: – На крайний случай, на «Оранжаде» полно всяких шлюпок и спасательных кругов.
– Гера, а ты на Сахалине драться будешь с маленькими японцами или с большими? – спросил Юрик, и его глазёнки сверкнули.
– Все они одинаковые, самураи, – ответил я. – Кроме самых маленьких, вроде тебя.
Юрик опять засопел носом. Тогда я положил голову на край полки и стал глядеть, что делается внизу.
На нижних полках сгорбились наши и ещё несколько человек. Среди них я увидел того усатого. Семёном называли его соседи. Кончики усов шевелились вовсю. Разговор был не о минах, не о штормах, не о самураях, а о каких-то пустяках. Словно собрались соседушки на крылечке в сумерках посудачить. Видно сразу – им не страшно. Может, это оттого, что никто из них не собирается мстить японцам, как я.
– Картошка, капуста там родит, Семён? – спросила бабушка, затуживая ниже подбородка косынку в синий горошек.
– Родит, – ответил усатый и махнул левой рукой. Казалось, безымянный и мизинец у него поджаты. – Яблони даже родят. Только японцы сады не разводят на Сахалине.
– Нехристи, – сказала бабушка. – Ляксея моего в гражданскую живьём сожгли, как чурку дров… – Она достала из сундучка фотографию деда, потёрла чёрную рамку о кофту и подала Семёну.
Семён склонился над фотографией, кашлянул в кулак, но ничего не сказал. Я свесился с полки. Люди смотрели на моего деда и молчали. Я хотел, чтобы они увидели, как я похож на деда. Но они так и не заметили этого.
– А я всяких семян набрала, – встрепенулась бабушка. – Жива буду – садик разведу.
Пароход качнуло с борта на борт. Сине-красный мяч прыгнул на ржавый борт. В дальнем конце твиндека заплакал ребёнок. Отец вынул портсигар с выбитыми на крышке черепом и костями. Крышка откинулась, соседи потянулись за самосадом.
Мама попросила, чтобы не пускали дым на детей. Они закурили, стараясь выпускать дым подальше. Но он всё равно поднимался к нам сизыми пластами.
– А пьют они что? – спросил отец усатого.

– Рисовую лёгкую водочку, сакэ, – ответил Семён. – Пьют напёрстками. Нашего разгулу у них нет.
– Научим, – заявил отец, подмигивая.
Все засмеялись.
– Пальцы-то там потерял? – спросила бабушка, указывая на левую руку Семёна.
– Самурай отхватил кинжалом, – ответил Семён и повертел трёхпалой рукой на свету.
Я ещё ниже свесился с полки.
– А дело так было, – продолжал усатый, и все взгляды нацелились ему в рот. – Взяли мы с боя Маока и одного за другим самураев накрываем… Победа! Мы с дружком автоматы на плечо и стали обдумывать насчёт сакэ. Рядом с портом домишки налеплены, и выскакивают оттуда японец с японкой. Кланяются и лопочут что-то. Мы им про сакэ, а они в ответ: «Самурай, самурай…» Японец показывает на порт, она – в воздух руками: «Па-ф-ф! Бо-ф-ф!» Мы соображаем – дело нешуточное. Порт взорвать самураи замыслили, что ли? За автоматы – ведите! Они нас к складу громадному подводят. Перед дверью губы у обоих затряслись – слова сказать не могут. Ну, мы их оставили, сами – в склад. А там кули рогожные с вяленой селёдкой штабелями, чуть не до потолка. Дружок вёрткий у меня, вскарабкался на штабель и поверху дует. А я понизу бегу. В полутьме прохода поперечного не заметил. Самурай и выскочил на меня оттуда кошкой. Я левой рукой успел прикрыться – двух пальцев как не бывало. Острый кинжал – боли я не услышал. Второй бы удар верный был, да дружок сверху на самурая свалился и автоматом приглушил.
Семён оглядел свою левую ладонь, точно читал по ней. Цигарка, зажатая между большим и указательным пальцами, дымила. Семён вскинул голову. Зашевелились усы.
– Над машинкой взрывной сидел наш самурай. Ждал, когда в порту все десантные катера соберутся… Если бы не те японец с японкой, было бы трауру. А так двумя пальцами отделались. Потом приходили ко мне в госпиталь те японцы, цветы и сакэ приносили…
– Сакэ и с тремя пальцами мимо не пролетит, – встрял отец, подмигивая.
Соседи разулыбались и загалдели.
– Памятник надо поставить твоим пальцам! – воскликнул дядька, которого называли Рыбиным. Он не курил. Сверху было хорошо заметно, что челюсть у него шире лба.
Где я видел раньше этого Рыбина? И слышал тонкий, горловой, как у нашей мамы, голос. Где? Что-то мерещится, а вспомнить – никак.
– Один нам нужен памятник для всех – мирная жизнь, – сказал Семён, затянулся и выпустил волнистое кольцо дыма. – Ух и табак – благость!.. Лишь бы мир да такой табачок был. Верно, Василий?
– Пусть только пикнут ещё, – пробормотал отец и взглянул исподлобья куда-то поверх соседей, – и немцы и их союзнички…
– Говорят, на Южном Сахалине с табачком туговато? – спросил Рыбин, отдувая дым от себя.
– Табак, он везде сейчас дороже хлеба, – ответил Семён и выпустил новое кольцо.
– Посадим и табачок, живы будем, – сказала бабушка. – Семян я взяла. Турецкий табак у нас.
– Ну, это когда ещё новый вырастет, – заметил Рыбин, отмахиваясь от дыма руками.
– Да тебе-то чего? – с сильным хмыком ответил отец. – Не куришь ведь.
– Сочувствующий я курякам, – ответил Рыбин и засмеялся вдруг басом.
Я перевернулся на другой бок и достал из своей сумки альбом. Меня поташнивало, и я решил отвлечься. Слушать пустые разговоры не хотелось. Нет чтобы все время рассказывать друг другу о войне, как ходили в атаки, лазили за «языками», подбивали танки… Ну вот – Семён заговорил о своей жене.
– … Вернулся я в Иркутск, а Марья моя за другого вышла… Пил три месяца, потом пошёл в райком. Так и так, говорю, понравился Южный Сахалин, а потому как одинокий стал, направьте туда. Найду себе там японку…
Волны шарахнулись в борт, как стадо коров в тесном проулке. И вдруг нас потащило вниз, потом вытолкнуло вверх. И начались качели. Мама вытянулась на нижней полке. Соседи разлезлись по своим полкам. Мама постанывала, когда пароход проваливался. Лицо её

бледнело всё сильнее.
– Выведи меня на воздух, мама, – попросила она бабушку, словно отца тут и не было.
Бабушка и отец взяли маму под руки и повели к трапу. Рыбин, хватая воздух большим ртом, тоже шёл на палубу. У самого трапа он прихватил рукой челюсть и побежал. На верхних ступеньках мелькнули подковки на каблуках его яловых сапог.
– А ты выдюжишь? – спросил Семён, садясь на полку против нашей.
Я что-то промямлил: нужен он мне, такой «десантник», который любит японцев. А внутри в самом деле становилось муторно.
– Ты должен выдюжить, – продолжал он, – иначе какой из тебя вояка?
– Дядя, а Герка наш знаете как здорово про войну рисует! – сказал проснувшийся Юрик. Он взял у меня с колен альбом и подал Семёну.
Тот перелистал альбом.
– Чувствуется рука, – сказал Семён протяжнее, чем говорил раньше, и вернул альбом. – Только война сплошь у тебя тут… Вот и говорю – вояка.
– У него есть и про синее море, белый пароход, – ответил Юрик, – только в колзине – доставать далеко.
– Вот именно что в «колзине», – ответил Семён и взял Юрика к себе на колени. А мне сказал: – Рисуй лучше собак, яблоки, дома с дымом. Скоро на войну мода пройдёт.
Я скривил губы и засунул альбом в сумку. Какие ещё собаки, яблоки, дома? Я думаю про деда. Дай себе волю – и слюни распустишь. Смотрел, помню, кинокартину цветную «Бэмби» и залился слезами, когда у Бэмби, крошечного оленёнка, охотники убили мать… Пусть Борька попробует ещё раз заикнуться об оркестре, я ему покажу!..
И тут что-то накатилось изнутри к горлу. Я спрыгнул – только сетка взвизгнула за мной – и побежал к трапу. Ноги вынесли меня на палубу. Я протиснулся между людьми у поручней на борту и свесился над морем.
Люди с зелёными лицами вокруг меня делали такие движения, точно хотели выброситься в море, но в последний момент раздумывали. Я поглядел на них и сам сделал такой же рывок за борт. Пароход в этот миг дал крен на наш борт, и мои руки отцепились от поручней.
Сердце замерло – я повис над рокочущей пропастью. Потом скользнул вперёд и вниз. Но чьи-то большие руки поймали меня сзади.
Слева я увидел на спасительной руке только три пальца. И ещё я заметил, как самопал и одна ракета выскользнули из кармана и плеснули в тяжёлой волне. Я и не пожалел об этом. Тут же услышал я топот сапог и прерывистый голос отца:
– Семён… У меня в глазах, веришь, темно стало… Легче бомбёжку перенести…
– У меня самого колени дрогнули, – сказал Семён, вытирая лоб ладошкой.
– А я нырять уж собрался, – объявил Рыбин и вновь свесился с борта.
Отец потеребил мои волосы и укрыл полой шинели.
– По реке ходить – красота: не мутит тебя, не тошнит, – сказал Рыбин, вздыхая. – Так не живётся ж на месте…
– Не паниковать! – отозвался отец. – Скоро шторм кончится.
– Может, полегчает, – обрадовался Рыбин.
– Сейчас подлечим вояку, – сказал Семён. – У меня есть лекарство.
Они отнесли меня к будочке твиндека.
Семён спустился вниз. Отец отошёл к маме, которая висела на поручнях. Иногда он зорко глядел в мою сторону. А мне стало так плохо, что я заскулил. С носа на руку упала тёплая капля.
– Вот так вояка! – раздался надо мной голос Семёна. – Уже сопли распустил. Кто же десантом командовать будет?
Я поднял глаза и увидел в правой руке Семёна синюю кружку с алой ягодой.
– Это брызги, – ответил я и вытер нос.
– На, – сказал он, протягивая кружку с клюквой, – покидай в рот.
От одного вида кислой ягоды приятно свело челюсти. Я отсыпал клюкву в горсть, а потом – в

рот. Раздавил ягоду языком, и терпкий сок полился в горло.
– Лучше? – спросил Семён.
Я уронил в ответ тяжёлую голову.
– А это маме, – попросил я, отдавая назад полкружки клюквы.
Семён отнёс кружку маме.
Над мачтой неслись кудлатые обрывки туч. Я поёжился и заклацал зубами.
– Замёрз, – сказал Семён, поставил меня на ноги и повёл в твиндек.
Они с бабушкой уложили меня в постель на нижней полке. Я стал про себя прощаться с жизнью, с ребятами, с планом… А Юрик топтался по мне и спрашивал:
– Гера, а ты со мной будешь на белом пароходе?
– Отстань! О-о-ох!..
– Скажи, тогда отстану.
– Нет, – ответил я еле слышно.
– Почему? – Юрик уселся мне на живот.
– Отстань, кому говорю! О-о-ох!..
– Потому, что ты травишь, да?
– Отстань…
– Скажешь, тогда отстану.
– Тебе нельзя говорить. Ты предатель.
– Ага, знаю! – Юрик подпрыгнул на моем животе. – Ты будешь драться с японцами, а я чтоб на этом «Оранжаде» с девчонками плавал. Не хочу! Я с тобой. И галеты мне не надо…
– Дурачишка, на нём знаешь как хорошо… А со мной опасно…
– Не боюсь, – ответил брат и запрыгал на моем животе.
– Бабушка, забери его, – простонал я.
Бабушка перенесла братца на противоположную полку и сказала:
– Не вяжись к нему, внучичек. У него одни бомбы на уме. – Она затужила косынку за концы и добавила: – С ним головы не сносишь.
– А я и так помру, – серьёзно ответил Юрик. – Тётя Вера померла, и я помру.
Бабушка порывисто прижала его голову к себе и заплакала. Она утирала слезы пальцем с толстой, потрескавшейся кожей.
Я закрыл глаза, пытаясь уснуть. Но в это время отец, Семён и Рыбин привели маму, её уложили на противоположной нижней полке.
Отец говорил громко, точно соседи были глухие:
– Какая жизнь без друзей?! Был у меня друг Федя – под Кенигсбергом снайпер угомонил… Саньку Чирикова самурай на тот свет отправил. Чума и Зимин – те на материке остались… Дай, Семён, я тебя поцелую… Ц-ц-м-м-м… Ты друг мне теперь. Друг навеки!.. И ты, Рыбин, друг.
Что, если Борька, Скулопендра и Лесик не смогут пробраться ко мне? Как я жить без друзей буду?! И мне сразу стало хуже раз в десять.

5

– Сахалин! – закричал в наш твиндек матрос на третье утро плавания.
– Сахалин! – Люди бросились к трапу. Загремела железная лестница. – Сахалин!
Я зашевелился, надел шинель и тоже пошёл на палубу. Ноги мои хорошо сгибались, но распрямлялись с неохотой.
Над передней мачтой покачивалось горячее солнце. Пуговицы на моей шинели засияли, как начищенные пылью пятаки для игры в «остенок». Мы сгрудились у правого борта и жадно смотрели на землю, гряду сопок, которые медленно подплывали к нам. Снежные полосы в западинах искрились на солнце.
– Сахалин!
Матросы в брезентовых робах, в тельняшках поливали палубу из шлангов. Водяная пыль

сеялась на нас. Но мы не уходили от борта.
– Южный Сахалин!
Люди щурились от солнечных зайчиков и растягивали бледные губы.
Пароход подплывал к городку у подножия лиловых сопок. Домики цепко держались за прибрежную землю, а от моря японцы отгородились длинной бетонной дугой волнолома. В этом волноломе был проход. По левую сторону прохода над серым цоколем волнолома возвышалась башенка маяка.
В порту стоял уже пароход. Справа и слева от парохода щетиной торчали мачты катеров. А самые края бухты были пустынны. Только в левом углу, перед широкой песчаной полосой, были разбросаны разбитые катера и баржи. У некоторых лишь нос торчал из воды да мачта. Я сразу прикинул, что на этом корабельном кладбище можно обосноваться нам с ребятами.
Мы остановились на рейде. Чёрная с красной полоской труба загудела, вспугнув чаек с волнолома. Они лениво полетали над стеклянным морем и вновь уселись торжественным» рядами на волнолом.
В ответ на гудок нашего парохода катер вывел из гавани огромную баржу. Он ловко подвёл её к борту «Советов». Наши матросы пристегнули её канатами к пароходу и спустили широкий трап. На барже его приняли два японца.
Люди кинулись к трапу. Я увидел на барже японцев и попытался пробиться к трапу в первую очередь. Но остальным было наплевать, что на барже японцы. Меня выдавили назад. Да ещё мама щёлкнула по затылку и приказала:
– От чемоданов – ни на шаг!
Я почесал затылок. Юрик залился смехом, словно школьный колокольчик! Я сел на чемодан и стал разглядывать городок, который был уже не японский, но у которого ещё не было и русского названия.
На склоне выше всех домов сверкала серебристая крыша храма. Вспомнилось, что японцы поклоняются своему императору. И себя считают детьми бога – императора. Ну, подождите, дети императора! Всё-таки переплыл море… Не укроетесь волноломом… И я сжал слабыми руками рогатку в кармане. Мысли кружились. Третий день, кроме клюквы, я в рот ничего не брал.
– Ты что – оглох? – сказала мне мама чуть не под ухо. – Тот беды не знает, кто этих обормотов не имеет…
Её старенькое зелёное пальто было измято, лицо бледнее обычного. Но глаза сияли, как два синих камня. Мама оправилась от морской болезни и теперь вымещала на мне свою злость. С отцом-то не разговаривала. Лишь «да», «нет». Что за люди?.. Ну, я теперь от них не завишу. У них – своё. У меня – другое на уме. Завтра же надо написать письмо ребятам. Приедут – выроем пещеру вон там, на сопке, выше всех домов.
Я схватил лёгкий узел с табаком и потащил его вслед за отцом к трапу. Пока я дремал на солнышке, баржа перевезла всех пассажиров. Мы сели уже в полупустую.
На барже орудовали те два японца, в синих куртках с белыми иероглифами во всю спину.
Я глядел будто на берег, на море, на чаек, а сам зорко следил за японцами. От них всего можно было ожидать. Это ничего не значит, что они несколько рейсов до берега уже сделали и что один выпячивает в добродушной улыбке огромные зубы, а другой мурлыкает «Катюшу». Так же, наверное, улыбался доблестный генерал Сиродзу, глядя, как дедушку бросают в топку. «…Желаем полного успеха в строительстве и сохранении мира и порядка». Долго ли этим двоим утопить всех нас!
Катер потащил нашу баржу в бухту. Один из японцев стал за большое кормовое весло. Я следил, не направляет ли он баржу на волнолом. Мне показалось, что мы сейчас врежемся в бетонный цоколь под маяком. Я оглянулся. Все спокойно разглядывали городок. Семён объяснял бабушке:
– Японцев кормит море… Рыба, морская капуста, осьминоги, ежи, трепанги…
– Осьминоги, поди, склизкие?
Смоляной борт баржи коснулся короткой тени маяка. Над башней косо взлетели чайки. У меня

отлегло от сердца.
– Гера, смотри, какая птица! – закричал Юрик и дёрнул меня за рукав шинельки.
На волноломе, у ступенчатого подножия башни, стояла белая птица на длинной красной ноге. Птица поджала другую ногу и, сгорбившись, глядела в пенную воду прибоя.
Я мигом выдернул из кармана рогатку, зарядил свинцовым шариком, поднял её на уровень глаз и саданул по птице. Она подпрыгнула, трепыхнула крыльями и упала за волнолом.
Баржа вильнула кормой в разные стороны. Японец за веслом что-то прокричал второму. Тот подбежал к нам со сжатыми кулаками.
– Росскэ маренький худо! – закричал он. Глаз его не было видно в узких щёлках. Там только проблёскивало что-то.
Я натягивал и отпускал пустую рогатку, натягивал и отпускал. Резина больно хлопала меня по пальцам. Но я терпел. Я только не понимал, почему и японцу жалко птицу?
– Ладно тебе, – сказал отец японцу и загородил меня. – Раскудахтался из-за какой-то цапли.
– Не окно же разбил, – поддержал отца Рыбин. – Птица ничья, дикая.
– Грех какой, господи, – с укором посмотрела на меня бабушка. – Отец иконы жжёт, а сын птиц бьёт.
– Кровь они пьют мою, – пожаловалась мама.
– Журавль – священная у них птица, – сказал Семён и отнял у меня рогатку. – Все равно что у нас голубь… Так дело не пойдёт, вояка.
– Ну зачем же ты? – Отец поднял руку, чтобы перехватить рогатку, но было поздно: Семён вышвырнул её за борт. – Он же не на птиц её вёз, – пояснил отец.
– Законное его оружие, – поддакнул Рыбин и полуобнял меня за плечи.
– Пора своим котелком варить. – Семён похлопал меня по лбу тяжёлой ладошкой. – По росту скоро батю догонит.
Японец раздвинул щёлки глаз и с удовольствием смотрел на рогатку, которая покачивалась на воде.
У меня защипало в носу. Конечно, птицу жалко. Но зачем же отнимать у меня последнее оружие? Осталась одна ракета. А берег надвигался, как борт вражеского корабля. И по нему сновали японцы в синих куртках с иероглифами, похожими на драконов.
Юрик дёрнул меня за рукав:
– Гера, а где белый пароход?
Вот ещё пристал… Я пожал плечами.
– Где твой «Оранжад»?
Я показал большим пальцем назад, в море.
– Где, где?
Я был так расстроен, что на этот раз не смог бы выкрутиться. Но тут баржа стукнулась о причал, и люди заторопились на берег.
Мы опять ждали, пока все сойдут. Поднялись по трапу на берег последними. Машина с вербованными отошла перед нашим носом. Мы не успели забросить в неё свои вещи и теперь топтались с узлами на бетонной полоске пирса. Дина, маленькая жена Рыбина, пристукивала высокими каблуками полусапожек: замёрзла. На Дине жирно отсвечивала чёрная плюшевая куртка.
Меня раздражало пристукиванье и блеск куртки. Берег зыбился под ногами. К солнцу сбежались откуда-то тучи, и море потемнело. Я опёрся о железную тумбу, натёртую до блеска канатами, и стал следить, как Рыбин пыхтит в своей шубе колоколом, пытаясь поднять оброненный узел. Никто ему не мог помочь, так как руки у всех были заняты. Даже Юрика опять наградили чайником. Он подтащил чайник к Рыбину, сел на крышку и пытался помочь поднять узел. Наконец Рыбин кое-как зацепил свой узел рукой. Зато с шеи тючок свалился, когда Рыбин начал разгибаться.
Тючок зацепился за острый, раздвоенный на конце носок нашего чайника и разлезся. Из дыры посыпалась на бетонную плиту бурая махорка.
Пробегавшие мимо японцы споткнулись, обступили нас.

– Узелок на бочок – рассыпался табачок, – сочинил Юрик и начал, сопя, собирать махорку и ссыпать обратно в дыру. Но гнилая материя расползалась дальше.
Один из японцев, кривоногий, с редкими рябинками на круглом лице, одетый, в отличие от других, в чёрный костюм, протянул десятку.
– Прошу вас, пожалуйста, продать мне табаку, – сказал он без запинки, сверкнув золотыми полукоронками на двух передних зубах.
Рыбин оторопело глядел то на свой тюк, то на десятку в руках японца.
– Не слышишь, что ли? – раздражённо одёрнул соседа Семён и цвиркнул слюной через редкие зубы, словно беспризорник. – Человек просит махорки.
Рыбин склонился к маленькой Дине и пошептался.
– Воздержимся пока, – ответил Рыбин, опуская под ноги узлы. – Цена тут неизвестная, стакана опять же нет…
– Да ты горстями, – посоветовал Семён. Глаза его были сужены не хуже, чем у японцев, а бугристый нос покраснел.
– Како твоё дело? – озлился Рыбин и бросился подбирать табак. – Через всё море вёз, а тут продешевить. Нам он не даром доставался, табачок. Вот они, мозоли-то. – И он протянул большие руки.
Ну где я видел его? Ловкие пальцы с шёрсткой чуть выше сгибов. Ладони, как чашки.
Будто языком вылизывал Рыбин бетон. Отец одним глазом косил на Рыбина, другим на маму. Но мама не замечала ничего вокруг. Она глядела на пароход, который отплывал назад. По горлу мамы прошла волна. Отец вдруг нахмурился и взглянул на решетчатые ворота порта:
– Забыли про нас, что ли?
– Пойду потороплю коменданта, – сказал Семён и зашаркал тяжёлыми ботинками по бетонной дорожке. Из круговорота на его макушке выбивался вихор цвета ржавчины.
Рыбин выбирал табак из щели. Туда проходили всего два пальца.
– Не могла мешка покрепче найти… – ворчал на свою молчаливую жену Рыбин.
Японцы не расходились.
– Ну, чиво буркалы повыпячивали? – поднял Рыбин ушастую голову в их сторону. – Так работаете на советскую власть?.. Понимаете русский язык или нет?
– Понимаем, – ответил рябой японец, и скулы его дрогнули. – Прошу прощения, сударь. Я хотел купить табаку для больного брата. – Он гордо поклонился и зашагал к воротам.
Отец спустил узлы и смотрел то на них, то на маму, то на удаляющегося японца.
У меня поднялось настроение: наконец-то с японцами разговаривали как надо. Но тут случилось такое, чего я потом долго не мог понять.
Бабушка запустила руку в один из наших узлов и достала жменю табаку.
– Курите, ребяты, – сказала она и обошла япошек. – Крепкая махра – горло продирает, слезу вышибает…
Японцы ощерили свои без того выпяченные зубы и взяли по щепоти самосаду. Один из них пытался засунуть мятую пятёрку в карман бабушкиной кофты, что выглядывал из-под распахнутой телогрейки. Но бабушка отодвинула его руку. А отец обвёл японцев гордым взглядом – знай наших! – и сказал:
– Угощаю.
– Спасибо, – ответил один японец, другие закивали головами.
Я хотел заметить бабушке, что, может быть, отец вот этого улыбчивого японца толкал в топку нашего деда… Но тут мой батя протянул им нарезанную стопкой газету! Наверное, забыл, как «угостил» самурай его друга Чирикова Саньку. Японцы свернули цигарки.
Я оторвался от тумбы, чтобы напомнить бабушке и отцу про деда и Чирикова, но тут, как назло, подошла машина.
Семён соскочил с подножки. Он внимательно вгляделся в моё лицо. Глаза его против солнца напоминали зрелый крыжовник.
– Ну, чем недоволен? – спросил он. – «Десант»-то высадился.
Я нахмурился. Шутки шутками, а несчастную рогатку и ту отобрал.

Мы покидали узлы в кузов и уселись на них. Машина фыркнула своим дымом по японцам и покатила к воротам.
Мы проехали мимо каменного здания с вывеской над входом: «Управление порта». За управлением начинался деревянный город.
На двухэтажных домах были развешаны вертикальные вывески. Пахло соевым маслом, жареной соей, бочками из-под селёдки и плесенью. Парнишка-японец с чёрной чёлкой на лбу нёс большого краба. Я погрозил япончонку кулаком. Он остановился и открыл рот, как будто ничего не понимал. Бело-розовая клешня краба коснулась асфальта.
– Ага, увидел противника, – сказал Семён, натягивая мне шапку на нос.
– Куда нас теперь? – спросила мама, зябко дёрнув плечами.
– Шофёр знает, – ответил Семён. – Пока поживём все в одной комнате… В управлении с ног сбились: целый пароход переселенцев! Заселяют к японцам. И нашим надо угодить, и тех не обидеть… Меня сразу за жабры и на эту работёнку… Заказывайте… Устрою по дружбе в центре города.
– А можно не к японцам? – Я повернул голову так, что хрустнули шейные косточки.
– Ничего – переживёшь, – успокоил меня Семён. – ещё так скорешишься с ними – водой не разольёшь.
Я презрительно цвиркнул слюной, как делал он сам в таких случаях.
– Не нужны нам центры, – проговорила мама сурово. – Мы и с краю поживём, огород лишь бы был.
– На рыбзаводе у них рук не хватает, – сказал Семён.
Мама скосила на него глаза и задумалась.
– Кури, Семён, – предложил Рыбин, протягивая горсточку махорки. Губы его неуверенно вытягивались между буграми щёк.
– Аригато, – отблагодарил Семён по-японски, отворачиваясь.
По улице, по асфальту, цокали деревянными гэта японки в кимоно. Они важно несли на своих головах горки чёрных блестящих волос, проткнутых перламутровыми гребнями. У одной японки к спине был привязан ребёнок. Головка его болталась в такт с шагами матери.
– У нас кавалерия тише ходит, – сострил отец.
Рыбин засмеялся басом.
– Чует сердце – женюсь я на японочке, – сказал Семён и передёрнул усами.
У японок были маленькие печальные рты, а глаза напоминали воронье пёрышко. Мне вдруг вспомнились слова из уличной песенки:

Почему так плакала японка?
Почему так весел был моряк?

Неожиданно японки раскрыли большие бумажные разрисованные зонты. И сразу закапал дождик. А только что светило солнце!
Мы бросились укутывать Юрика. В это время машина остановилась возле дома с жёлтой вывеской от крыши до тротуара. Задилинькал колокольчик над дверью. На порог вышёл человек в лиловом кимоно. Его лысая голова напоминала кабачок.
– Коннити ва, – поздоровался с ним Семён, мелькнув клёшами над бортом машины.
– Милости просим! – Редкие волосы на бровях этого человека напоминали кошачьи коготки. А из-под бровей высматривали нас русские глаза. – С благополучным прибытием, соотечественники! Позвольте-с представиться… Бывший купец второй гильдии Тимофей Иванович Загашников. – Он отступил в дом, и мы вошли следом, волоча узлы.
В доме пахло вяленой селёдкой и соей. Купец смущённо улыбался, разводя руками.
– Извините-с, обстановка японская… Сами понимаете, с волками жить – по-волчьи выть.
Большая комната, выстланная соломенными матами, была оклеена японскими газетами. Чёрное колено трубы уходило от буржуйки в грязное окно, по которому тарабанил дождь.
Мама окаменела на пороге. В лицо её врезались острые тени. Губы сжались в пепельную

полоску. Казалось, она крикнет сейчас отцу: «Куда ты меня привёз?!»
– Сию минуту, – засуетился Загашников возле печки. Он чиркнул спичкой и поджёг растопку. – Обогреетесь, тогда и настроение поднимется.
В трубе загудело пламя. Мы разулись у двери и прошли к «буржуйке». Загашников сходил в соседнюю комнату и вынес оттуда плитку вроде столярного клея. Он протянул её Юрику.
– Сладенькая конфетка – амэ, – проворковал он и шутливо придавил нос Юрика толстым белым пальцем.
Брат вгрызся зубёнками в амэ. Потом дал мне откусить. Конфета потянулась за зубами, как резина. Она долго держалась во рту.
– Смотрю, одно лишь название – купец, – сказал Рыбин, усаживаясь на свёрнутую шубу. – Тесть мой простой часовщик, а дом – полная чаша. Скажи, Дина…
Жена Рыбина вскинула бровки и важно кивнула головой.
– Не до жиру – быть бы живу, – охотно отозвался Загашников, протягивая руки к печке. – Японец нашему брату, русскому, ходу не давал… Хоть отступление взять. Сами бегут на Хоккайдо, как крысы с корабля тонущего, а русский не моги… В море сбросят.
– Нехристи, – посочувствовала бабушка.
Я скосил глаза на Семёна: что он тут скажет? Но Семён вприщур разглядывал купца, покачиваясь на корточках.
Тогда я пересел к Загашникову и тихо спросил его по-японски:
– Вы хорошо говорите по-японски?
– Как по-русски-с, – ответил он мне с ласковым расплывом щёк.
– Учите меня, – попросил я.
– И охота тебе квакать, – морща лысину, ответил он.
– Нужно.

6

И пошли сахалинские денёчки.
Я целые дни просиживал в комнате у Загашникова. Мы с ним разговаривали только по-японски. Я изо всех сил зубрил японский язык. Даже письмо написать ребятам было некогда. Но в одно прекрасное утро мне пришлось оторваться от изучения японского языка: Юрик снова приболел, и в доме начался скандал.
– Вот тебе и море, – сказала мама, не глядя на отца, и подвезла корзину с Юриком к горячей печке.
– Пусть дышит морским воздухом, – ответил отец и оттащил корзину с братом к приразвинутому окну.
– Ему нужен свой угол, наконец, – сухо отозвалась мама и так поглядела на отца, что я втянул голову в плечи. Она взяла корзину за край и снова подтащила её к жаркой печи. – Дура я, что бросила свой дом, огород, посуду…
Юрик улыбался. Ему нравилось кататься в корзине. Но отец больше не решился перечить маме. Он потёр лоб, словно разглаживая клинышек на переносье, и уставился на Рыбина. Тот сидел на корточках в углу перед мешком с махоркой и отсыпал из него стаканами на разостланную тряпку: «…Питнадцать, шиснадцать, симнадцать…» На Рыбине был надет толстый зелёный пуловер, выменянный за табак у японцев. И груда вещей была уже навалена в рыбинском углу комнаты. Возвышалась глиняная макитра, прикрытая шёлковым белым флагом с кровавым пятном полусолнца.
– В хозяйстве сгодится, – сказал Рыбин, когда принёс японский флаг домой. – Зря ты, Василий, отказываешься менять… Табак, он не даром нам доставался. Спроси жену свою…
– А он меньше всего о жене и детях думает, – вмешалась мама, не дожидаясь ответа отца.
И вот отец не выдержал. Семёна-то не было, он целыми днями пропадал на работе: расселял вербованных. Как раз сегодня Семён пообещал переселить нас в дом с огородом. А отец и Рыбин работали в порту в одну и ту же смену. Эту неделю они днём отдыхали.

– Ладно, пойдём… – сквозь сжатые зубы сказал отец Рыбину и схватил узел с табаком. – Взводом всё-таки легче командовать.
Рыбин быстро связал концы тряпки, подмял узел под мышку и ринулся за отцом. Колокольчик долго звенел над дверью. Голова-кабачок Загашникова светилась в сумраке комнаты. Купец прятал улыбку за широкий рукав кимоно.
И я не пошёл к Загашникову. Я растянулся на полу возле бабушки и Дины. Они принялись вслух подсчитывать, когда будет пасха. У них не сходились числа, и они потихоньку заспорили.
Ну где я раньше встречал Рыбина?
– Гера, – позвал меня Юрик. Его глаза отливали сизым, как оперенье голубя, а по лицу расползался румянец. – Знаешь, что я посмотрел бы сейчас на белом пароходе?
– Что?
– Золотых рыбок.
– Хочешь, поймаю тебе бычка? – предложил я и достал из кармана леску. – Видишь – фабричный крючок.
– Хочу, хочу! – ответил Юрик и сочинил: – Ловись, рыбка-бычок, на фабричный крючок.
Я сходил во двор, выкопал из сырой земли возле стены дома трёх красных червяков и пошёл к морю. Надо было попасть в самую пустынную часть бухты, где тихо.
Асфальт кончился быстро, пошла пыльная дорога. По бокам стояли фанзы, опутанные сетями. В сетях лучились стеклянные шары – поплавки. Возле фанз прыгали через верёвочку япончата с чёрными чёлками. Они считали: «Ичь, ни, сан, си…» Вдруг они бросили верёвочку и уставились на меня чёрными, как вар, глазами.
– Русский маренький! – закричали мне эти клопы, указывая руками на берег. – Худо!
Не хватало, чтобы и эти мне указывали, что хорошо, а что «худо». И я решил походя стукнуть кого-нибудь из них. Однако они брызнули в разные стороны. Я погнался за одним. Он спрятался в какую-то щель между фанзами. Я сплюнул, как Семён, и пошёл дальше.
Передо мной чуть горбился песчаный берег. Вдали чернели разбитые катера и баржи. Там-то наверняка водятся бычки.
Песок был сверкающий и вязкий. Попадались белые щепки, шуршащие ленты морской капусты, куски панцирей и клешни крабов, обломки бамбука и осколки стеклянных шаров. Крепко пахло морской гнилью. Это прели в воде разбитые катера и баржи. С краю высилась огромная, как многоквартирный барак, баржа. Кормой она сидела в воде, а нос её завяз в песке, на берегу. Пробоина в корме была такая, словно баржу ткнул своим носом «Наутилус». Лёгкий прибой хлюпал в пробоине. Вода всплёскивалась внутри баржи.
Я по-кошачьи вскарабкался на палубу и пошёл на корму. Голые подошвы липли к растаявшему вару. Я уселся возле руля и размотал леску с фанерки.
Глубина под ногами была метра два. На дне росли темно-зелёные кустики морской капусты. Между ними по пятнистому песку боком шныряли мохнатые морские раки. Над кустами плавали налимчики. Они охотились за изумрудными сороконожками.
Я насадил на крючок червяка, поплевал на него и кинул в воду. Конец нитяной лески намотал на палец и стал подёргивать, чтобы червяк казался живым. Но сытые налимчики не обращали внимания на червяка. Тогда я опустил червяка ко дну и повёл его тихонько над песком.
Из тени от руля баржи выплыл толстый бычок. Он пошёл на червяка. Я перестал дышать, но тут вдруг сбоку что-то всплеснулось. По воде пошла рябь. Я дёрнул леску, но крючок зацепился за руль баржи, и леска оборвалась. Тогда я повернул голову вправо, на всплеск, и чуть не свалился в воду.
Из пробоины выплывала шлюпка! И кто управлял этой шлюпкой?! Двое япошек! Вернее, парнишка моих лет, остриженный под машинку, в очках, и девчонка с ровной чёлкой на лбу. Парнишка держал весла вдоль борта. Девчонка навалилась на руль, чтобы шлюпка не воткнулась в соседний полузатопленный остов катера.
Парнишка-японец чуть отвёл весла для рывка, но вдруг застыл. Девчонка тоже увидела меня и ойкнула. У меня, конечно, стало свирепое лицо, потому она и ойкнула.

Может быть, я и не кинулся бы драться при девчонке. Но тут такой уж был случай. Бычка они мне спугнули, из-за них я крючок свой фабричный посадил… Вот я и прыгнул с кормы на их шлюпку.

У парнишки, который вскочил мне навстречу, слетели очки с носа. Девчонка тоже вскочила на ноги. Но шлюпка дёрнулась от моего прыжка, и японка вывалилась за борт. Мне в лицо хлестнули брызги. Я отпустил парнишку, на которого налетел. Он стал хватать мусор на дне лодки – искал свои очки. А девчонка уже тонула. Она не кричала, но глаза – два чёрных рупора – вопили о помощи. Я однажды тонул на Амуре – знаю… Попал в воронку и обессилел. Рот под водой – не крикнешь. Так весь мой крик шёл через глаза. И Борька понял, что я тону. Он подплыл и вытащил меня за волосы. Спасать надо за волосы! Я вывалился за борт и подплыл к девчонке. Протянул руку, схватил её за чёрный кружок волос и потащил к шлюпке.

Парнишка уже усадил на приплюснутый свой нос очки. Он свесился с борта и потянул девчонку за шиворот в шлюпку. Я подтолкнул её сзади. Она лягнула меня ногой по носу. Хорошо, что была девчонка в соломенных тапках – дзори. Однако пришлось хлебнуть горькой, как отрава, холодной воды. Но тут японец протянул и мне руку. Я задыхался, поэтому схватил его руку, точно руку товарища.

Кое-как перевалился в шлюпку. И солнце, как назло, нырнуло в пухлую тучу. Я сжал зубы, чтобы японцы не слышали, как они лязгают от холода.

Вода в бухте полиловела. Пошли по ней мелкие кружочки. Дождь зацириньkал в пустое ведро на носу шлюпки.

Парнишка одним веслом развернул шлюпку и вогнал её в брешь. Мы проплыли метров десять внутри баржи к пристани, к дощатой наклонной и выгнутой площадке. Через мелкие отверстия вокруг дыры в борту баржи расходились толстые жгуты света. Близкие к нам серебрили паутину. Дальние – высвечивали стальной осколок, впившийся в доску, стёклышко очков парнишки-японца, перламутровую пуговицу на вязаной кофте девчонки. Один луч выхватывал из полутьмы фанерную полочку и стоящего на ней болванчика, который смеялся огромными фарфоровыми зубами, лаковыми губами, тугими волнами щёк и стрелками глаз.

Но вдруг всё погасло. И точно слетелись воробьи на палубу и застучали клювами над нашими головами. Сквозь щели закапала вода. Но над площадкой была натянута циновка. Мы спрятались под неё. Я сел на скатку (парус). Нащупал фонарь, гладкую толстую лесину (мачта), острую лапу якоря, бамбуковый шест, бухточку верёвки. Неплохо устроились… Не хуже, чем наша пещера… А вдруг они меня утопят? Недаром же они здесь оборудовали свой штаб. Наверное, и план против нас составили… Даже под мокрой рубашкой мне стало жарко. С двоими-то я управлюсь. Но вдруг там в темнота прячутся ещё двое-трое, да с оружием?!

Девчонка вышла из-под циновки и пошла в глубь баржи, в темноту. Я напряг зрение и напружинился, чтобы при малейшей опасности сшибить японца и кинуться в отверстие. Похоже, что баржу пробил снаряд. Маленькие дырки – от осколков.

Девчонка остановилась и быстро сбросила с себя кофту и шаровары. Она просто пошла отжать свою одежду. Однако я долго ещё не верил своим глазам и следил за нею. В темноте девчонка белела, как селёдочная молока. Словно русалка какая-нибудь, она изгибалась и прыгала, чтобы вытряхнуть воду из ушей. Девчонка отжала всё своё, снова надела и вернулась к нам под циновку.

– Пожаруйста, – выговорила она и показала рукой, откуда пришла.

– Да и так сойдёт… – пробормотал я в ответ, а ноги уже двигались в тёмную утробу баржи. Вдруг подумает, что трушу. И так у неё что-то слишком оттопыривается нижняя припухлая губа. Заметно даже в полутьме.

Видели бы ребята, как я шёл в глубь баржи и сжимал в сыром кармане последнюю ракету Лесика… Однако я до шёл до мокрого места, где отжимала свои шаровары и кофту девчонка. На меня никто не бросился из темноты. Но дальше я решил не ходить. Всё равно девчонка отвернулась…

Я быстренько выжал свои штаны и рубашку. И не успел я вернуться под тент, как дождь прекратился.

Парнишка-японец вдруг встал передо мной. Я сжался, ожидая удара. Но он начал по-своему благодарить меня за то, что я спас его сестру. Вот тут пришлось растеряться окончательно. Сам налетел на них, чуть не перевернул шлюпку, и меня же благодарят… Может быть, я неверно перевёл?..

– Мой брат говори росскэ маренький спасибо, – перевела девчонка, приложила руку к сердцу и поклонилась.

Зелёный луч впился ей в мочку маленького уха. Японка чуть повернулась, и луч пробил её ресницы, похожие на крылья стрижа, и осветил глаз цвета дёгтя. Она подставила щеку лучу, и там обозначилась ямка, продолговатая, как боб. И хоть нижняя губа была толстая и слегка оттопыренная, всё же мои пальцы зашевелились сами собой. Я никогда не рисовал девчонок, но тут бы мог – ради исключения, конечно.

– Купаться ещё рано, – пробормотал я, кашлянул и спросил: – Как вас звать?

Что бы там ни было, я не должен был показывать, что понимаю по-японски. Девчонка перевела мой вопрос брату. Тот ответил:

– Ватакуси ва Ивао то иимасу.

– Мой брат Ивао, – перевела девчонка. – Я – Сумико.

Они оба враз поклонились.

Чего они кланяются? Так у меня пропадёт вся злость.

– Вы мне бычка спугнули, рыбку, – хмуря по-отцовски брови, сказал я. – Через вас и крючок посадил… Меня Герой звать. Ге-е-ра.

– Росскэ Гера-сан ходи зачем наса барза? – возразила Сумико. – Дядя Кимура хозяин барза.

– Может, и сопки ваши, и море? – спросил я и ехидно так хмыкнул.

Сумико разъяснила мне, что их дядя владел этой баржей, пока её не пробил снаряд. Кимура имел и сейнер, но пришлось отдать его за долги купцу Загашникову. А на кунгасах Кимуры ловят треску и селёдку рыбаки рыбозавода.

Сумико перевела брату наш разговор. Тот не взъерепенился. Он отвернул борт военного кителька, снял крючок с подкладки и протянул его мне. У него их там было зацеплено штук семь – разных.

– Я хочу поймать рыбу, – стал оправдываться я, взяв крючок. – У меня есть маленький брат Юра. Для него хочу поймать рыбку, понимаете?

– Маленький Юра мы дадим рыбка, – сказала Сумико. – Пожаруйста, ходи к нам.

Я приложил руки к сердцу и сделал лёгкий поклон. Сумико сжала мою ладонь холодными пальцами и повела вперёд. Второй раз я шёл уже смелее. Но ракету на всякий случай в кармане нащупал. В носовой части баржи Ивао отодвинул ящик. В дыре сверкнул белый песок. Мы выползли на него. Ивао задвинул ящик над головой. Сумико цепко держала меня за руку. Она повела не напрямик к фанзам, а кружным путём по самому берегу. Я пытался сократить путь, но Сумико покачала головой и сказала:

– Гера-сан, там худо…

Я не стал ей перечить – мне нужна была рыбка.

– Где вы живёте? – спросил я у Сумико. – Дом ваш где?

Сумико показала рукой на склон сопки, в сторону храма.

– Ничего, забрались куда, – сказал я, увязая в песке с сырой корочкой.

Сумико рассказывала мне, что сегодня к ним приходил усатый «росскэ капитан», он хочет поселить в их дом русских. Я по этому поводу промолчал. А спросил, что это у них за болванчик в барже, который лыбится. Мне пришлось растянуть губы пальцами, чтобы Сумико поняла, о чём я говорю. Она долго и серьёзно объясняла мне, что это её «бог счастья». Нижняя губа Сумико при разговоре чересчур оттопыривалась. Да ещё эти ямки на щеках. Мне казалось, что японка подсмеивается надо мной. Но глаза она не отводила, когда я по методу разведчиков сверлил её взглядом.

Мы перешли песчаное поле и направились в город. Ребятишки, что прыгали через верёвочку, сбились в кучу. Я хотел мирно пройти. Но они разглядывали нас, словно зверей в зверинце. Самые маленькие япончата от такого зрелища даже забыли слизывать сопли. Вдруг один из

них что-то заорал невнятное. И все стали кричать, корчить рожи, подскакивать на месте, потрясать кулаками.
Я припустил за ними. Они рассыпались по щелям между фанзами. Но одного я успел схватить за шиворот. Приподнял его над землёй – он вскрикнул и зажмурился. Сумико, однако, не дала мне шлёпнуть его ни разу. Она вцепилась мне в руку и сказала:
– Гера, даруй ему свободу, пожаруйста.
Пришлось выпустить япончонка. Сумико потащила меня за ближний угол. Я спросил Сумико, почему ребятишки на нас ополчились. Она мне объяснила, что русские и японцы никогда не будут друзьями, всё равно что кошка с собакой. Я, конечно, был согласен с нею и спросил, зачем она учила русский язык. Сумико ответила, что язык победителей надо знать. Тогда я спросил, почему Ивао не говорит хоть немного по-русски. Сумико взглянула на брата, который шагал впереди, как солдат. Понизив голос, она ответила, что в этой войне у императора была плохая армия. В следующей войне солдаты будут лучше. Так говорит дядя Кимура, поэтому Ивао не учит русский язык.
Мы как раз проходили под аркой, которую Сумико назвала «императорские ворота». Две колонны, и на них балка, похожая на самурайский меч. Извёстка во многих местах была сколота пулями, но ворота стояли крепко на нашей дороге. Ивао приостановился и поглядел на верхнюю балку-меч так, словно примерялся к нему.
Глинистая дорога уходила в сопку, в зелень, к самым верхним домикам на склоне. Мы молчали после ворот императора. Я думал, что неплохо было бы все-таки поколотить этого Ивао.
Мы остановились возле двухэтажного домика с верандой, которая висела над обрывом. На веранде сидел старик японец в чёрном кимоно. Он сидел неподвижно, как деревянный идол, и глядел куда-то в море. Синяя дымка стояла над стариком. Он курил длинную трубку.
– Папочка! – закричал Ивао, улыбаясь во весь рот, выставляя под солнце полукруг зубов. Из-за огромных зубов Ивао невнятно говорил, и мне трудно было его понимать.
Старик и не взглянул в нашу сторону. У Ивао сморщилось розовое пятно над правой бровью. Он опустил голову.
– Нас дом, – сказала Сумико и печально добавила, показав на старичка: – Папа Ге.
Мы пересекли поляну с прошлогодними клумбами. Ивао раздвинул стеклянную дверь и с поклоном попросил меня войти. Я начал заражаться их вежливостью и показал рукой, чтобы первой вошла Сумико. Напишу об этом ребятам – со смеху лопнут. В школе-то мы трепали девчонок за космы. В прихожей, перед лестницей на второй этаж, стояли рядочком гэта – дощечки с цветными полосками кожи и материи на носках. Ивао и Сумико сняли свои дзори и поставили рядом с гэта. А я почистил пятки о штанины, и все. И тут я увидел, что Сумико усмехнулась. Я сдвинул брови и засунул руки в карманы. Ради Юрика надо было стерпеть всё.

7

По скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж и сразу попали в комнату с верандой. На стенах комнаты были наклеены картинки с изображениями дымящихся вулканов. В левом углу на низкой подставке стоял аквариум. В зеленой воде висели меж нитками водорослей золотые рыбки. Они пучили на меня глаза, похожие на кусочки бутылочного стекла. У них были смешные отвисшие брюшки и рыжие, как огонь, длинные эластичные плавники и хвосты.
Я подошёл к аквариуму по мягким матам, которые по-японски назывались татами, и опустился перед рыбками на колени. Такие не снились Юрику и во сне… Я поднял глаза на Сумико и приготовился сказать по-японски: «Дайте мне, пожалуйста, рыбку».
Но тут я услышал, как звякнула дверь на веранду. Ивао раздвинул её и с захлебом стал рассказывать отцу о нашем знакомстве. Я навострил уши. Ивао упустил, что я налетел на них. Зато со всеми подробностями он рассказал, как я спас Сумико. Ивао жестикулировал руками и подергивал время от времени желтую косынку на своей худой шее.
Старик на веранде не менял позы. Казалось, для него важнее трубка с длинным бамбуковым

мундштуком и маленьким чубуком, чем спаситель его дочери. Ивао стал рассказывать во второй раз то же самое. Под конец старик встрепенулся и вынул трубку изо рта. Тогда Ивао в третий раз рассказал ему о том, как я спас Сумико.
– Где он, этот русский мальчик? – спросил старик и медленно повернул голову. Его глаза в бурой сетке морщин не видели меня, хоть я стоял близко, в косом потоке света с веранды. Глаза его блуждали, как у пьяного.
Сумико подтолкнула меня к отцу.
– Его зовут Гера, – сказала Сумико.
– Спасибо, Гера-сан, – сказал старик. Он взял мою руку и приложил к своей шершавой щеке.
– Хороший росскэ марчик. – И забормотал по-японски, так что я разобрал только несколько фраз: – А жену мою и Тосиэ никто не спас… Зачем я их отправил?.. Надо умирать вместе… Все равно миру конец… Бомбы взрываются, как вулкан Фудзи. – Он бросил мою руку, закрыл лицо ладонями и стал раскачиваться: – О-о, конец миру, конец, конец, конец…
Ивао и Сумико с обеих сторон стали гладить серые волосы отца. Старик оторвал руки от лица и уставился на море. Слезинка выползла из его глаз и, точно головастик, сползла к губе. Ивао набил его трубку табаком и зажег. Сумико сунула мундштук в рот отцу. Старик, не отводя взгляда с одной точки, втянул дым впалыми щеками, выпустил и сказал:
– Там, на острове Птиц, нет бомб, нет русских, нет американцев, нет никого… Там никогда не будет войны… Кимура увезёт нас туда на своём сейнере…
– Да, отец, – ответил Ивао и поправил на шее шёлковую косынку, – мы скоро поплывём на пустой остров.
Я поискал глазами в море и увидел, куда смотрел старик и его дети. На самом горизонте из моря торчал островок. Он почти сливался с морем и небом. Я его заметил-то лишь потому, что тонкая острая тучка прерывалась в том месте.
Неслышно ступая по татами, вернулась ко мне Сумико.
Она попросила извинения за отца. Вот уж «шибко нежное воспитание», как говорит мой отец. Я пожал плечами и выразительно посмотрел на аквариум. Но Сумико хотела мне всё объяснить, как будто я за этим пришёл. Она стала рассказывать, что отец её был хорошим врачом. Много людей вылечил Ге. А теперь вот сам болен. Он помешался после смерти мамы и сестрёнки Тосиэ. Когда началась война, отец отправил их в Хиросиму. Вся семья должна была переехать в сердце страны, в безопасное место. Да война не ждала… И вот они получили письмо от знакомых из Хиросимы. В письме сообщалось, что мама и Тосиэ погибли.
Сумико подошла к двери направо и отодвинула одну половинку. Она вошла в полутёмную комнату и опустилась на колени перед тумбочкой, над которой был приколот к стене бумажный листок с сидящим богом Буддой. Сумико сложила ладони, как Будда. На домашнем алтаре чадили две свечки, по-ихнему ароматические палочки. Помолившись, Сумико взяла с алтаря трубочку бумаги и вернулась ко мне. Она пробежала глазами столбики иероглифов сверху вниз и рассказала мне дальше. Её мать нашли в автобусе с мёртвыми пассажирами.
Тосиэ была в школе. Увидев за окном вспышку, похожую на извержение вулкана Фудзи, она упала под столик. Раздался грохот, подобный тому, когда тайфун обрушивает море на берег. Ученики с криком попадали на пол… Лишь несколько человек выползли потом из горящей школы… Тосиэ плакала и бежала по улице, пока не свалилась. Знакомые подобрали её у своего дома. Они пригласили врача. Но врач не мог помочь. У Тосиэ беспрерывно шла кровь из носа и пучками лезли волосы. Когда она умерла, осталась лишь прядь на затылке…
– Папа теперь как маренький, – сказала Сумико и прижала письмо к глазам. – Папа бойся бомба. Он говори: «Ивао, Сумико, Кимура, надо живи пустой остров».
– Кто вам карточки выдаст на хлеб тогда? – спросил я.
– Не надо хреб, – ответила Сумико. – Япан кушай трава, рыба.
– Вы все тут чокнулись, – пробормотал я себе под нос.
– Что говори? – встрепенулась Сумико.
– Рыбки у вас больно красивые, – ответил я, кивнув головой на аквариум.
Сумико объяснила мне, что рыбки эти принадлежат дяде Кимуре. Он скоро придёт. А пока

они с Ивао будут развлекать меня картинами, которые нарисовал тот же Кимура.
Я заинтересовался. Ивао принёс эти картинки, нарисованные на белой толстой бумаге цветными мелками. Мы все трое сели на татами и сгрудились возле картинок.
На первой был изображён бой самураев с какими-то туземцами в звериных шкурах. В руках у самураев, одетых в синие шёлковые кимоно, сверкали широкие мечи и секиры на бамбуковых палках. Оскалив зубы, самураи прыгали на песчаный берег из своих лодок и гнались за туземцами. Некоторые туземцы пытались отстреливаться из лука, но самураи настигали их и рубили… Чернильные волны с белыми когтистыми гребешками несли к берегу караван самурайских лодок с высокой кормой и парусами, напоминающими крылья бабочек-капустниц.
Ивао ткнул пальцем в туземцев и гордо сказал:
– Айну.
– А-а, это которых вы перебили, – ответил я. – Читал. Айну жили на островах.
Я отодвинул от себя картинки, потому что там были сплошные самураи, и сказал:
– Надо рисовать собак, яблоки, дома с дымом…
– Коннити ва, – раздался за спиною голос, напоминающий мурлыканье кота.
Я вздрогнул и обернулся. Это был тот японец, что просил тогда в порту продать махорки. Щеки его напоминали тёрки с редкими дырочками.
– Здравствуйте, Кимура-сан, – ответили вместе Ивао и Сумико и поклонились.
Мой взгляд сорвался до его кривых ног в шерстяных носках. Если Кимура узнает меня, никакой рыбки я, конечно, не получу. Я ощущал на своей голове взгляд Кимуры. Пришлось притвориться, будто я внимательно разглядываю картинки.
– Вы не достали табаку? – спросил Ивао.
– Нет, – ответил Кимура.
– У отца кончается табак, – сказал Ивао.
– Зачем здесь этот русский? – спросил Кимура.
Я расслышал его слова так, будто он издалека очень быстро приближался ко мне. Кимура, ловко поджав ноги, сел передо мной. Он продолжал сверлить меня глазами, которые поблёскивали в кривых, как мечи самураев, разрезах. Сам при этом улыбался, ощеряя полукоронки на передних зубах. Золото только с краёв прикрывало коричневые зубы.
Я с тоской поглядел на аквариум. Похоже, моё положение ничуть не лучше, чем у этих бедных рыбок. Теперь черта с два убежишь. Ловкий Кимура, сразу видно. Вдруг он вообще переодетый самурай? И мне тут придёт конец!.. Даже письмо ребятам не написал… Мама предупреждала, чтобы не отходил от дома. Рассказывал Загашников, что японцы поджигают дома русских переселенцев… Что стоит им хлопнуть меня? Озноб про шёл вдоль хребта к пояснице.
Я заёрзал на месте и незаметно подвинул руку к карману, где лежала ракета. Однако в карман я не залез, потому что Ивао и Сумико стали наперебой рассказывать, как они испытывали шлюпку, как Сумико вывалилась за борт и как я бросился спасать её.
Они опять забыли упомянуть, что это я чуть не перевернул их шлюпку. Вместо этого они попросили разрешения подарить мне рыбку.
– Первый русский, который сделал японцу добро, – сказал Кимура, – но он ещё не вырос… – Кимура поклонился в мою сторону и добавил по-русски: – Я весьма благодарен вам. – Он выговаривал «л», в отличие от других японцев.
Я опустил глаза и увидел свои ноги, уже покрытые мелкими трещинками. Летом у меня не бывает без цыпок. Я весело пошевелил большим пальцем ноги. Теперь дело в шляпе.
Но тут старик Ге отвлёк Кимуру.
– Кимура-сан, – громко сказал Ге, – когда ты отвезёшь меня на пустой остров?
Кимура пружинисто встал и по шёл на веранду. Сумико махнула мне рукой в сторону аквариума. Мы с нею поднялись и подошли к рыбкам.
Сумико взяла щепотку крошек с фанерки позади аквариума и посыпала в воду.
– Надо плыть на маленький пустой остров, – говорил старик Кимуре и показывал трубкой в

дымчатую даль, – на большом острове жить опасно.
– На чём мы уплывём, Ге-сан? – отвечал Кимура, качая головой. – Вспомни, что стало с моим сейнером, баржей и кунгасами…
Я наморщил лоб, улавливая смысл разговора Кимуры со стариком. Японец обозвал Загашникова подлецом за то, что купец загрузил сейнер Кимуры своими товарами, а беженцев на Хоккайдо не взял. И за это судьба наказала купца: сейнер наскочил на мину.
– Какое несчастье, что Загашников выплыл! – воскликнул Кимура, сжимая острые кулаки.
Я приложил ладони к лицу. Сумико забеспокоилась и перестала сыпать крошки. Она тихо попросила меня не бояться Кимуру. Он-де сердится на одного плохого человека. А так дядя хороший, он работает в порту – узнаёт погоду.
Глаза у Сумико блестели, как у плюшевого медвежонка. Она сказала, что Кимура дарит мне рыбку.
– Мне бы вот эту. – Я наугад ткнул пальцем и попал в самую пузатенькую, что притаилась между камнями на дне.
Сумико принесла из соседней, левой комнаты стеклянную банку с водой и погрузила в аквариум руку. Золотые рыбёшки подплыли к её позеленевшим пальцам и ткнулись в них.
Я рассмеялся.
Сумико сомкнула пальцы вокруг выбранной мною рыбки и в этой пещерке перенесла её в банку с водой. Рыбёшка повиляла рыжим хвостом и успокоилась. Сумико протянула мне банку. Я сглотнул слюну и прижал банку к груди.
Ивао сверкнул в меня очками. Кимура вернулся с веранды, поднял картину с самураями и айну и протянул её мне.
– Дарю вам мою картину в знак благодарности, – сказал Кимура.
Я принял картину, хоть у меня своих боев было много. Мне бы тут и бежать, но я стоял как истукан и бормотал:
– Я тоже нарисую вам… У меня есть альбом. Хорошая бумага – в пупырышках. Что вам нарисовать? Хотите – бой матросов с япон… – Я прикусил язык и поправился: – Нет, скажите, что нарисовать?
– Море, – ответила Сумико, – и маленький остров.
Рядом с домом заурчала машина. Я повернул голову к многорамному окну.
В кузове машины блеснула плюшевая тужурка Дины. Рыбин крутил головой во все стороны. Мама показывала белой, словно бумага, рукой на поляну перед домом и что-то горячо говорила бабушке.
Наверняка мама советовала бабушке посадить на клумбах табак.
Сквозь стекло кабины я различил усы Семёна. Он держал на коленях Юрика, замотанного шалью.
Я решил не выходить пока на улицу. Может, нашим тут не понравится и они проедут дальше. Однако машина остановилась. Внизу задребезжала резко отодвинутая дверь.
Кимура уже спускался по лестнице.
– Коннити ва, – раздался тягучий голос Семёна.
– Здравствуйте, – ответил Кимура. – Чем могу служить?
– Принимайте русскую семью, – сказал Семён. – Утром мы тут с хозяином договаривались… Дом большой. Поместитесь. Вам всё равно скоро на родину уезжать…
– Прошу оставить нас в покое, – ответил Кимура, отчеканивая слова.
Семён стал втолковывать ему, что, пока японское правительство не заберёт своих граждан с Южного Сахалина, русские переселенцы и японцы будут жить вместе. А по нашим законам не может быть такого, чтобы четыре человека жили на двух этажах, а другая семья ютилась где попало.
– Японцы и русские не могут жить в одном доме, – отчеканил Кимура, как по бумажке.
– Земля наша разве не один дом? – спокойно возразил Семён.
– Да что ты его убеждаешь? – вмешался горловой голос Рыбина. – С такими надо покороче…
– Не кипятитесь, – сказал Семён. – Человек сам поймёт. Грамотный. Видишь, как по-русски

шпарит… Ано-нэ, уступайте один этаж! Я ведь только сегодня утром договорился с хозяином…
– Он невменяем, – упорствовал Кимура.
– Да, но мы с ним дотолковались, – не отступал Семён.
Подарки жгли мне руки. Ну не мог Семён выбрать внизу дом или дальше? И наши прилипли к этому, точно он мёдом обмазан.
– Мы поселимся на верхнем этаже, – проскрежетал внизу голос отца. – У меня ребёнок лёгочник. Ему надо, чтоб видел море… Давай, ано-нэ, потеснись, и без разговоров! Долго ли вам тут жить осталось? Скоро Хоккайдо ходи…
– Надо плыть на остров Птиц, – сказал Ивао сестре. Она вслушивалась в разговор, прижав руки к груди. её стрельчатые ресницы вздрагивали от резких выкриков.
Я пошёл вниз по крутой лестнице. Отец чуть не сбил меня с ног. Он отодвинул Кимуру в сторону и поскакал наверх.
Я пошире расставил ноги.
– Отец, – забормотал я, – у них больной старичок. Он смотрит на море и на островок… Лучше останемся, где жили…
– Ты откуда здесь взялся? – опешил отец и стал боком, чтобы пропустить меня вниз. – Мы его по всему городу ищем, а он в гостях. И у кого!.. Я тебе вот всыплю сейчас! – Он сделал вид, что расстёгивает ремень с бронзовой рамкой пряжки.
Я поставил к точёному стояку перил банку и картину и приготовился нырнуть под руку отца.
– Не тронь вояку, – вступился Семён, у него шевельнулись усы. – Ты вот что, Василий, может, в самом деле пока внизу поживёшь?
И в это время к лестнице подошли мама и бабушка.
– Вася, нам бы лучше нанизу, – сказала бабушка, развязывая косынку. – Здесь подполье сделаем. А наверху где картошку держать будем?
Отец свёл воедино брови и растерянно поглядел на кончики своих сапог. На него упала сверху тень. Ге-сан спускался вниз. Шуршало чёрное кимоно. Во рту дымилась трубка. В одной руке была подушечка для сидения. Другой рукой он прижимал к себе тёмную жаровню.
– Конец миру, конец, конец, конец…
Отец посторонился.

8

Мы поселились на верхнем этаже, где на стенах дымились вулканы. На светлой стене, рядом с верандой, мы с бабушкой повесили фотографию деда. Однако радости в нашей семье не прибавилось. Все, кроме бабушки и Юрика, ходили надутые.
Юрик целые дни играл с золотой рыбкой. Он разглядывал её на солнце, кормил крошками, менял воду в банке. Во всём доме свободно звучал лишь его смех.
А внизу будто не жили.
Я старался ходить по лестнице около перил, тогда она не скрипела. И вышмыгивал на улицу из прихожей, как заяц из клетки. Иногда все же я смотрел на стеклянную дверь.
Посреди темноватой комнаты перед жаровней сидел Ге и курил трубку. Перед окнами нижнего этажа над обрывом стеной разросся крыжовник. Он закрывал море и съедал солнце.
Ивао и Сумико я не встретил ни разу, точно они уплыли на свой пустой остров. А увидеть их так хотелось, что ныло сердце.
В первые дни переезда на гору я не очень-то хотел с ними встречаться. В конце концов, прав отец – чего с ними чикаться. И ребята наказывали не церемониться… Конец миру… Пустой остров… Язык победителей… А если бы они нас победили? Поплыли бы к нам на материк наводить мир и порядок. Я читал, как после войны 1905 года они устроили на Южном Сахалине гетто для русских… Нам бы, партизанам, срубали б головы самурайскими мечами…
Ну хорошо, мы с ребятами не тронем Ивао и Сумико. Я скажу ребятам, что Ивао и Сумико находятся под моей защитой. Надо это ещё в письме оговорить. Но зато другие потомки

генерала Сиродзу держитесь!..
Письмо, правда, я не смог пока написать. Торопились вскопать и засеять огород. Даже Семён нам помогал, хотя ему трудно было поддерживать лопату левой рукой. Он удивлялся, зачем мы вскапываем огромную площадь, советовал маме бросить огород и поступить на рыбозавод. Но маму нельзя было оторвать от грядок.
Мы перекопали всю поляну перед домом, оставив лишь узенькую дорожку к проезжей дороге. Потом сажали картошку, в одну лунку с нею – рябенькую фасоль; засеяли грядку морковкой, затем редиска, лук, кукуруза, подсолнухи, табак. Ими засадили чуть ли не пол-огорода. Рассаду бабушка вырастила ещё на квартире у Загашникова.
От нас не отставали и Рыбин с Диной. Они поселились в соседнем по дороге маленьком домике, хозяин которого уже уплыл на Хоккайдо. Рыбин раскорчевал под табак ланок в рощице на склоне. Он приходил к нам советоваться насчёт самой ранней рассады.
Чем чаще появлялся у нас Рыбин, тем реже Семён. Зато к нам потянулись японцы из городка. Они несли разные вещи, чтобы обменять их на табак. Японцам нравился наш табак. Они курили его и похваливали.
Отец принимал лишь красивые и интересные штуки. Он выменял часы с музыкальным боем. Каждый час они вытелинькивали нежную японскую мелодию. У нас появились деревянные чашки для чая и поднос, так разрисованные хризантемами, что на посуду можно было только любоваться. Отец носил дома шёлковое кимоно. Такое же отец выменял и матери, но она кимоно не носила. Мама злилась теперь на отца и за то, что он переводит добро – табак – на безделушки. Она и жила в левой комнате с бабушкой, а отец – в правой, где раньше стоял домашний алтарь японцев. Над постелью отца висел выменянный на табак шёлковый ковёр, где были вытканы горы с кривыми деревьями, озеро в камыше и лилиях, по нему разъезжали в лодках японцы с японками и любовались луной. В комнате отца стояли бронзовые статуэтки Будды, чаши из фарфора, пепельницы из бамбука, валялись длинные трубки для табака и опиума. И ещё выменял он свирель – лаково-чёрную, с красной кисточкой. Из н её выдувались звуки, напоминающие пение ветра в скалах, трели соловья, шорох волны. Отец сказал, что будет учиться играть на свирели.
Да, Рыбин однажды подарил отцу чёрную шкатулку, которую нашёл в своём доме. Когда Рыбин у шёл, Юрик раскрыл шкатулку. Там оказался какой-то пепел. Юрик набрал горсть пепла и начал струйкой спускать его обратно. Хорошо, бабушка увидела. Она схватилась за голову и раскрыла рот. Быстро-быстро крестясь, она подошла к Юрику и отняла у него шкатулку.
– Господи помилуй, Василий! – выговорила бабушка. – Это ж, сдаётся мне, покойника ихнего пепел!
– Красивая шкатулка, – ответил весело отец.
– Надо выбросить вместе с пеплом, – предложил я.
– Вам бы с отцом на собак брехать, – ответила бабушка, прижала к животу шкатулку и спустилась к японцам.
Бабушка пробыла там полчаса. Она вышла от японца вместе с Ивао. Шкатулку бабушка держала под платком. Ивао взял лопату, и они пошли к храму. Вернулись они через час уже без шкатулки.
С этой поры бабушка стала запросто ходить в гости к японцам на нижний этаж. И каждый раз несла вниз гостинец – добрую жменю табаку. О чём она могла говорить с полоумным старичком? Может быть, о врачевании? Вообще-то бабушка тоже вылечила немало людей на своём веку от простуды, от рожи и чирья. Она лечила травами и заговорами. Интересно, полоумие она сможет вылечить или нет? Наверное, нет. Туберкулёз она точно не лечит…
Я беспрерывно думал о Сумико. Она мне снилась по ночам. Будто она тонет, а я медлю прыгать в воду. Я считаю, что у меня отнимается в воде рука, как у отца. Будто у меня такое же ранение, блуждающий осколок…
Вдруг я вспомнил, что обещал отдарить их своей картиной. И я решил нарисовать для Сумико море и далёкий Птичий остров. Пошёл с утра к подбитой Кимуриной барже со своим

альбомом. Ещё надеялся я, что встречу там Ивао и Сумико. Буду рисовать, а они придут.
В барже всё оказалось на месте. Шлюпка чуть-чуть покачивалась на лёгкой волне. Я взял «бога счастья» с фанерки и поднёс его к свету. Он ухмыльнулся мне, как старому знакомому. Я прошёл к краю площадки. И тут вдруг заметил шевелящуюся студенистую водоросль в воде под ногами. Но водоросль подплывала. И я заметил розовые присоски, похожие на пуговички… Это был осьминог. Он переливался всеми красками, как мыльный пузырь, и гипнотизировал меня огромными жуткими глазами. Одно его щупальце дотянулось до края площадки в воде и стало ощупывать доску. Мои плечи сами собой передёрнулись. Я повернулся и побежал к носу. Даже не стукнулся в темноте о трап.
В этот день мне расхотелось рисовать с баржи. Да и отсюда почти не виден был Птичий остров. Я решил подняться на сопку и осмотреть море и островок оттуда.
После обеда я пошёл штурмовать сопку над городком. Без продыху карабкался по кустам, пока не упал в заросли кислицы на плоской вершине. Ветерок с моря высушил мои мокрые волосы. Я отдышался и сел лицом к морю.
Под моими ногами жирно блестела крыша храма. Чуть ниже отсвечивали на солнце крыши нашего дома, рыбинского и соседних. Крыши городка напоминали щит, пересечённый крестом – главной улицей с переулками. Волнолом изогнулся в сторону моря, словно лук.
Надо мной проносились стрижи и синицы. На руку свалилась божья коровка. Я её сшиб щелчком. Потом раскрыл альбом, погладил бархатную корочку.
Я начал подмалёвывать синим карандашом. Но море было многоцветное, в лилово-зелёных пятнах да ещё в мелких серебряных чешуйках. Это только для Юрика легко было нарисовать «синее моле и белый палоход». Я задумался и не заметил, как покрыл весь лист синим. Тогда я пересёк его зелёными косыми пучками. Получилось море на глубине. Вот колышутся ленты водорослей. А вот плывёт, маскируясь под море, клювастый осьминог. Рыбёшки от него врассыпную. Но одна, золотая, осталась в петле его щупальца.
Меня оторвал от рисунка барабанный бой. Кто-то лупил в пустую бочку около храма. Там, на зелёной площади, собирался народ. У японцев, наверное, был сегодня какой-то праздник.
Я поскакал вниз, и солнце подпрыгивало над моей головой, как футбольный мяч.
Японцы ради праздника вырядились в нарядные кимоно и чёрные костюмы. Они прогуливались перед храмом, а здоровенный японец бил двумя палками в пустую железную бочку, поставленную на попа на деревянном помосте. Комки его мускулов перекатывались под жёлтой кожей, и пот блестел на спине. Маленький японец в синем кимоно сидел рядом на помосте и наигрывал на свирели. Музыка была монотонная, но от н её всё равно ноги разбегались. И прогуливающиеся вокруг японцы не выдержали. Самые молодые стали в круг и начали изгибаться, точно былинки на ветру, и прихлопывать в ладоши. Все медленно кружились вокруг музыкантов. Подходили новые танцоры, и японский хоровод раздавался…
Мелькнула полосатая спина – это оказался среди танцующих Семён в тельняшке. Он топтался словно медведь. Рядом с ним я увидел девушку-японку с мелово-белой шеей под ровным обрезом волос. Японка показывала Семёну, как надо правильно танцевать. И всё равно он напоминал медведя. Девушка смеялась, откидывая голову, и опять показывала. Я понял, что Семёну не до меня, и не подошёл к ним.
Я вынул из-за пазухи альбом, чтобы набросать музыкантов и танцоров, пока не стемнело. Но тут крепкая рука схватила меня за плечо сзади. Звякнули медали отца.
– Пойдём-ка, – сказал он загадочно.
– Куда?
– Ты хотел доказать японцам за деда?..
– Хотел, – растерянно ответил я.
– Вот и докажи им…
Сапоги отца испускали всегдашний свой блеск. По утрам он долго наводил на них глянец. Сначала смахнёт пыль тряпочкой, потом нанесёт крем и расчистит щёткой. Затем настаёт очередь бархотки и куска парафина. После этого сапоги пылают чёрным пламенем.
Отец подвёл меня к дальнему углу храмовой площади. Народ теснился тут вокруг песчаной

арены. Много было ребятишек. Девчонки похихикивали в своём кружке под деревом. Там же стоял стол, за которым сидел японец с белой повязкой на рукаве. Другой японец с такой же повязкой ходил по кругу и вызывал на арену ребятишек бороться. Однако япончата жались и прятались друг за друга.

Судья наконец выволок на арену двух маленьких японцев. Толпа стала подбадривать малышей. Они неуверенно топтались друг возле друга по свежему песку.

– Давай! – закричал я. – Давай!..

Один малыш обхватил другого за голову и ткнул в песок. Сам испугался и убежал. Судьям пришлось побегать за победителем, чтобы вручить ему какой-то приз на лопаточке в конвертике. И опять судьи начали вызывать желающих.

Отец взял меня за плечи и вытолкнул на арену. Рубаха не выдержала тяжести альбома, вылезла из-под ремешка, и альбом шлёпнулся на песок. Японцы закачались от смеха, как кусты под ветром.

Я вначале растерялся, но потом подхватил альбом и гордо выпрямился. Я стал выискивать в толпе своих сверстников. Что ж, поборемся! Будет о чём написать ребятам…

И тут я чуть снова не выронил альбом. За мной исподлобья сквозь выпуклые стекла очков следил Ивао. Рядом стоял Кимура и что-то нашёптывал ему на ухо. И я сразу представил себе генерала Сиродзу. До сих пор я не мог нарисовать Сиродзу, сколько ни силился. Только форма генеральская выходила, а лица не было. Но теперь я видел это лицо. На зубах поблёскивают полукоронки… У меня зашевелились пальцы: так захотелось нарисовать генерала Сиродзу – Кимуру. Но в это время оба судьи обратились к зрителям с горячей речью. Они просили выйти бороться со мной того, кто ощущает силы, чтобы утвердить здесь дух Ямато.

Я положил альбом на стол судей и скрестил руки на груди. Вспомнил, как мы целыми днями боролись в своём овраге. Я клал на лопатки даже здоровяка Скулопендру. А если ты, Ивао, полезешь, то пощады не жди. Придавлю, как клопа, и не выпущу, пока не запищишь. Не выпущу, даже если будет просить Сумико. Она тоже должна быть тут. Они с братцем не расстаются.

Я вгляделся в девчачий куток и увидел Сумико. Она прикрыла нижнюю часть лица большим бумажным зонтиком. Но я её по одним глазам узнал бы. Они блестели, как кусочки антрацита. А Ивао уже шёл на арену. Он снял очки и щурился. Его тонкие зубы выпячивались, точно он хотел укусить меня. В самый последний момент я загляделся на его родимое пятно, похожее на воробья, и подумал: если они уедут и мы вырастем на разных берегах, но когда-нибудь нам доведётся встретиться, например, в рукопашном бою, я сразу узнаю Ивао.

В это время судья дал сигнал. Я зазевался и ощутил на ш её горячий выдох японца. Ивао обхватил меня под поясницу и кинул вбок. Мне удалось устоять. Но не успели ноги стать пошире, как Ивао вновь налетел. И тут я опять зазевался. Захотелось взглянуть, как действует наш поединок на Сумико. Она раскручивала за трость свой зонтик с черно-жёлто-зелёными глазами змеи.

Ивао толкнул меня в грудь, потому что Кимура выкрикнул по-своему из толпы: «Толкни!»

Я упал всем телом назад. Чтобы не лечь на лопатки, я выбросил правую руку. Она хрустнула выше кисти, но спасла меня от поражения. Судьи кинулись ко мне. Но я уже вскочил на ноги и сгрёб Ивао. Он очутился в железных тисках. Он ещё пыжился, больно давил мне в грудь подбородком и чуть не выскользнул, потому что правая моя рука вдруг онемела. Тогда я покрепче перехватил Ивао под поясницу и припечатал к песку одним броском. Онемение в правой руке прошло, но сменилось дикой болью. Я так и лежал на песке, лишь голову приподнял. Глаза змеи, нарисованные на зонтике Сумико, расплылись. Рядом начали спорить. Сапоги отца наступали на дзори судей и лакированные полуботинки Кимуры. Подошли из толпы ещё двое. По клёшам с ботинками и сапогам я узнал Семёна и Рыбина.

Отец доказывал, что победа моя чистая. Однако судьи медлили выносить решение. Кимура же просил судей повторить поединок.

Мы с Ивао поднялись. Он напружинился, готовясь вновь кинуться на меня. Родимое пятно налилось кровью.

– Капитан, – сказал один судья отцу, – оба падай… Надо опять борись.
– Опять, опять, – повторил Кимура, стараясь улыбаться.
– Поучи их ещё разок, – сказал отец и гордо оглядел толпу из-под приспущенных век. – Пусть знают, с кем дело имеют.
– Хватит, Василий, – вмешался Семён. – Пусть ребятишки помирятся.
– Не подводи наших, Гера! – завопил Рыбин.
– Ну так что, сынок? – спросил отец и подмигнул.
Чтобы не заорать, я кусанул губу и помотал головой в разные стороны.
– Говорю – борись, – просипел отец, наклоняясь ко мне. – Опозорить отца хочешь?
– Опять, опять, – твердил Кимура и улыбался.
– Ты его под ножку, под ножку… – советовал Рыбин.
– Перестаньте! – Семён потряс неравными кулаками, которые были похожи на два разных куска кварца. – Раздухарились?!
– Твоё-то како дело? – взвизгнул Рыбин. – Свово сына заимей и распоряжайся им, как хошь.
– Мой сын, – поддакнул отец, – что захочу, то и будет делать…
Я повернулся, прорвал толпу, где она была пореже, и побежал за храм. Здесь рос на склоне густой кустарник и возвышался на каменном постаменте бронзовый Будда, изрешечённый пулями. Я свалился в росистую траву и заскулил, как щенок, которому отдавили лапу. Будда печально глядел на меня пробитым глазом.

9

Изо всех сил дул я на вспухшую выше кисти руку, прикладывал прохладные, шершавые листья кислицы. Но боль отзывалась даже в кончиках пальцев на ногах. Я начал кататься по траве, но тут же затаился, потому что в мою сторону кто-то шёл. Их было двое.
Вот они зашли в рогатую тень храма. Я узнал светлое кимоно и сложенный зонтик Сумико. её сопровождал братец.
Они подбежали ко мне и присели на корточки. Я вспомнил, что самураи, сделав харакири, улыбаются, и выдавил улыбку.
– Гера-сан, ты война рисуй, – сказала Сумико и подала мне альбом, который я оставил на столе судей, – как дядя Кимура.
– Мне бы краски, – ответил я и повёл правую руку за спину. Однако задел больным местом за бок. Пришлось тихонько застонать. И в это время луна выскочила из-за выгнутой крыши храма. Я поспешно перевалился в тень. Но Сумико заподозрила неладное.
– Рука боли? – спросила она и схватила мою руку горячими пальцами.
Пока Сумико ощупывала опухоль, Ивао протянул мне конвертик. Такой же был и у него в руке. Значит, наградили обоих…
Я надорвал свой зубами. В конвертике лежал новенький рубль. Я скривил губы. Не могли дать какой-нибудь значок – всё-таки международные состязания!
Я решил отдать рубль Юрику – пусть играет – и спрятал его в альбом.
Сумико потянула мою руку за кисть.
– А-а-а!..
Хорошо, над площадью гремела бочка. А так бы народ сбежался на мой стон.
– Худо? – спросил Ивао.
– Надо доктор, – сказала Сумико.
– Где сейчас возьмёшь доктора? – промямлил я и опять стал дуть на опухоль.
– Дома, – ответила Сумико.
– Дома меня мать ремнём может только подлечить, – сказал я.
– Папа нас яруси, хоросый доктор, – ответила Сумико.
– Да он же помешанный. – Я покрутил пальцем возле головы.
– Папа хоросый доктор, – повторила Сумико. Она схватила меня за здоровую руку и повела по тропе вниз.

Она щебетала без умолку. Наверное, чтобы отвлечь меня от боли. Сумико говорила, что взяла зонтик на гулянье, – дядя обещал к вечеру дождь. Он гораздо лучше определял погоду, когда у него были собственные кунгасы, сейнер и баржа.
Я плохо слушал Сумико. Я старался не трясти руку. И прижимал её к груди, как мать ребёнка. Мне очень хотелось завыть, но впереди шла Сумико, а сзади Ивао.
– Нечестно ты меня толкнул, – сказал я Ивао. – Переведи ему, Сумико.
Сестра перевела ему. Он опустил голову и впился зубами в сорванную на ходу веточку. Сумико начала оправдывать брата. Она сказала, что это все Кимура. Он обучает Ивао приёмам джиу-джитсу. Я хотел сказать в ответ, что с его ли очками готовиться к войне. Но в это время мы продрались сквозь заросли кислицы, кукольника, бузины, увитой вьюнком, и свалились прямо к нашему дому.
Позади турундела бочка. Ей подсвистывала свирель. Над храмовой площадью блуждали разноцветные бумажные фонарики. И луна висела над площадью, ну точь-в-точь испеченная в костре и очищенная картофелина. При такой луне бабушка, бывало, заговаривала мне зубы. Сумела бы она заговорить мою руку? Вдруг положат в больницу? Потом как снова встретиться с Сумико?
Сумико с Ивао разулись в передней перед дверью их квартиры. Я, как всегда, потёр босые подошвы о штанины.
Ивао тихо откатил половинку двери и пропустил нас в тёмную комнату. Посредине жерлом вулкана краснела жаровня. Здесь никого не было. Но из соседней комнаты доносилось бормотание.
Ивао раздвинул следующую дверь. Под многорамным окном в клетке из лунного света сидели рядом на татами Ге и бабушка. Возле них стоял фарфоровый чайник с отбитым носиком. В нём бабушка держала свои целебные настои.
– На море-окияне, на острове Буяне, на песках сыпучих дуб стоит дремучий, в дубе том дупло, в дупле – темно, – раздавался мерный голос бабушки. – Изыди, болезнь, из Ге-страдальца на остров Буян, в дуб дремучий, в дупло вонюч её…
Ге глядел на луну и повторял, запинаясь. Как ни больно мне было, но я прыснул в кулак. Тогда Сумико дёрнула меня назад.
Мы вышли и переждали, пока они не закончили. Наконец бабушка сказала:
– Семь дён по семь раз повторим – должно полегчать… Я одну девушку полоумную вылечила. Ходила она все и спрашивала каждого: «Лёню моего не видели?» А Лёню этого, её жениха, под Ленинградом убило…
Дальше я не стерпел. Бабушка могла говорить о том, как лечила, бесконечно. Я шагнул к ним в комнату. Сумико пришлось идти за мной. Ивао сзади включил свет.
– Папа, помоги. – Сумико опустилась перед отцом на колени и стала объяснять, что у меня сломана рука.
Бабушка увидела мою вспухшую правую руку и всполошилась. Она сняла косынку и начала прилаживать к моей руке.
– Унучек мой родименький, – запричитала бабушка, – да где же ты сломал рученьку?
– Упал… там. – Я показал на сопку.
– Ох и бедовый же ты! Нет, чтобы чинно-спокойно посидеть…
Ге внимательно слушал дочь, потом отложил трубку и взял мою руку. Он ощупал кость, и глаза его умно сощурились. Все замерли. Ге отпустил мою руку и тихим голосом попросил принести бумагу и карандаш. Ивао принёс карандаш и лист бумаги из соседней комнатки, выходящей окнами на грядки с табаком. Через раздвинутую дверь донёсся запах ароматических палочек. И Будда пристально следил за нами со стены. Сумико кинула в комнату зонтик и задвинула дверь.
Ге нарисовал кость моей руки от локтя до кисти и трещинку выше сустава. Он отдал нам листок, а сам забормотал что-то под нос, потирая лоб мундштуком трубки.
Я испугался, что Ге вспомнил о том, что миру конец… Ивао и Сумико тоже глядели на отца с тревогой. Но старик через несколько минут попросил принести ему какие-то лекарства.

Сумико прошла к шкафчику в углу и принесла оттуда банку с коричневой мазью, медную лопаточку и кусок марли. Ге обмазал мою опухоль густым слоем прохладной мази и обернул марлей. Бабушкина косынка пошла на повязку. Ге подвесил мою руку к шее.
Мне сразу стало легче, будто из руки вынули огромную, до самой кости, занозу. Бабушка ещё долго квохтала, что я не сношу головы, а потом вдруг спросила старика:
– Семена-то нужны будут вам на пустом острове?
Ге вынул трубку изо рта. Но ответить он не успел. К нам донеслась песня:

Лесом, поляной, дорогой степной
Парень идёт на побывку домой.
Ранили парня, но что за беда —
Сердце играет и кровь молода…

Отцу подпевал Рыбин. Они остановились перед домом и стали по очереди кричать:
– Где ты, Кимура?
– Выходь!
– Я буду бороться с тобой по всем правилам!
– Я судьёй буду, гы-ы-ы!..
– Честно будем бороться!
Бабушка закрестилась и вздохнула:
– Господи пронеси…
– Конец миру, конец, конец, конец… – забормотал Ге.
Мы с бабушкой поднялись и пошли навстречу отцу. Он обнял Рыбина и качался на каблуках. Китель отца был расстегнут.
– А-а, это ты, слабочишка! – воскликнул отец и пошёл навстречу. – Отца осрамил на весь город… Я тебе прощал проказы. А труса не прощу. Не маленький… – Он расстегнул ремень и с прихлёстом вынул его из петель.
– Детей надо учить, учить, – верещал сзади Рыбин, размахивая руками, – чтоб в рот отцу глядели! – И он захохотал басом.
Я, как кошка с перебитой лапой, бросился назад и залетел по лестнице наверх.
– Вася, погоди!..
Но куда было бабушке гнаться за отцом, даже за пьяным.
Я перевёл дыхание только возле корзинки Юрика.
– Мама, у Герки рука на перевязи, – сию же минуту объявил братец, поднимаясь.
Мама вышла из своей комнаты, вытирая руки о белый передник.
– Взрывал опять? – спросила она.
– Просто упал, – ответил я.
И тут в комнату влетел отец. Всклокоченный чуб свалился ему на глаза. Мама преградила ему дорогу. Её губы напоминали чайку с опущенными крыльями. А глаза поблёскивали, как вода на дне колодца.
– Я из тебя бубна выбью… – с придыхом говорил отец. – Не слушаться отца!..
– Ребёнка не тронь! – сказала мама. – Мало ты моей попил крови? Свой дом бросил, а тут поселил с полоумным японцем внизу… Подожжёт – детей вынести не успеем. Мне назад недолго собраться… Поедешь с мамой назад, сынок?
Я почему-то подумал про Сумико и не ответил маме.
– А-а, горлица, – заскрежетал отец, глядя на маму дикими глазами, – птенца защищаешь… Крылья распустила… Воспитала мне сынка… Уезжайте – один останусь! – Он схватил маленький японский столик за край и поднял его в воздух.
Со столика полетела фарфоровая ваза, стопка старых японских журналов и банка с золотой рыбкой. Отец трахнул столик об пол. Всё развалилось. На мокром пятне блестели грани разбитой банки, высовывалась лакированная ножка, а куча журналов была усыпана осколками фарфора.

– Рыбка-а-а! Моя рыбка-а-а… – запищал Юрик.
Отец тупо глядел под ноги и покачивался на каблуках. Вода из банки обрызгала ему сапог. Он попытался согнуться, чтобы очистить сапог рукавом кителя, и чуть не упал боком на печку. В это время снизу раздался пронзительный клич Рыбина:
– Вася! Сюда! Кимура… Вот он! Держу-у-у!..
Отец кинулся вниз. Дом задрожал от его каблуков.
Я скатился вслед за отцом, забыв о больной руке. На дворе происходило вот что.
Кимура вырывался. Но руки у Рыбина были сильные. Кимура стоял лицом к дому и видел, как из дверей выбежал отец, за ним я. К Рыбину поспевала помощь. И тогда Кимура захватил руку Рыбина обеими своими, вытянул её на плече и перевернул отцовского дружка через себя. Рыбин грохнулся на землю, словно куль с глиняными горшками.
– До свидания! – крикнул Кимура и побежал вверх по склону.
Через несколько секунд не слышно было даже шуршания кустов.
– Стой, гад!.. – ревел отец. – Честно бороться будем!
Но тут носок его сапога зацепился за Рыбина. Отец растянулся рядом.
Лицо Рыбина белело под луной, как фарфоровая чашка с ручками. Из носа вытекала чёрная струйка.
Подошла бабушка с ковшом воды. Она побрызгала изо рта на лицо Рыбина. Тот зашевелился и открыл глаза.
– Вася, он сожгёт теперь меня, – сказал Рыбин и всхлипнул. – На материке мясо ел – крепче был. А тут рыба… Сожгёт…
– Я с этим Кимурой завтра же поборюсь, – успокаивал дружка отец.
– Сами виноваты, – возразила бабушка.
Рыбин схватился обеими руками за голову и, сутулясь, по шёл к себе.
Отец побрёл за ним.
– Тоже лечить надо, – сказала бабушка, скорбно подперев подбородок ладонью. – А ведь до войны совсем не пил.

10

«Сумико, я хочу увидеть тебя и объяснить все… Мой отец не такой… Он фронтовик, а у фронтовиков нервы расшатанные. Я тебе расскажу, какой отец у меня на самом деле. И Юрик просит золотую рыбку. А где я её возьму? Бычка он теперь не хочет. Подавай ему золотую рыбку, и всё. Я жду тебя, Сумико, в кустах бузины, напротив окна твоей комнаты. Гера».
Это первое, что я написал, когда зажила у меня рука. Словно не существовало Борьки, Скулопендры и Лесика, которые ждали от меня письма.
Я не встречал Сумико уже много дней. С того самого вечера, когда Кимура ловким приёмом кинул Рыбина на землю и сам скрылся неизвестно куда.
Конечно, ребята не похвалили бы меня за такую прыть… Но я объясню им, какая Сумико. В наш план надо будет внести поправку… Не все же японцы подлые. Я напишу письмо ребятам в ближайшие дни. Только сначала надо встретить Сумико и сказать ей, что во всём виноват Рыбин… Я ей зла не хочу. Даже наоборот… И пусть она не считает, что у нас все такие, как Рыбин.
Я встал, когда остальные ещё спали. Солнце золотило рисовую солому татами. Я бесшумно выдрал из своего альбома лист и написал письмо Сумико красным карандашом. Потом я на цыпочках вышёл из дому. Море урчало, как сытый кот. Все эти дни оно было серым от дождя, но вот сегодня вновь засияло.
Я навернул письмо на бамбуковый дротик и по шёл с ним по кустам вдоль грядки с табаком. С острых концов широких табачных листьев свисали капли росы. Они искрились, как кусочки зеркала. Роса скатывалась с листьев бузины мне за шиворот холодными живцами. Я поёживался и шёл. Мне надо было к меже, которая притыкалась к стене дома как раз под окном комнаты Сумико. В открытую форточку я хотел опустить дротик.

Я оттянул упругую ветку последнего перед межой куста бузины да так и замер. Одна половинка окна в тёмную комнату Сумико задвинулась на вторую. Узкая смуглая рука взялась за раму. Потом сама Сумико вспрыгнула на подоконник, повернулась на нём и стала нащупывать ногою землю. Нога высовывалась из синих шаровар до половины белой икры. Сумико спрыгнула на грядку и шлёпнулась. Она быстро огляделась и пригладила грядку ладошкой.

Сумико отряхнулась, поправила чёлку и пошла между грядкой и домом к обрыву. В руке она несла цветной узелок.

Я двинулся за ней, беззвучно раздвигая ветки. Я и не знал, что по обрыву можно спуститься. А Сумико вдруг смело прыгнула на осыпь. Я подполз к тому месту, откуда она прыгнула. Сумико, как коза, скакала по осыпи меж угластых камней и чахлых кустов, накренённых вниз по склону.

Я выждал, когда Сумико скрылась за выступом в обрыве, и тоже ринулся вниз. Письмо сложил перед этим вчетверо и сунул в карман штанов.

Сумико сбежала с обрыва и самым крайним коротким проулком пошла к морю. Я двигался за нею, как сыщик, метрах в двухстах, в тени рыбачьих фанз. Перед песчаным пляжем мне пришлось залечь. Долго лежал, потому что Сумико повторила длинную дорогу, которой вела меня от баржи в первый день нашего знакомства. Сначала Сумико направилась будто к порту, а потом, дойдя до самой воды, повернула к кладбищу. Может, она путала следы? Мы ведь тоже к пещере своей подходили, заметая следы.

Сумико шла по сырой полоске и размахивала узлом. От нечего делать я сгребал перед собой песок. Ладонь вдруг укололась. Я разгрёб песок. Передо мной лежал поржавелый тесак от японской винтовки. Совсем ещё недавно я здорово обрадовался бы этой находке, но сейчас мне было не до оружия.

Сумико подлезла под баржу и скрылась в дыре. Я поднялся и по шёл напрямик. Десять минут – и вязкий песчаный горб позади. В лицо мне ударила синяя тень баржи. Ящик был над дырой. Конечно, Ивао, который наверняка ждал сестру в барже, старательно заложил дыру. Серый ящик не отличался от серых досок баржи.

Я тихонечко отодвинул ящик до половины, влез в баржу и снова закрыл дыру.

Ощупью стал пробираться я к корме, где брезжил свет. Надо было подкрасться и крикнуть. Сумико с Ивао что-то затевают. Может быть, хотят плыть на пустой остров?.. Вот вздрогнет очкастый вояка! Будет смеху… Я крался к корме. Подполз к самому складу под навесом из циновки, и ни одна дощечка не скрипнула. Но что я услышал вдруг! Сумико разговаривала с Кимурой!!

Я распластался у днища. Мой нос воткнулся в какие-то щепки.

Я пожалел, что так близко подкрался к ним. Кимура сидел спиной ко мне. Но если он повернётся? Или я чихну? У меня передёрнулись плечи… Отец не теряет надежды поймать Кимуру. А Кимура наверняка думает, как бы отомстить отцу. И вот я сам в руки к нему при шёл… Со скоростью улитки я ощупал карманы. Ракеты не было. Давно её спрятал в свою школьную сумку. И тесак – сама судьба посылала! – не взял. Ну и поделом будет, если Кимура придушит, как котёнка. Я затаил дыхание и сполз на самый киль, чтобы спрятаться от ярких пучков света из щёлок и осколочных дырок.

– Кимура-сан, – говорила Сумико, – курите табак. Вчера русская бабушка опять приносила папе табак. Здесь, в узелке, рис и табак.

– Я не буду курить русскую подачку, – ответил Кимура и отодвинул кисетик, протянутый Сумико. Он взял плоскую жестяную коробочку с рисом, зажал между пальцами палочки и начал кидать рис в рот.

– Ивао купит табак в другом месте, – сказала Сумико. Она подала фарфоровый чайник.

Кимура отпил из него прямо через носик. Беглец был, видно, очень голодный и чавкал.

– Как здоровье Ге? – спросил Кимура.

– Русская бабушка его лечит травами, – ответила Сумико. – По вечерам они смотрят на луну и повторяют молитву. Бабушка спрашивала о вас, Кимура-сан.

– Не говорите обо мне бабушке, – сказал Кимура. – Ни одному русскому нельзя доверять.
– Не все русские плохие, – робко возразила Сумико и наклонила голову. Чёрный гребешок волос на виске свесился возле глаза.
У меня занемела нога, и я передвинул её. Какая-то банка покатилась и загремела, точно Илья-пророк на колеснице.
Правая рука Кимуры мгновенно очутилась за пазухой, точно он хотел почесать грудь. Тогда я вскочил и побежал. Я летел, как ветер. Но мягкие прыжки Кимуры догоняли меня. Если бы я догадался оставить дыру открытой!
– А-а-а!
Кимура схватил меня над ящиком. Он закрыл мой рот ладонью, которая пахла рисом. Японец прижал меня к своей твёрдой груди, точно хотел раздавить. За пазухой у него лежало что-то продолговатое – не то пистолет, не то нож.
Я брыкался ногами мычал:
– Пусти! Не имеешь права!..
Я прижал руки к карману, чтобы Кимура не отобрал у меня письмо и не прочитал. Но он как раз это и сделал. Отодрал мои руки и вынул письмо к Сумико.
Видели бы ребята… А знали бы они, кто меня спас…
К нам подпорхнула Сумико. Она первым делом вцепилась в руку Кимуре, и мне полегчало. А то уже рябчики запестрели в глазах.
– Кимура-сан, – пропищала Сумико, – у Геры больная рука.
Кимура ослабил тиски. И он прочёл письмо, одной рукой придерживая листок против света, что бил из-под ящика.
– Кимура-сан, – продолжала Сумико, – Гера знает нашу баржу. Помните, он спас меня здесь?
Кимура поставил меня между Сумико и собою. Сам наступил ногой на ящик, который закрывал мне дорогу на свободу.
– Тихо! – приказал мне Кимура. – Иначе я не гарантирую вам жизнь! – Он скосил глаза на Сумико и заговорил с ней по-японски, даже не подозревая, что я почти все понимаю.
– Ты должна отвлечь своего русского поклонника, – сказал Кимура. – Я переведу шлюпку на Мутную речку. Там густые кусты над водой. Пусть Ивао принесёт мне туда табак. В случае опасности я уплыву на остров Птиц. Там близко Хоккайдо… Пусть Ивао много несёт табаку.
– Я сделаю, как вы хотите, – ответила Сумико.
Кимура отдал мне письмо и отодвинул ногою ящик.
В баржу ударил фонтан света.
Я вывалился из дыры на песок, отполз от тени, вскочил и побежал прямо.
– Гера-сан! – закричала Сумико. – Так ходи не надо!
Но я был на свободе. Теперь я мог бежать куда угодно.
Конечно, отцу я не скажу ничего. Но вот Семёну надо рассказать, что Кимура скрывается тут, у нас под носом. Семён, тот решит, что надо предпринять… Однако глаза Сумико были открыты так сильно, как в тот раз, когда она тонула. И я не побежал. Я сел на песок и спросил как ни в чем не бывало:
– Почему?
– Рюди там не ходи, – ответила Сумико и обвела рукой чуть ли не всю песчаную полосу. – Война ходи… бомба, мина…
Она хотела напугать меня. Но я не Рыбин. Меня так просто не испугаешь. К тому же я знаю, что ей надо отвлечь меня. Сумико может вообще сказать сейчас, что надо сидеть на месте и не двигаться, потому что я за шёл на минное поле. Но я больше дураком не буду, как сегодня. Вот влип так влип. И письмо прочитал этот самурай. Ну, хватит. Позлю вот её и убегу. Скажу Семёну про Кимуру.
– А я ничего не боюсь, – ответил я, разорвал письмо на мелкие клочки и начал бегать по песку и кувыркаться, пока Сумико не подбежала и не схватила меня за руку. Под ресницами у н её стало влажно, как утром под листьями бузины. И куда-то исчезла моя решимость. Я даже не мог набраться смелости выдернуть руку из её руки. И девчонка повела меня по сырому песку.

Видели бы ребята, как плелся я за нею. Точно пленник. Тёплая гниловатая вода бухты окатывала наши ноги. Мои цыпки жгло, и я подпрыгивал на прибое.
Мы сделали огромную дугу и вышли к крайним фанзам. Я и тут не сопротивлялся. Мне было интересно, куда поведёт Сумико. Она цепко держала меня, словно боялась, что сбегу. Сумико вела меня прямо на сопку.
– Почему Кимура прячется? – спросил я и сорвал на ходу саранку.
– Боится, – ответила Сумико.
– Да ему ничего не будет, – сказал я, оглянулся – нет ли кого – и передал ей цветок.
Она отпустила мою руку и стала собирать букет. Перекладывая цветы травой, она расхваливала своего дядю. Кимура не имел своей семьи, потому что всё время занимался рыбными делами. Он мечтал скопить деньги на маленький рыбный завод. Этот заводик он купил бы на Хоккайдо. И тогда вся их семья переехала бы на родину. Кимура давно говорил, что жить на Сахалине опасно. И один он мог бы уплыть на Хоккайдо, когда началась война. Но Кимура не бросил их.
– Рыбину надо было посильнее дать. – Я сделал свирепое лицо и потыкал кулаками в воздух.
– Дядя Кимура росскэ боится, – повторила Сумико.
– Ты меня не боишься? – спросил я и сорвал ей вторую саранку.
Сумико прикрыла лицо жидким букетиком, покрутила головой и бросилась вверх – замелькали блестящие щиколотки ног.
Я побежал за нею по коридорчику, который оставался в зарослях кислицы. Метров через сто мы задохнулись и упали в траву.
Отчаянно стрекотали кузнечики. Выше по склону на кусте сидел ворон и кричал: «Алло, алло…» Солнце поджаривало кожу. Я сорвал два огромных лопуха и сделал шлемы. Лицо Сумико в тени лопуха позеленело.
– Вон остров пустой, – показал я в море бамбуковой палкой, которую подобрал по дороге.
Сумико ничего не ответила. Но глаза её были устремлены на Птичий остров.
– Давай уплывём на него, – предложил я. – И ребят вызовем, моих друзей – Борьку, Скулопендру и Лесика. Знаешь, какие ребята славные!..
И я рассказал о нашей пещере, о том, как мы взрывали патроны в кострах, как мечтали все приехать на Сахалин, – правда, не сказал зачем, – как думали об оркестре.
– И вообще иначе жизнь сделаем, – закончил я. – Никому никого бояться не надо… Оркестр обязательно создадим. Весело будет.
– Хреб там нет, – напомнила Сумико мои же слова, и продолговатые зелёные тени на её щеках сгустились.
– Зачем хлеб? – сказал я, ошкуривая стебель кислицы. – Вы можете питаться травой и рыбой, а мы – нет? Хочешь, докажу? Целую неделю буду есть одну кислицу.
– Хочу. – Сумико улыбалась, сильно оттопыривая нижнюю губу.
Я разломил надвое мясистый стебель кислицы и подал половину Сумико. Кислятина свела скулы.
Сумико стала доказывать, что раз у меня есть отец, мама, бабушка и брат Юрик, то я должен быть счастлив на этом острове. И зачем мне плыть на какой-то пустой остров?
– Папа, мама… – передразнил я её и рассказал, как папа разбил банку с рыбкой. А мама сама головы от земли не поднимает – возится на грядках – и меня туда же… А мне за войну надоело, как червяку, в земле копаться. В общем, хочется убежать из дому. Я могу попросить Семёна, и он отвеёт нас на Птичий остров на сейнере. И потом будет молчать, как эта сопка. На него положиться можно.
Но Сумико ответила, что рыбку Юрику подарит другую. Рыбку можно заменить, а вот мать и отца никогда. И добавила, что, если покинет своего отца, он умрёт.
– Ну, давай играть в войну, – сказал я и вручил ей «меч» – бамбуковую палку.
Себе я на шёл простую палку и обломил её, сравняв с «мечом» Сумико. Потом я объяснил ей, что она будет самураем, а я русским богатырём. Мы спрячемся в кустах и начнём искать друг друга. Когда сойдёмся, будем драться на «мечах». Мы разбежались в разные стороны. Я упал

под ивовый куст и заметил, где спряталась Сумико. Я решил заползти к ней в тыл и застать врасплох.
Я полз, как змея. Старался, чтобы надо мной не качнулась даже травинка. Мы учились ползать в нашем овраге в бурьяне. Борька тут был лучше всех. Он мог так проползти, что ни одна травинка после него не лежала. Он и нас обучил ерошить за собой траву.
Пауки оплели все вокруг седой паутиной. Она липла к потному лицу. Но я терпел и полз дальше. А когда мне в ноздрю забежал муравей и захотелось чихнуть, я использовал способ Лесика. Надо придавить верхними зубами нижнюю губу да пониже. Тогда чох пройдёт.
Я всё время вслушивался в шорохи. Уже близко должна была быть Сумико… Я замер. Меня кто-то рассматривал сзади. Я обернулся. Среди чащи зёленых иголок усмехалась Сумико. На её лице колыхались тени от листьев и солнца. Я глядел, какая она красивая, и забыл, что мы воюем. Наконец вспомнил: она «самурай».
– Ура! – закричал я и бросился на Сумико, выставив «меч».
Она ещё с колена отшибла мою палку быстро и сильно. Мой «меч» чуть не вывалился из слабоватой правой руки. Но я взял его покрепче и снова сделал выпад. Сумико вновь отшибла мою палку – только расщепленный бамбук задребезжал.
Я разозлился – и пошёл, и пошёл… Сумико отбивала мои выпады. Бамбук дребезжал в её руке. Вдруг она изловчилась и «уколола» меня в левую руку. Рука была не в счёт, и мы продолжали сражаться.
Еле-еле мне удалось её «приколоть». Да и то, наверное, она сама поддалась.
У меня ныла рука, когда мы сели на вытоптанную полянку.
– А ты неплохо отбивалась, – сказал я, помахивая кистью правой руки.
– Ивао учит меня, – ответила Сумико. Она упёрла свой «меч» в носок дзори и крутила палку, словно пыталась зажечь соломенный жгутик, зажатый большим и соседним пальцами.
– А Ивао кто учил? – спросил я.
– Дядя Кимура, – ответила Сумико.
– А я тебя хочешь плавать научу? – сказал я.
– Хочу, – ответила она и закивала головой.

11

Солнце с плеском садилось в море. Мы вернулись домой. Я обождал в кустах, пока Сумико зайдёт в дом, а потом вышел как ни в чём не бывало. От кислицы у меня свело рот и сосало под ложечкой.
– Где пропадал целый день? – набросилась на меня мама. – Мать на огороде разорвись, а ему дела нет!
– Есть у меня свои дела, – ответил я и скосил глаза на столик возле печки, где орудовала бабушка.
– Опять штабы и снаряды? – спросила мама.
– Наоборот, – отозвался я и прошмыгнул мимо н её к бабушке.
На тарелке меня дожидалась горка оладьев, пропитанных постным маслом и посыпанных крупным сахарным песком. Нет, травой не проживёшь и одного дня.
Юрик в бабушкиной кофте стоял на веранде и плевал вниз.
– Гера, – сказал он, – ты купался?
– Угу, – ответил я.
– Хоть бы меня взял, – печально сказал Юрик. – На «Оранжад» обещал… Где он, белый твой пароход? Так я и не вылечусь…
– Отойди в комнату, – приказала ему мама. – Ветром охватит – опять сляжешь.
Я разжевал сладкий пахучий оладышек и ответил брату:
– Будет у тебя сегодня рыбка. Такая же пузатенькая.
– Завтра табак полоть, – сказала мама.
Я промолчал. Перечить ей было нельзя – живо отколошматит. Но я твёрдо решил табак не

полоть. Удрать пораньше на море, и всё. А пока молчать… Мама ходит нервная. Щёки пустые. Глаза льдистые. Бабушка и та ей не угодит. А про меня и говорить не стоит. Всё кажется маме, что японцы ненадёжны… А я так не думаю. Всё-таки им досталось в войне. На них атомные бомбы сбрасывали. После этого никакой войны не захочешь… Нос сегодня обгорел на солнце – притронуться больно. Ну и ерунда. Облезет шкура – новая ещё лучше будет…

Я вытер масляные пальцы о рушник и показал Юрику на корзину. Он залез в неё. Я повёз корзину по полу. Мы подъехали к лестнице и увидели Сумико. Она поднималась к нам, неся перед собой стеклянную банку. В зелёной воде шевелила рыжими плавниками рыбка.

Юрик выскочил из корзины – и навстречу Сумико. Она сразу отдала ему банку.

– Рыбка! Рыбка! – завопил Юрик и побежал показывать её бабушке и маме. На его груди колыхался светлый кружок воды.

– Беренький марчик, – сказала Сумико.

Смешно было слушать, как они говорят. Юрик картавил, а Сумико, наоборот, не могла произнести букву «л».

Юрик поставил рыбку на веранду, а сам вернулся к нам.

– Юрик, это Сумико, – сказал я.

Сумико погладила его волосы мягче пуха.

– А я умею на голове стоять, – ответил брат и тут же притулился к стене вниз головой. Рубашка на его животе задралась, и я хлопнул по белому бугру ладошкой.

– Встань, – приказала мама, – кровушка прильёт к голове – опять заболеешь.

– Нехай вертится, – возразила бабушка. – Это ему в пользу.

Юрик не удержал равновесия и упал. На стенке покачнулась фотография деда. Юрик сейчас же отполз к своей корзине, порылся в ней и вынул коробку, где хранил фантики от конфет, сушёных жуков и мою картинку. Юрик вынул картинку и показал Сумико.

– Это Герка нарисовал, – стал объяснять брат. – Белый пароход называется «Оранжад». Там золотых рыбок уйма. Ребятишки едят галеты с конфетами. «Оранжад» скоро приплывёт сюда. Я на нем вылечусь… Пока он вон на том острове. – Юрик потащил Сумико на веранду и показал пальцем на Птичий остров с розовой от заката верхушкой.

– Там пустой остров, – ответила Сумико. Она не замечала моих отчаянных сигналов: – О-ранжад – это сок, мидзу, вода…

Юрик повернул ко мне голову, сморщил нос и захныкал:

– А Герка сказал…

– «Оранжад» выбирает себе стоянки в пустынных местах, – стал выкручиваться я. – Где живут люди, там рано или поздно будет война. Понял?

– Значит, сюда не приплывёт? – спросил Юрик, шмыгнув носом.

– Приплывёт, – заверил я брата. – Война прошла… Больше войны не будет. Верно, Сумико? – И я подмигнул ей.

Она перевела взгляд с Юрика на картинку, потом на меня. Видно, поняла меня.

– Да, – ответила Сумико.

– А вы с ребятами хотели воевать с… – начал Юрик выкладывать военную тайну.

Тогда я взял рисунок и перебил брата, рассказывая, где на «Оранжаде» сады, где озёра, где кукольный театр, где столовая…

Юрик отвлёкся, задумчиво поковырял в носу и вдруг объявил:

– А я стихи знаю. – И, не дожидаясь приглашения, подкатил глаза к потолку, забубнил:

Ах, попалась, птичка, стой!
Не уйдёшь из сети…

Он читал так, что жилка налилась на виске. Закончив, Юрик попросил Сумико спеть ему песню. Она кашлянула, вложила руку в руку и запела «Катюшу». Юрик стал подпевать ей. Голос его напоминал звон балалаечной струны и забивал тихий, как шорох волны на песке, голос Сумико. Я ущипнул Юрика, чтобы он не орал. Но его рот стал открываться ещё шире.

Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла…

Когда они спели «Катюшу», Юрик попросил Сумико спеть ещё и японскую песню. Она откашлялась и запела:

Моси, моси камиэ-е…

На лестнице застучали сапоги. Отец всегда поднимался быстро, словно за ним гнались.
Сумико смолкла, опустила голову и прислонилась к стене рядом с печкой.
– О, у нас гостья, – сказал отец, вынырнув. Веки его поднялись, точно занавес в театре.
– Сумико пришла ко мне, – похвастался Юрик и побежал показать банку с рыбкой. – Рыбка плавает по дну – не поймаешь ни одну.
– Как раз у нас будет чем угостить, – сказал отец и вынул из оттопыренного кармана брюк бумажный кулёк.
Юрик оставил банку и запустил в кулёк обе руки. Он вынул горсть конфет в синих обёртках. Конфеты были дорогие, шоколадные. Юрик развернул одну и засунул её в рот. Потом он протянул конфеты Сумико.
– Угощайте гостью чаем, – посоветовал отец и включил свет, хоть было ещё светло.
Бабушка не заставила ждать с чаем. Она скоренько подогрела и выставила наш большой чайник на середину японского стола. По краям расставила синие фарфоровые чашки. Я предложил Сумико сесть за столик и сам опустился рядом на татами.
Чай мы пили весело. На нас со стены глядел дед. Глаза его были печальны, но губы тянулись вслед за подкрученными кончиками усов.
Конфеты понравились Сумико. Она откусывала маленькими дольками и жмурилась.
Я пил из блюдца, как купец Загашников. Сумико смеялась надо мной. Юрик собирал фантики, разглаживал между ладонями и складывал стопкой.
– Ребятам подарю, которые на «Оранжаде», – сообщил он мне и Сумико по-свойски.
– А где, интересно, твой дядя, Сумико? – спросил вдруг отец и уставился на неё своими цыганскими глазищами.
Веселье за столом увяло, как цветок в кипятке. Сумико отложила конфету. Ямки на щеках её разгладились.
– Ты что пристал к девочке? – тихо сказала мама. – Дети виноваты?..
– Да я того… – забормотал отец. – Я хотел сказать, чтобы он не прятался… Ну, случилось по пьянке… Так что – вечно нам в ссоре быть? Пора на мировую… В порту без него синоптики пурхаются. Ни бельмеса не смыслят в облаках и ветрах… А дело начали мы нешуточное – мол чиним. Для ихних же рыбаков… Людей высаживаем на него каждое утро, как десант… Вдруг тайфун?!
Он допил чай из своей чашки, поглядел сквозь н её на белый накал электрической лампочки и щёлкнул пальцем по краю. Чашка издала чистый звон. Отец поцокал языком и сказал:
– Ах, что за чашки!
– Ты не будешь больше гоняться за Кимурой? – спросил я отца громко, чтобы поймать его на слове и успокоить Сумико.
Отец не успел ответить, потому что лестница заскрипела под тяжёлыми сапогами. Я сразу узнал этот медленный шаг. Шёл Рыбин. Над полом выросла щётка его белёсых волос, она спускалась низко на лоб Рыбина косячком. А лоб навис над глазами большими надбровными шишками. Красная шея распирала воротничок шёлковой безрукавки.
Как такого здоровяка кинул через голову тощий Кимура?
Рыбин про шёл к нашему столу и сел на задники своих сапог. Он не имел привычки разуваться на лестничной площадке. Бабушка всегда выметала после него грязь и ворчала. Но гость есть гость. Да ещё друг отца.

Бабушка налила Рыбину чаю. Сосед развернул конфету и метнул её в рот, который был чуть меньше поддувала в нашей железной печке.
– Как вы не боитесь пускать их к себе?.. – сказал Рыбин, отдуваясь.
Сумико, конечно, поняла. Она сидела ни жива ни мертва. А я думал: что будет, если вылить кипяток из чайника Рыбину на голову?
– Мы гостям рады всегда, – ответила бабушка, и я понял по её задрожавшим губам, что она негодует.
– Дина теперь их боится ужасть, – сказал Рыбин и вытер пот со лба тыльной стороной руки. – Ночью ей кто-то мерещится под окном… И я беспокойно стал спать. Мечусь во сне, вскакиваю…
– Ну, а выходил? – усмехнулся отец.
– Из окна вчера смотрел, – ответил Рыбин и, скосив глаза на Сумико, добавил: – Вроде он, Кимура. Кому ещё быть?
Сумико встала.
– Аригато, – поблагодарила она и поклонилась, не поднимая ресниц. – Сайонара.
Я вскочил. В горле застрял горячий чай. Но Сумико уже сбежала по лестнице.
– Мстительные они, злобные, – продолжал Рыбин, задумчиво опуская конфету в рот. – Сожгут как пить дать.
– Хитрого мало, – сказал отец.
– Ты по-человечески к ним, они тоже добром ответят… – возразила бабушка.
– Так они тебе и успокоились, – ответил Рыбин, выцеживая остатки заварки в свою чашку. – Ружьё завалященькое иметь не мешало бы…
– У Герки вон попроси самопал, – с улыбкой предложил отец. – Целый арсенал у него заготовлен.
– Если бы и был, не дал бы, – ответил я резко.
Они засмеялись.
– Ишь ты, сурок, – сказал Рыбин, скаля зубы, похожие на семечки подсолнуха. – Вырастет – батьку бить будет.
Я поглядел на них исподлобья и закрутил конфетную обёртку в синий жгутик.
– Гхе-гхе-гхе… – засмеялся отец.
– Хо-хо-хо! – вторил ему басом Рыбин. И откуда брался бас после такого тонкого голоса?
– Жених, – пытаясь погладить меня, сказал отец. – Давайте сосватаем за него японочку, а? Породнимся с ними, тогда и ружья никакого не надо будет… Согласен, Герасим, за общее дело пострадать?
Я вскочил, умчался из дому и забился в кусты бузины на склоне. Мне была видна дверь нашего дома. Я решил вернуться домой лишь тогда, когда уйдёт Рыбин.
Прямо передо мной светилось многорамное окно нижнего этажа.
Ге недвижно курил свою трубку над жаровней. Сгорбленная фигурка Ивао передвигалась по комнате, останавливалась то тут, то там. Он что-то как будто искал. Сумико помогала ему, показывая рукой то на одну вещь, то на другую.
А наши, конечно, всё ещё говорят обо мне. Отец про старое, что я его не хочу понимать, а он для нас в лепёшку разбивается. Рыбин советует поколачивать детей почаще. Мать бурчит: «Всё бегал бы, а табак будет полоть Ванька-китаец?» Бабушка возражает ей: «Нехай побегает, пока беззаботный…» А я совсем не беззаботный. Я не знаю, что написать Борьке, Скулопендре и Лесику. Они-то думают, что я колочу японцев. Но я занят совсем не тем… Даже наоборот – подружился с японцами… Наступит утро, и я буду вновь думать, как встретиться с Сумико. Только сегодня все стало хорошо, и вот – на тебе! – явился этот Рыбин и оскорбил Сумико. Точно мне под дых залепил.
Ивао внезапно бросился к двери в прихожую. Он приглашал кого-то зайти. Через минуту широкая фигура Рыбина заслонила треть окна.
Я прокрался межой к неплотно сдвинутому окну и услышал голос Рыбина.
– Шкаф не надо, – отрубал он, переходя комнату, – всё заставлено у меня уже… Одеяла есть

– десять штук… Картинки – зачем? Лучше сам нарисую русалку или дворец на клеёнке… Рыбки – какой от них толк, жрать им только давай… Вот жаровенка рази ж… – Он остановился перед Ге и взял жаровню в руки, словно взвешивая. – В дожди обогреться в самый раз. Печку все время не натопишься… Пойдём, парень, отсыплю тебе табачку за жаровенку… Старику, ясно дело, без махры тяжело. Все курить хотят – здоровый ты иль полоумный… Эх-хе-хе, всё война проклятая…

Я отпрянул от окна и вернулся в кусты.

Лязгнула дверь. Рыбин вынес жаровню на вытянутых руках. Красный отсвет падал на его лицо. Казалось, у него нет глаз. Вместо них – две пещеры.

– А ты не забудь дяде своему передать, – говорил Рыбин ковылявшему сзади Ивао, – если он подожгёт нас, вам всем плохо будет.

– Моя вакаранай, – уныло ответил Ивао, – моя вакаранай.

– Всё вы хорошо понимаете, – продолжал Рыбин, – да притворяетесь.

– Моя вакаранай…

Они прошли недалеко от меня и скрылись за косогором.

Я сорвал листик бузины и не заметил, как изжевал его в горькую кашицу. Глаза смыкались. Равномерное подмигивание маяка усыпляло. Однако я дождался, когда в наших окнах погас свет. Тогда я побрёл домой.

12

Отец словно чуял что-то. Он не спал. И вообще он – по воздуху пройди – услышит. Недаром был разведчиком. Когда я, не дыша, поднялся по лестнице, раздался из спальни его голос:

– Ты где шляешься по ночам?

– Да так… гулял, – пробормотал я и юркнул под своё тонкое одеяло возле корзины спящего брата.

– Смотри – заведут они тебя в сопки… Ищи-свищи потом… – Он кашлянул.

Сказать ему про Кимуру или нет? У меня заныла правая рука – сдавил её Кимура утром. Но, вместо того чтобы пожаловаться, я пробормотал:

– Не все такие они, как вы думаете…

– Повоевал бы с моё… – проворчал он, и мы затихли.

Одна мысль пришла мне в голову. Пусть они живут как хотят. Боятся друг друга и ненавидят. А нам незачем плыть на пустой остров. Мы и здесь хорошо устроимся. Они живут по-своему, а мы будем по-своему. Мы с Сумико спокойно будем ходить купаться на старую баржу. Я знать не хочу, что Кимура прячется на Мутной. Сегодня я пообещал научить Сумико плавать. Рука у меня уже в порядке. И нам никто теперь не будет мешать. Их дела нас не касаются. И пусть они не лезут в наши дела.

Однако даже во сне они не оставляли нас в покое. Мы шли с Сумико по сопкам. Я спрашивал, куда она ведёт меня, потому что нельзя было доверять. Но она лишь улыбалась в ответ, её нижняя припухлая губа иронически выпячивалась.

И вдруг Сумико стала чайкой, взнеслась над головой, а навстречу мне из кустов бузины выбежали Кимура и Рыбин. Они размахивали ножами и визжали, как дикие кабаны.

Я подскочил в постели. Визг усиливался. Он стал воплем наяву. Вопль исходил от рыбинского дома. Можно было даже разобрать:

– Пожар! Спасайте, о-ой, спасайте!..

Отец промчался вниз. Мама и бабушка засуетились в своей комнате.

Я зачем-то достал ракету из сумки и ринулся вслед за отцом.

Крышу рыбинского дома подпирал огонь.

Листья на деревьях побагровели. А дальше, за языками света, была жуткая темень.

– Люди! – кричал Рыбин. – Не видите, что ли? Горю!..

Чёрные фигуры людей сбегались к Рыбину. Я летел туда же. Дом пылал, точно его полили бензином.

Полыхнула крыша. Лицо обдало жаром. Я закрылся ладонями и чуть не сбил Дину. Она стояла в ночной рубахе посреди дороги, прижимая к себе большую японскую вазу. В глазах у н её можно было увидеть весь пожар. Губы её дрожали, как от холода.
– Мои бусы, мои бусы… – повторяла Дина.
Сзади загремел колокол. Я еле успел отскочить от колёс пожарной машины. На ней густо сидели пожарники и ещё кто-то в тельняшке, усатый. Да это ж Семён! Не дожидаясь, когда остановится машина, он спрыгнул на землю и кинулся к дому Рыбина.
Пламя заплясало на бронзовых касках японцев-пожарников. Машина стала возле пожарной колонки, пожарники стремительно раскатали шланг и привинтили его к колонке. Плоский шланг надулся.
Мне в лицо ударил фонтанчик воды из дырки.
Здоровенный японец-пожарник боролся с озверевшим брандспойтом, как укротитель с удавом. Тяжёлый жгут воды замолотил по пламени. Однако горящие балки только злее затрещали. Мне показалось, что японцы заливают огонь не водой… И я попробовал фонтанчик на язык. Холодная вкусная вода.
Из самого пекла выскочил Рыбин. Его пуловер, накинутый прямо на голое тело, дымился. Руки прижимали к груди какие-то тряпки. Пожарник направил брандспойт на Рыбина. Но тот заорал и повернулся спиной, спасая от воды тряпки.
– Дом поливайте! – орал Рыбин. – Не своё, так не жалко?
Он подбежал к Дине и сунул ей тряпки на вазу.
– Стереги, а то растащат, – сказал он жене и кивнул головой в мою сторону.
Я оглянулся. Сзади стояли японцы из соседних домов. Рядом с ними остановились наши: мама и бабушка. Блеснули стекла очков Ивао. Сумико глядела в мою сторону. Увидев её, я кинулся помогать Семёну и отцу заливать крышу сарайчика водой. Огненные ошмётки летели по ветру на сарай. Семён окатывал его из ведра, которое передавал ему отец, а отцу по цепочке – японцы.
– Вася, – хныкал Рыбин под руку отца, – я говорил – подожгёт… Он и вас подожгёт, вот увидишь…
– Становись в цепь, – ответил ему отец и окатил себя водой.
– Полкуля табаку у меня в доме осталось, – причитал Рыбин, размазывая по лицу сажу. – Может, сходим, Гера? Проявим геройство, а? Обмотаемся тряпками, обольёмся водой…
Ну где раньше мог я видеть Рыбина? Я поглядел на отца: что он скажет?
– Не выдумывай! – оборвал отец дружка.
– А ну, отойди, не морочь парню голову! – крикнул Рыбину Семён. С кончиков его усов капала вода.
Я цвиркнул слюной, как Семён, и ото шёл. В цепь мне становиться тоже не хотелось. Там и без меня хватало народу. Я побегал вокруг пожарников, но и там подходящей работы не нашлось. Оглянулся на Сумико. её не было на прежнем месте. Тогда я сел на шланг и зажал пальцем фонтанчик.
Пожарники оставили дом догорать и перевели струю на сарайчик, потому что искры полетели гуще и дальше.
Цепочка во главе с Семёном и отцом сползла к дому, что был расположен ниже по склону. По цепи ходило всего три ведра.
– Несите ведра, чёрт вас подери!.. – кричал отец. Мокрый чуб лез ему на глаза.
Рядом сверкнуло ведро. Я повернул голову и увидел Ге. Он нёс оцинкованное ведро двумя руками перед собой. Багряные волны перекатывались по его чёрному кимоно. Ивао взял ведро у отца и отнёс его в цепь. Сумико поддерживала отца под локоть. Ге бормотал, печально изгибая брови, но за треском пожара, криками, звяканьем пожарных топоров и багров его не было слышно. Но по изгибу губ я догадался, что он повторяет своё:
– Конец миру, конец, конец, конец…
К нему подошла бабушка. Она что-то говорила и качала головой. Ге тоже качал головой. Откуда-то к ним подскочил Рыбин. Он закричал, размахивая мокро блестевшими

мускулистыми руками перед Ге:
– А ну говори, японская морда, где прячется Кимура?! Скрываете поджигателя, да?!
Ге заслонился рукой. Согнутые пальцы бросили кривые полоски тени на его лицо.
– Бог с тобой, Афоня! – громко сказала бабушка, наступая на Рыбина. – Опомнись! Грех напраслину возводить.
Ивао и Сумико повернули отца к нашему дому. Скоро они растворились во тьме.
Из жёлтого пламени проступил красный скелет дома. Потом скелет рухнул, взметнув ворох искр. Пожар по шёл на убыль. Пожарники вытирали пот рукавами брезентовых курток. Семён и отец вылили друг другу на головы ведро воды и подошли к бабушке. К ним присоединилась и мама. Шум вокруг пожара стихал. Темнота шла на огонь.
– Боже мой! – сказала мама и закрыла глаза ладонями. – Куда мы заехали? Перетряслась я вся.
Отец пятерней зачесал назад свой чуб и пропел вполголоса:

Смерть не страшна,
Если пули свистят далеко
И сидишь ты в глубоком тылу,
В блиндаже в семь накатов…

– Комедию перед женой ломаешь? – повысила голос мама. Подбородок её наморщился. – Детей тебе не жалко… Уедем мы. Сынок, – она повернула ко мне голову, – назад поедем?
Семён смотрел на меня с интересом, отжимая кончики усов. Я промолчал и только огляделся: не вернулась ли Сумико?
Отец сгибал и разгибал свою правую руку, помогая левой.
– Наживали, наживали люди добро, – бормотала мама, – и всё в дым превратилось.
– Афоня парень шустрый, – весело ответил отец, взмахами разогревая руку, стянутую судорогой. – Быстро поправится. Табаку у него насажено в два раза больше, чем у нас.
– Через жадность свою они сгорели, дочка, – сказала бабушка, затягивая узелок косынки. – Афоня не брезгует ничем. Макитру с углями у старичка нашего полоумного унёс… За стакан махры. – Она подняла глаза на небо с вновь проступившими звёздами и перекрестилась. – Господь покарал.
– И я думаю – сам бог, – тягуче поддержал бабушку Семён.
– Дурак только мог подпалить, – хмуро отозвался отец, разминая кисть сведённой руки. – А Кимуру дураком не назовёшь…
– Сам себя Афоня подпалил, – сказала бабушка, качая головой. – Макитрой и поджёг… Перевернул невзначай или что…
Я хотел подтвердить, что видел, как Рыбин унёс жаровню с углями. Но тут подо шёл Рыбин с Диной. Дина не расставалась с фарфоровой вазой. Она хлюпала носом. Волосы её распустились, как у русалки.
Увидев Рыбиных, Семён ото шёл к пожарникам.
– Куда нам теперь? – спросил Рыбин и уронил голову на свою широкую грудь. – Хоть на материк возвращайся… Не огород бы, плюнуть на этот Сахалин…
– Говорила: давай жить тихо-спокойно у мамы, у папани. – У Дины вырвался стон из груди. – Нет, отделиться захотел… У папани собаки двор охраняют, а тут мы как на ладони-и-и…
– Не паниковать! – прикрикнул отец, шевеля правым плечом. – Скоро японцев на родину отвезут.
– Как на ладони-и-и… – причитала Дина.
Бабушка поправила волосы Дине и успокоила её:
– Вместе пока поживём, не бедуй.
– Собачку я заведу, – пообещал Рыбин жене и забрал у н её вазу.
– Не могу допустить, что Кимура поджёг, – сказал отец, щуря глаза.
Он ещё пошевелил пальцами правой руки и по шёл к пожарникам. Те растаскивали баграми балки с жёлтыми листочками пламени.

Бабушка взяла Дину под руку и повела к нашему дому,
Я встал с подёргивающегося шланга и тоже побрёл домой. В темноте шевелилось море. Вздохи его доносились сюда.
Я стал думать: кто же мог поджечь Рыбина? Ну, Кимура не мог. Куда он спрячется после этого? В сопки разве удерёт? Но там долго не напрячешься… Пожалуй, бабушка права: сам себя Рыбин поджёг жаровней. Опять же, как подвёл его зоркий хозяйственный глаз?..
Я обогнал бабушку, маму и Рыбиных. Света не было в нашем доме. Я беззвучно пробрался наверх.
Юрик спал, тихонько посвистывая носом. Я на секунду включил свет. Юрик улыбался. Наверное, ему снился белый пароход. А может, он в самом деле есть, белый пароход? Плавает где-нибудь в тёплом море…
Я забрался в свою постель и накрылся с головой одеялом.
… А если нет его, нельзя ли, чтобы всё вокруг было как на «Оранжаде»?
Пришли наши и Рыбины. Зажгли свет только в левой комнате. Стали укладываться. Говорили они шёпотом. Я слышал, как бабушка уговаривала маму перейти в комнату к отцу. Но мама резко ответила ей, чтобы бабушка не совалась не в свои дела.
И тогда я решил, что человеку, конечно, трудно устроить жизнь, как на белом пароходе.

13

Проснулся я от щекотки. Лягнул, не раскрывая глаз, но в Юрика не попал. Он издали щекотал мне пятку соломинкой и хихикал.
– Вставай, лежебока, – сказала бабушка и загремела посудой у печки, – проспишь белый свет.
Я притаился и, когда Юрик подполз ближе, накинул на него одеяло. Он завопил, потому что боялся задохнуться.
– Попей чаю! – крикнула мне бабушка, но я уже мчался по лестнице. Мне надо было договориться с Сумико, чтобы она никуда не уходила, ждала меня. Я позавтракаю, и мы с ней убежим на море купаться.
Я постучался. Мне никто не ответил. Тогда я откатил дверь. В комнате – пусто. На татами валялась мерная трубка с длинным мундштуком. Я крикнул вполголоса:
– Эй!
Никто не отозвался. Я вошёл во вторую дверь. На полу валялась жёлтая косынка Ивао. Я повернулся. Рыбки в аквариуме в углу пялили на меня глаза. Я на шёл крошки за аквариумом и бросил в воду несколько щепоток. Рыбёшки накинулись на пищу. Их, видно, не кормили утром. Сбежали хозяева… И Сумико с ними! Сумико!..
Я плотно задвинул дверь и медленно поднялся по лестнице.
– Давай чаю, бабушка, – сказал я.
– Умойся сначала, – ответила она.
Я равнодушно сполоснулся под умывальником. Бабушка поставила на низенький столик рисовую кашу с молоком.
– Я же сказал – чаю, – нахмурился я.
– Не выламывайся, ешь, – приказала она и скрестила руки впереди. – Мать приказала табак полоть.
– Я его не курю, – ответил я, ковыряясь ложкой в каше.
– Со мной ты бедовый, – сказала она, качая головой. – А перед отцом?..
Я промолчал и усердно стал есть кашу. Бабушка подставила мне и кружку чаю. Бабушкины глаза были блеклые, как её старая синяя кофта, и добрые-добрые. Губы сжаты вроде сурово, но самые кончики вздёрнулись вверх. Сказать ей или нет, что её японцы удрали? Лучше скажу после. Она расстроится. Всё-таки крепко сдружилась с ними. Как вчера она их защищала! А они всех обвели вокруг пальца… И меня особенно… Эх, Сумико, Сумико! Я думал, что мы друзья… Я поднял глаза на деда, тяжело вздохнул и отвёл взгляд. А может, вовсе и не Кимура поджёг? Тогда почему все удрали? Если невиновны, зачем удирать?.. Эх, Сумико, Сумико!..

– Опять на целый день? – спросила бабушка.
– Есть дело, – ответил я, запивая кашу чаем.
– Какое? – подлез ко мне Юрик.
– Важное, – сказал я.
– Я с тобой! – запрыгал брат.
– Тебе нельзя, – сказал я.
Юрик сел у моих ног, и прозрачные живчики побежали из его глаз.
– Всё мне нельзя, – причитал он, крутя кулачками в глазах. – Так у меня ноги не окрепнут.
– Не реви, – сказал я, морщась, и махнул рукой. – Обувай свои сандалии.
Юрик мячиком подскочил с татами. Он вмиг обул красные сандалии и зашлёпал по лестнице впереди меня.
Я поймал брата за руку и повёл на пожарище.
Головёшки отливали на солнце синим цветом. По ним ходили два пожарника и милиционер. Они что-то выискивали среди обгорелых досок. Если бы они знали, что наши соседи сбежали, наверное, перестали бы рыться в головёшках. Надо искать Кимуру. Он выждал удобный момент, отомстил и у шёл в море на шлюпке, захватив своих. Вот как мстить надо!..
– Видишь… – сказал я Юрику.
– Да, – ответил он и засунул палец в рот.
– Теперь иди домой, – сказал я, поворачивая назад.
– А ты?
– Я пойду искать тех, кто поджёг дом дяди Рыбина.
– И я с тобой, – ответил Юрик, морща нос.
Я остановился, взъерошил ему пух на голове, крепко взял за руку и потащил вниз по дороге. Надо было б спуститься по обрыву – и быстр её к речке Мутной, которая впадала в море за городком, за правым краем волнолома, но с братом я побоялся идти по обрыву.
Мы с ним прошли под императорскими воротами. Здесь я на минуту остановился. Юрик заметил, что я пристально гляжу в землю. А я глядел на кривую тень арки-меча.
– Ты следы увидел этих… кто поджёг дядю Рыбина? – спросил он.
– Да, – очнулся я, и пошагали мы с Юриком дальше. Мы шли горячими улицами, и скоро брат захныкал, что ему жарко. На окраине в придорожной канаве я сорвал серый лопух и накинул Юрику на голову.
До речки было два километра. Я ходил туда раз и видел, какие непроходимые кусты в устье. В них можно спрятать целый катер.
Когда мы подошли к тёмно-зелёному кустарнику в устье речки, я приказал брату залечь в траве и слушать мои сигналы. Если я выстрелю ракетой, то он должен мчаться изо всех сил в порт и звать на помощь дядю Семёна или отца. Юрик отдал мне честь и залёг. Я по шёл по кустам над самой речкой. Над раздвинутыми ветками черёмухи, ольхи и тальника колыхался терпкий настой горячего воздуха. Бабушка говорила не раз, что травы и деревья остро пахнут перед грозой. Я подумал об этом мельком, потому что пристально оглядывал каждый просвет в кустах.
И я увидел маленькую гавань чуть выше устья. Волны раскачивали подрубленные ветки кустов. Трава была притоптана, и в ней мелькнуло что-то цветастое. Я нагнулся. Это был «бог счастья», втоптанный в сырую землю. Я вызволил его из земли и отёр. Он безмятежно ухмыльнулся фарфоровыми зубами. Только нос у него чуть сколупнулся… Спешили, сильно спешили хозяева. Эх, Сумико, Сумико!..
– Гера, я искупнусь разок? – Юрик незаметно подкрался сзади.
– Я тебе как велел?! – закричал я на него.
У брата опять сморщился нос и задёргались щеки.
– Ты никаких сигналов не подаёшь, – забормотал он, протыкая пальцем серый лопух, – а мне жарко стало – солнце вон как печёт.
– Горе мне с тобой, – сказал я, понизив голос. – Купайся, только быстро…
Он разделся и стал барахтаться в воде у самого берега. Поднял всю муть со дна. Рожица брата

сияла, как луковица на солнце. Я уж и сам решил разок искупнуться, но потом поглядел на божка и отставил. Надо было спешить…
– Идём, – приказал я Юрику.
– Ещё разок искупнусь, и все, – ответил он.
Я поймал его за скользкую руку и подтолкнул к одежонке.
– Гера, ты не на шёл тех?.. – начались расспросы.
– Не нашёл, – ответил я, помог ему натянуть майку и потащил через кусты к дороге.
Обратно мы шли быстрее. Однако Юрик не прекратил своих дурацких расспросов.
– Гера, куда мы бежим?
– В порт.
– Зачем?
– Попросим катер.
– Кататься?
– Да.
– Знаешь, что я придумал?
– Что?
– Поплывём на тот остров, где «Оранжад».
– Можно было бы… Но тебя мамка не отпустит.
– С тобой отпустит.
Оставалось только пожать плечами.
Чем ближе мы подходили к порту, тем больше я завидовал велосипедистам, проносившимся мимо. У меня за ушами стало мокро – туда стекал пот.
Юрик сильно пыхтел, но расспросов не прекращал.
– Гера, а Сумико мы возьмём?
– Она уже уплыла…
– На белый пароход?
– На белый.
– А почему она тебя не взяла?
– С какой стати?
– Она твоя невеста, да?
– Много будешь знать – быстро состаришься.
– Я бы сам на ней женился, когда вырос, – она красивая.
– «Красивая»… Она японка, а ты русский.
– Ну и что? Она же красивая.
– Ты ещё мал и глуп…
– Возьму вот женюсь и тебя не побоюсь.
Я остановился, положил руку ему на плечо и сказал:
– Перестань болтать, иначе будешь сидеть в корзине.
Брат умолк и лишь изредка косил на меня сизым глазом.
У проходной будки нам преградил дорогу парень-японец с красной повязкой на рукаве. Он был года на четыре старше меня, но только чуть выше ростом. Он помахивал деревянным самурайским мечом.
– Назад ходи! – заявил он нам и постучал мечом по ступеньке проходной.
– Мы к Семёну Ивановичу Щавелеву, – ответил я, засовывая руки в карманы.
– Моя порт охраняй, – сказал японец и положил меч на своё покатое плечо. – Пропуск нет – не пускай.
– Я тебе сейчас как дам! – ответил я, выставляя вперёд кулаки.
Я бы поколотил этого япошку, потому что злость вдруг во мне закипела, как вода в чайнике. И хорошо, что Юрик в это время пролез сквозь стержни в ограде и закричал:
– Дядя Семён! Дядя Семён!
Японец бросился через проходную за Юриком. Но тут и я проскочил в порт через будку.
Семён шёл мимо, перебирая на ходу листки бумаги. Он вскинул голову и сразу же поднял руку

навстречу японцу. Тот опустил свой меч и выпятил в улыбке зубы, похожие на костяной веер. Я давно уже не видел Семёна таким усталым. Усы его выгорели на солнце.
Семён подхватил Юрика на руки и закружил. Но я не дал им разыграться. Я поймал Семёна за рукав кителя, а Юрику сунул в руки божка, чтобы отвлечь от нашего разговора.
– Дело есть, – сказал я Семёну.
– Да ну? – ответил он и подкрутил правый, поникший от пота ус.
Он сложил свои листки и засунул в карман кителя. Если бы он не спрятал эти бумажки, я бы ничего не сказал. Но Семён все-таки умел кое-что видеть по глазам. И он приготовился серьёзно выслушать меня.
Я начал с того, что был до сих пор доверчивым дураком. Мною крутили японцы, как Юрик вон тем божком. Я предатель. Мягкое сердце – оно подвело. Вместо того чтобы мстить японцам за деда, стал заводить с ними дружбу. И главное, знал, какие они коварные… Я рассказал про генерала Сиродзу. И что Кимура надеется на новую победоносную для них войну. Все они одинаковые… Меня обвели вокруг пальца. Улыбались мне, дарили рыбки и усыпили мою бдительность. Сумико заколдовала меня, что ли… А потом Кимура поджёг дом Рыбина. Недаром чуткий Рыбин не спал по ночам. А я-то, я-то!.. Вчера узнал, где скрывается Кимура, и утаил от отца. И вот Кимура ночью поджёг дом Рыбина, и они удрали все вместе в своей шлюпке… Правильно, что отец называл меня слабаком, правильно… Только я знаю, куда они уплыли. Они хотят спрятаться на Птичьем острове и там жить…
– Семён Иванович! – Я облизывал пересохшие губы. – Давайте догоним их!
Он долго смотрел на меня вприщур, зачем-то пощупал мой лоб и потом почесал свой затылок.
– Что ж, вояка, может быть, в твоём бреду есть доля правды, – сказал Семён, растягивая слова, как резину. – Пусть сплавают – проверят…
– Эх, дядя Семён! – сказал я и отшатнулся. – Там же Сумико!..
Он подхватил меня и привлёк к себе, заглядывая в глаза. Но я освободился от его объятий.
– Жарко, – сказал Семён, расстёгивая китель.
– Пойдём домой. – Я отобрал у брата «бога счастья» и подтолкнул Юрика к проходной.
– Уже надулся, вояка, – сказал Семён и загородил нам дорогу. – Пойдёмте. Переговорим с вашим отцом.
– А без него не обойдёмся? – спросил я.
– Он сейчас распоряжается катерами, – ответил Семён и повернул лохматую голову к пирсу, где маячил отец.
– Тогда скажите ему, что я во всем виноват, – попросил я, вытирая пот за ушами.
– Много берёшь на себя. – Семён наморщил загорелый лоб. Его губы изогнулись серпом, только концами вниз. – Генерал Сиродзу тут виноват пока больше всех…
Мы пошли к пирсу. Три тени – большая, поменьше и совсем маленькая, – точно копья, были направлены на отца. Он бегал по пирсу и что-то кричал в рупор вслед катеру, который шёл прямо к волнолому. На катере синели куртки и белели косынки японцев. Полно их было и на волноломе. Они суетились на фоне остекленевшего моря.
Семён оставил нас в тени огромного чана, пахнущего селёдкой, а сам, выпрямившись, по шёл к отцу. Семён хлопнул его по плечу. Отец покричал ещё немного и положил рупор на железную тумбу.
Они постояли с Семёном, покурили, перекинулись несколькими словами, и отец вновь взял рупор. Он нацелил его на серый катер у причала и загрохотал:
– Рыбин, что у тебя с новым мотором?
– У Рыбина всегда мотор как часики, – высунулся из рубки хмурый дружок отца. Он был вёе в том же японском пуловере.
– Надо обкатать! – закричал отец.
– Хоть до Владивостока, – ответил Рыбин и позвал нас рукой по локоть в мазуте.
Я подо шёл к краю пирса и прыгнул на горячую палубу.
– Юрик, – сказал я, стараясь не глядеть на брата, – оставайся с папой. Он тебе даст рупор покричать.

– Ишь ты, прыткий, – отозвался отец, подходя к катеру. – Сам устроился, а нас не хочет брать. У меня заныло в затылке. Значит, и отец и Рыбин поплывут с нами… Конечно, он разведчик и скрутит Кимуру, если потребуется. Ну, а вдруг Кимура всё-таки не поджигал? Нет, долой, долой, долой жалость! Надо быть, как отец. Иначе не отомстить… В конце концов, нужно отчитаться перед ребятами в письме.

Семён с Юриком под мышкой прыгнул на палубу.

– Сбегал бы, Василий, посмотрел метеосводку, – сказал он.

– Можно ли теперь доверять японцам? – отозвался отец. – Да и долго ли нам сходить до островка?

– Ладно. – Семён махнул рукой. – Без Кимуры они там все наоборот предсказывают.

Отец тоже прыгнул на катер, который от толчка задрожал, как живое существо. Косматые отблески волн взлетели со стенки до стёкол рубки.

– Давайте быстрей, – сказал я.

– Ничего, сынок, от нас не уйдут, – ответил отец и подмигнул. Потом глаза его сузились и стали как два прямых кинжальчика.

Мне с отцом говорить сейчас не хотелось. Я открыл дверь кубрика. Здесь было прохладно и пахло масляной краской. Я растянулся на скрипучей сетчатой полке и потрогал свой нос. Он горел, словно меня ткнули лицом в крапиву.

За перегородкой впереди затарахтел мотор. Я видел в иллюминатор, как от нас отваливается верёвочная груша на бетонной стенке. Катер развернулся носом к выходу и понёсся навстречу маяку. Башня маяка напоминала ладью на шахматной доске. Капля воды ударила в стекло и поползла. Мы взбурунили открытое море. На стене закачалась половинка бинокля, висевшая на длинном ремешке.

Я поднялся и вышел на палубу.

Над морем визгливо резали воздух чайки. Они ругали рабочих, которые ремонтировали волнолом и согнали птиц с насиженных мест. Я вспомнил, как убил тут журавля, и поёжился. Журавль точно живой у меня перед глазами. И в сердце опять засвербило… Может, Кимура всё-таки не поджигал Рыбина?.. Ну нет, невиновные не поплыли бы по морю в шлюпочке…

Японцы махали нам белыми косынками. Юрик орал им с мостика в рупор: «Сайонара!»

Отец сидел под мачтой на бухте. А Семён – прямо на палубе, поджав ноги по-японски.

– Кури, – сказал отец, протягивая Семёну портсигар.

– Свой есть, – ответил Семён и достал из кармана синий кисет.

– Значит, брезгуешь? – спросил отец.

– Брезгую, – согласился Семён.

– А я думал, ты всё-таки друг мне, – сказал отец, и треугольник морщин обозначился на его буром переносье.

– Барыги твои друзья, – ответил Семён, закручивая цигарку.

– Чего же ты плывёшь с нами?! – выкрикнул отец, подскочил на бухте и согнулся, точно хотел кинуться на Семёна.

А тот спокойно сплюнул под сапоги отца, в складках которых дробилось солнце.

– Это ты с нами плывёшь, – ответил Семён и поднял на меня глаза. – Верно, вояка?

У отца кожа натянулась на скулах.

Я понял, что мне лучше спрятаться, и отошёл к двери кубрика.

Меня стало поташнивать. Море казалось мёртвым, а катер всё же раскачивался: то нос вверх, то корма. Вода, зелёная, как лягушачья кожа, зыбилась за бортом. Небо прямо по нашему курсу быстро покрывалось серебристыми мочалками. И там же из моря выпирал помаленьку островок, напоминающий вулкан.

Я разинул рот и сделал несколько глубоких вздохов. Тошнота вроде прошла. Тогда я за шёл опять в кубрик, лёг на сетку и закрыл глаза.

– Гера, – толкал меня Юрик под бок острым кулачком, – проснись… «Оранжад» покажи – где?
Я раскрыл глаза. Бинокля на стене не было. Над левым иллюминатором висели скалы. Чайки падали с них на катер, проносились у самого борта и взмывали вверх на упругих крыльях. Они кричали так, что заглушали стук мотора.
– Ещё ничего не видели? – спросил я Юрика.
– Нет, – ответил брат, глядя на меня исподлобья. – Одни чайки.
Я спрыгнул с сетки, затянул ремень на новую дырочку и выскочил на палубу.
Катер буровил пенистое ожерелье острова. Из-за сопки, похожей на вулкан, вытягивалась тёмная кошачья лапа с серебристыми когтями.
Отец и Семён стояли поодаль друг от друга.
– Не возвратиться ли? – сказал Семён отцу, и совсем не дружеским голосом. – Погода мне начинает не нравиться.
– Чёрт с ними, с этими японцами, Вася! – закричал Рыбин из рубки. – Я поворачиваю.
– Обожди, – резко отозвался отец. Он разглядывал побережье и сопки в половину бинокля, все время подкручивая его. – Остров переплюнуть можно. Куда тут они могли спрятаться?
Семён смотрел на берег из-под левой руки. Тень падала лишь на один глаз. Но вот «кошачья лапа» схватила солнце, и нас всех накрыла тень, а по воде пошла мелкая рябь. Я оглянулся. Тень накрывала море, гнала ослепительную синеву к горизонту, потом к верхушкам сахалинских сопок.
Я склонился за борт, вглядываясь в берег. Мы все не спускали глаз с береговой полосы. И всё равно чуть не проскочили шлюпку. Она стояла среди бурых огромных камней. Мачты на ней не было. Юрик увидел её первый и закричал с мостика:
– Вон лодка!.. Гера, она с «Оранжада»?
Отец кивнул Рыбину. Тот сбавил ход и положил катер на правый борт. К самому берегу нельзя было подойти из-за камней. Тогда отец выпрыгнул на камень, с него – в воду. Ему оказалось по грудь. Он по шёл к шлюпке, подняв вверх правую руку.
– А может, оставим это дело, Вась? – вскрикнул Рыбин, высунувшись из рубки. Его глазки тревожно следили за отцом, а кончик языка то и дело скользил по губам.
Мы с Семёном тоже соскочили на плоский камень. Отец подобрался к шлюпке и толкнул её нам. Мы прыгнули в н её и подтянулись за конец к берегу.
– Гера, а я? – крикнул Юрик.
– Пока подожди, – ответил я и приложил палец к губам.
На песчаной полоске темнели ёлочки следов. Я узнал отпечатки маленьких дзори Сумико. Пока я рассматривал их, отец и Семён ушли вперёд.
Отец шёл пригнувшись. Сапоги его покрылись песком. Мокрая одежда обвисла.
– Осторожно, Васька, – сказал ему Семён, догоняя. Из-под его подмёток летел песок. Клёши надувались ветром. – Никакого самовольства… Миром дело да ладом решать будем, слышишь?
Отец отмахнулся, как от комара, и что-то буркнул в ответ успокоительное.
Я засунул руку в карман. Первым мне попался божок. Я пощупал его сколотый нос, опустил на самое дно и взамен крепко стиснул картонную гильзу ракеты.
– Ага-а-а! – зарычал вдруг отец и бросился к большому кусту черёмухи.
Я припустил за ним и втиснулся между отцом и Семёном.
Под кустом, в зёленой прохладе, спали беглецы. Сумико уткнулась в кимоно на груди своего отца. По лицу Ивао полз муравей. Ивао смел его сонной рукой и перевернулся. Кимура потрогал его, словно боялся во сне потерять племянника.
– Хорошо спят, – сказал Семён, – жалко будить.
Отец присел на корточки рядом с Кимурой и толкнул его в плечо. Кимура что-то буркнул и опять засвистел носом. Отец потормошил его сильнее. Кимура расклеил закисший глаз и в ту же секунду прикрылся ладонью, точно защищаясь от штыка.
– Ано-нэ, вставай! – сказал Семён. – Пойдём назад.
– Зачем пойдём? – спросил Кимура хриплым голосом.

– Твоя расскажешь, как сжёг дом. – Отец гвоздил его своими зрачками.
– Я не жёг никакой дом, капитан, – ответил Кимура, садясь.
– Может, он сам загорелся? – хмыкнув, спросил отец.
Кимура сгорбился. Рябинки на его лице темнели, как дробины.
– Ну, хватит, Василий. – Семён поставил ногу между отцом и Кимурой. – Ты не прокурор.
– Смотри, защитник нашёлся, – взорвался голос отца. – Может, любить их и жаловать. – Отец выпрямился и зашагал назад, к морю.
Ивао, Сумико и Ге проснулись. Сумико заплакала. Оттопырившийся пучок волос на её затылке вздрагивал. Ге пытался пригладить этот пучок.
– Конец миру, конец, конец, – бормотал он.
Ивао глядел на меня дерзкими глазами, увеличенными стёклами очков. Его родимое пятно над правой бровью алело, как рана. Наши взгляды сцепились, и мы забыли обо всем. Только глаза друг друга видели мы. Они у него блестели, как мокрая чёрная галька. И у меня, наверно, горели глаза, потому что я вспомнил пожар. И я пошёл вперёд на Ивао, крепко сжав челюсти и кулаки. Нудная дрожь ослабляла мускулы. Раньше даже в драках я этого никогда не ощущал. Значит, расшатались нервы, как у фронтовиков.
Я старался не отвести взгляда. Но крепкая рука Семёна вцепилась в воротник моей рубашки. Он дёрнул меня, и я оказался на прежнем месте.
– Надо идти, – прервал причитания Ге Семён. – Смотрите, какое небо…
Глаза Кимуры сильно расширились. Двукрылые морщины потянулись от переносицы. Кимура увидел тучу. Губы его на миг стрелами вошли в щёки. Но тут же Кимура вновь ссутулился и зашагал по траве, примятой ветром.
Мне запомнилась усмешка Кимуры. Но чему он радовался?! Тому, что гроза накроет нас? Хороша радость…
Катер дёргался, как конь, почуявший волка.
Ивао и Сумико засуетились возле Ге в кубрике. А Рыбин бросился в рубку.
Через минуту катер врезался в волны.
Юрик крутился под ногами. Ему надо было непременно пробиться к японцам. Я еле выволок его из кубрика.
– Куда лезешь? – сказал я ему сквозь зубы. – Тебя только там не хватало.
– Дядя что – заболел? – спросил Юрик.
– Да, заболел, – ответил я и повёл брата на мостик.
Юрик повысил голос:
– Почему ты меня не пускаешь к Сумико?
– У нас с нею всё кончено. Понял? – сказал я.
– А мне она споёт японскую песню, – возразил Юрик.
– Не споёт, – сказал я. – Видишь – гроза идёт…
– А «Оранжад»? – забеспокоился Юрик.
Я затащил его в рубку, к Рыбину.
– Он в надёжной бухте стоит, – ответил я.
– А почему мы не спрячемся там?
– Отстань от меня, иначе получишь по шее, понял?
– Понял. – Он отвернулся от меня, уткнул подбородок в грудь.
– Обижает тебя брат, – посочувствовал Рыбин, не отрывая взгляда от кипучего моря, и забормотал себе под нос: – Зачем бежал человек? Если невиновный, зачем бежишь? – Он поцокал языком. – Значит, есть вина…
Юрик ухватился за нижние рожки штурвала.
Над морем со всех сторон нависла мгла. Сбоку низкая туча перегоняла наш катер. Размочаленный её хвост волочился по волнам. Он зацепил нас. По крыше словно защёлкала дробь, выпущенная из охотничьего ружья.
Я подумал, что отец и Семён придут сейчас в рубку. Однако они оставались на своих местах: отец на носу, Семён на корме. Они покуривали цигарки. Семён разглядывал шлюпку за

кормой. Верёвка разрезала два водяных бугра, что вставали между кормой и шлюпкой. Бугры становились всё мощнее.
– Брат поколачивает тебя? – спросил Рыбин Юрика, скаля зубы с розовой пилою дёсен.
И тут почти вспомнил я, где встречал Рыбина раньше, но закружилась голова.
– Его зато мутит от качки, – ответил Юрик. – Смотрите, он уж зелёный… А я буду капитаном.
– Лучше всего – на реке капитаном, – сказал Рыбин.
– А я на море буду капитаном, – упорствовал брат.
Вот заяц! Давно ли валялся в своей корзине? А в самом деле, море на него хорошо действует. Поддразнить брата, что ли? Но мне уже не хотелось и разговаривать. Меня начало мутить от горячего запаха солярки, который поднимался из машинного отделения. Я вышел из рубки и повис на тонком поручне мостика.
Подо мной из приотворенной дверки кубрика высунулась загорелая рука Сумико. Она протянула носовой платок под дождь.
– Мы утонем, – раздался хриплый голос Кимуры. – Тайфун перевернёт катер. Мы утонем, но и русские захлебнутся в нашем море…
– Да, в нашем море, – как эхо, отозвался Ивао.
– Конец, конец миру, конец, конец… – затянул Ге.
Сумико громко всхлипнула и закрыла дверку. Я отшатнулся в рубку и вцепился в руку Рыбина.
– Тайфун! – Я приложил палец к губам и показал вниз.
Рыбин раскрыл рот и так глядел на меня минуты три. Потом понял. Лесенка морщин появилась на его побелевшем лбу. Он закрутил, закачал головой, приговаривая:
– На Амуре ни тайфунов, ни японцев – красота… И дёрнул черт на море переехать. Эх, катер-катерок, родное существо, выручай нас!
Я отодвинул дверь и спустился на палубу. Меня швырнуло до самого борта. Началась бортовая качка. Я ползком добрался до кормы и сказал про тайфун Семёну. Он схватил конец мокрой верёвки трёхпалой рукой и дёрнул, распуская узел. Шлюпка сразу отдалилась, исчезла в плеске и водяной мгле.
Вдвоём с Семёном мы крепко держались на палубе. Мы вернулись с ним в рубку. А отец стоял впереди рубки, держась за мачту. Гимнастёрка на нем потемнела.

15

Волны били в корму и подталкивали катер вперёд. Иногда мы как будто летели по воздуху. Но после такого взлёта катер валился в бездну, и мне казалось, что вот сейчас он коснётся килем дна. Валы, нависавшие над кормой, были красивые и тяжёлые. Пена клокотала на гребне. А на выпуклой стенке она собиралась в лёгкие кружева. И вся эта водяная громада, секунду повисев, била в корму, заливая палубу пенной бутылочно-зелёной водой.
По палубе катался рупор. Но жестяного звона его не было слышно из-за грохота моря. Отец догнал рупор и поднялся с ним в рубку. С кончика отцовского носа свисала капля воды. Сапоги его раскисли.
– Удача, – сказал Семён. Приходилось говорить с силой, чтобы слышали. – Удача – ветер в спину. – И он налёг на штурвал, помогая Рыбину.
– Успеть бы в порт прорваться. – Губы у Рыбина перекосились, а над бровями блестел пот, похожий на капли ртути. – Из-за японцев погибать… Мама родная!..
Меня совсем укачало. Но тут впереди, сквозь мокрое стекло, сверкнул лучик света.
– Маяк! – закричал я, и судорога в горле прошла.
– И я вижу, – пропищал Юрик, сидевший на коленях отца.
– Теперь не промахнуться, – сказал Семён. – Обидно будет, если в мол врежемся.
– Эх, и зачем я завербовался на этот Сахалин?! – услышали мы тонкий голос Рыбина. Он прорвался в короткое затишье между накатами ветра, гулом и плеском воды, воем мотора, скрипом катера.
Угрюмый отец оставил Юрика на скамейке рядом со мной, подо шёл к дружку и положил руку

на свободный рожок штурвала. И правильно сделал: маяк мчался на нас как метеор. Сквозь верченую мглу проступали сопки, похожие на богатырские шлемы.
Чтобы пересилить тошноту, я стал думать о доме. Мама, наверное, извелась. А бабушка не теряется. Она варит нам борщ, нашёптывает молитвы о спасении наших душ и успокаивает маму. Забыл я сказать бабушке, чтобы она покормила рыбок на нижнем этаже. Рыбки-то ни в чём не виноваты.
Эх, катер-катерок, не подведи, милый!
Мы неслись прямо на маяк. Он стоял твёрдо, как оловянный солдатик среди разъярённых драконов, и подмигивал нам добрым электрическим глазом. А вокруг был мощный грохот. Это море дробилось о волнолом. Ещё несколько тугих пинков сзади, и свет маяка ударил в глаза.
– Право! – заревел отец.
Рыбин навалился на штурвал. Его грязные руки взбугрились мускулами. Семён и отец с обеих сторон помогали ему. Катер стал чуть боком к волне, чтобы метрах в двадцати от маяка скользнуть в бухту с водяной кручи.
Меня прижало к левой стенке, и всё нутро моё подтянулось к горлу.
Через минуту катер выпрямился, и я выскочил на мостик. Больше я не мог бороться с тошнотой и кинулся на поручень. Как вдруг перед глазами мелькнуло что-то белое, и я увидел двух японцев возле маяка.
Они стояли на верхней ступеньке основания башни и размахивали белыми косынками. Волны перехлёстывали через волнолом под ногами у них.
Я забыл про тошноту и закричал. Моя рука очутилась в кармане, где лежала ракета. Само собой как-то получилось, что я вспомнил о ней. И подумал в один миг, что надо дать сигнал японцам: «Видим вас». Конечно, Лесик изготавливал её не для этого… Но я ребятам всё опишу – они поймут.
Я поднял ракету над головой и дёрнул верёвочный хвостик. Голубой бенгальский огонь полетел в сторону маяка. Японцы сильно замахали руками. До меня донеслись даже крики их, похожие на вопли чаек.
Я ворвался в рубку. Однако Семён уже раскручивал штурвал. Руки Рыбина обвисли и просто перебирали рожки штурвала вслед за Семёном.
Катер наш лёг на правый борт.
– Не хочу назад! – запищал Юрик. – К маме хочу!
Отец, отступивший было от штурвала, вновь взялся за рожки. Но он крутанул колесо в противоположную сторону. Меня отбросило к левой стенке, где на скамеечке пищал Юрик. Я на шёл в кармане «бога счастья» и сунул брату в руки. Юрик замолчал.
В это время катер вновь повернулся носом к волнолому.
Руки Рыбина висели на штурвале. Штурвал застыл, потому что с обеих сторон давили на рожки отец и Семён. Раненая рука отца дрожала, но пальцы не разжимались.
На берегу, наверное, думали, что команда провела катер между краями волнолома и сошла с ума.
Но отец, Семён и Рыбин были в уме. Только двое были один против другого, а третий не знал, что делать, и вертел головой вправо-влево, вправо-влево.
– Развора… детей… утопи… хотите! – Это закричал отец. От напряжения на висках у него выступили упругие вены.
– Снимем люд… тог… азвернём! – откричался Семён. Нос его казался сплющенным, а бровь нависла на глаз, как у хитреца.
Катер делал плавный поворот, а бетонная стенка выпрыгивала уже перед носом. Но отец не видел этого и никак не хотел уступить. Его мокрая гимнастёрка лопнула по шву на плече.
– Детей – на берег, тогда вернёмся! – заорал отец, и лицо его невероятно исказилось.
Мол гудел, как огромная струна. Волны, наткнувшись на твердь, взмётывались вверх, точно смертельно раненные в грудь кони.
Отец не выпускал штурвала из рук. И катер всё ещё шёл наперерез бетонной стенке. Тогда я

нащупал рожок штурвала под боком у Семёна и налёг на него. Нас встряхнуло. Катер шоркнулся бортом о бетон и по шёл к маяку вдоль волнолома, всё сильнее раскачиваясь. Впереди, сразу за маяком, прорывались в бухту водяные горы. Я живо представил себе, как такая стремительная гора ударит наш катер по носу, только он высунется за цоколь маяка. И у меня передёрнулись плечи, точно к спине прикоснулись иголкой.

Отец, Рыбин и Семён по-прежнему держались за штурвал. Но теперь они все трое глядели на японцев. Губы их сжались до синевы.

Японцы цеплялись за железную скобу – ступеньку маяка. Один стоял впереди, другой сзади. Оба согнулись, подставляя спины волнам. И разбитые волны окатывали японцев с головы до ног.

Семён не вытерпел и оторвался от штурвала. Он выскочил из рубки и встал к борту у кормы. Он замахал рукой японцам, чтобы они не терялись, а быстрей прыгали. И Семёна захлёстывали волны, переметнувшиеся через мол. Семён отфыркивался, как собака.

И вот нос катера сравнялся с японцами. У Рыбина от напряжения скривилась правая щека. Но катер уносило от бетонной стенки. Тёмный клин между бортом и волноломом разрастался. А японцы не прыгали. Они вытягивали шеи и раскачивались, но словно были прикованы к железной скобе.

Катер проходил. Его уже кренило на левый борт… На Семёна страшно было смотреть. Он грозил кулаком японцам и что-то кричал.

– Да прыгайте! – заорал я что было силы.

И первый японец оторвался от скобы. Катер встряхнулся.

Японца подхватили Ивао и Ге, выскочившие из кубрика.

Второго японца в это время накрыла волна. И он остался стоять, словно воробей под ливнем.

Семён передвинулся до кормы, перелез через поручни. С перекладины полетела чёрная бахрома воды. Семён взялся за поручень левой рукой и накренился всем телом к японцу. Он протянул ему правую руку. Три пальца левой обжимали перекладину поручней. Мокрые клёши обвились вокруг ног.

Японец протянул Семёну свою руку. Оставалось только прыгнуть… И в эту последнюю секунду под нами дёрнулся пол. Точно киль задел подводную скалу. И катер понёсся боком от волнолома, от японца у маяка.

Семён исчез за кормой.

Рыбин крутнул штурвал так, точно пытался повалить быка за рога. Отец сразу, как скрылся Семён, оставил штурвал. Он откинул дверь рубки коленом и выпрыгнул с мостика на палубу. Мелькнули обшарпанные подошвы его сапог. Перед кормой отец поскользнулся и до поручней полз на коленях. Я понял, что он хочет спасти Семёна.

Я догнал отца. Догнал потому, что Ге уцепился за гимнастёрку его мёртвым хватом.

– Не ходи, капитан, в море, конец! – громко уговаривал Ге отца.

Отец молча рвался за поручни. Тут подоспел я и повис у него на правой руке.

Отец перестал тянуть. Мы все глядели на бешеную гонку воды за кормой. Там не было видно ничего, кроме волн, волн и волн. Да и отнесло нас уже чуть ли не до середины бухты. Надо было развернуться, чтобы вновь подойти к тому месту…

Отец, наверное, подумал о том же. Он кинулся назад, в рубку, и катер развернулся, оставляя за кормой пенный водоворот. Мы снова пошли к молу, гремящему как тысяча пустых железных бочек.

Отец опять вы шёл на палубу и приник к борту. Солнечный луч, что ли, пробил тучи и скользнул по кудрям отца? Я поднял мутную голову. Лохматые тучи кувыркались над морем. Ни пятнышка солнца… Да это ж седая прядка волос у отца! Стала белой, как вата, прядка в чубе. Попадались раньше седые волоски в муравьино-черных кудрях отца. Но он каждое утро выдёргивал седые перед зеркалом. А теперь как? Целый клок не вырвешь…

Катер стукнулся бортом о волнолом и по шёл на сниженной скорости. Мы вымокли от водяной пыли и брызг, пока подошли к маяку.

Катер подпрыгивал, как деревяшка. Отец махал кулаком японцу и что-то кричал. По

движению губ я догадался, что он ругается.
Японец прыгнул и растянулся на палубе. Тотчас же мачта описала дугу, и катер понесло в глубь бухты. Ветер отрывал белый флажок на мачте. Седая прядь сваливалась отцу на глаза. Он отводил её в сторону и глядел в волны жуткими глазами.
Навстречу нам шёл большой катер. Отец оторвался от поручней, чтобы сообщить в рупор о том, что погиб Семён.
Оба катера стали кружить по бухте. Ветер поднял волну и здесь. Мы висели на поручнях и глядели в бесконечные волны.
Передо мной уже все крутилось, как будто я сидел на карусели. И мне стала мерещиться рука из воды – ладонь светлая, а запястье загорелое. Она мерещилась сбоку, если я переводил туда взгляд, исчезала. И я перестал вглядываться в воду лишь тогда, когда катер стукнулся о причал.
Я оторвал пальцы от мокрой трубки поручня. На пирсе толпились люди. Блестели плащи и козырьки фуражек. Задирались от ветра волосы. Я увидел, как вперёд пробилась мама. Светлое мокрое платье облепило ей колени. Непонятно, зачем она несла на плече нераскрытый большой бумажный зонт? Наверное, просто забыла его раскрыть.
Мама заметалась по краю бетонной стенки. Она боялась прыгнуть. Рыбин выбежал из рубки, чтобы помочь отцу принять трап. Он обнял мокрого отца и заорал, перекрывая шум моря, свист ветра и говор толпы:
– Вася, друг, кого потеряли!..
Отец впился в дружка страшным взглядом. Руки его потянулись к Рыбину, словно задушить. И тот чуть осел. Но отец лишь отодвинул дружка и стал принимать трап.
Доски с перекладинами упёрлись в палубу, и по ним сбежала на катер мама. Юрик, точно собачонка, кинулся к ней и забился лицом в мокрое платье.
– Мама, – заревел он, – Герка обманул меня… Никакого белого парохода нету!..
Я удивился не тому, что он выдал наши секреты, а тому, что он перестал картавить. И буква «р» играла у него на языке, словно у японца.

16

Ночью я тонул. Пил горькую воду и задыхался. Но в последний момент вспомнил, что тут, где-то рядом, плавает белый пароход. Я вынырнул из бездонной пучины и увидел совсем рядом белый пароход. Я схватился за борт и проснулся… Обеими руками я крепко держался за край пустой корзины.
Окна словно были завешены с той стороны синим японским шёлком. Бабушка сказала мне, что все спозаранок ушли в порт. Юрик увязался за матерью.
Я чувствовал себя, как в тот раз, когда меня выволок из воронки Борька. Словно я в самом деле чудом спасся ночью от смерти.
А не мог ли спастись Семён?
Я вскочил с постели, натянул штаны и умылся. Кожа на носу шелушилась. Я лишь оплескал его водой.
– Сроду не видела таких бурь, – ворчала бабушка, накладывая в миску пшённую кашу. – Что в огороде деется!.. Табак весь повалило…
– Ну и хорошо, – ответил я, садясь по-японски за столик. – Иначе я сам его вытоптал бы.
– Чем табак провинился? – спросила бабушка, ставя передо мной кашу и молоко.
– Семён вчера назвал отца барыгой, – сказал я и замер над лункой в каше, залитой янтарным маслом. Мне, как в кино, представилось все вчерашнее…
– Не спал отец твой всю ночь, – ответила бабушка, – курил, а чуть свет у шёл в порт…
Я молчал. Мои глаза видели Семёна, который за кормой накренился к японцу. И бабушка спросила уж в который раз после вчерашнего вечера:
– Семён-то на одной левой руке и повис в последний момент?
– На одной левой, – ответил я хрипло, потому что опять подумал, что Семён мог выплыть.

– Пальцев ему не хватило, чтоб удержаться, – сказала бабушка и перекрестилась, старательно вдавливая щепоть в плечи.
– Может, он выплыл? – сказал я, отбросил ложку и встал.
Я подошёл к двери на веранду и привалился к косяку. По синему бархату моря шли тени облаков.
– И кто вас неволил гнаться за ними? – сказала бабушка, качая головой. Руки она скрестила на груди.
– А кто их неволил удирать? – сказал я и тоже переплёл руки впереди.
– Невиновные они, – ответила бабушка. Розовые пятна выступили на её тяжеловатых скулах.
– Дина исповедалась мне… Видела она, когда соскочила с постели, ту макитру, с углями что, на боку… С той стороны и пламя занялось. У них там хламу всякого набросано много было… Может быть, можно было залить ещё, говорит, да испугалась она. И опомнилась не скоро…
Я спрятал руки за спину. Мой взгляд не стерпел бабушкиного – сорвался вниз. И так стоял я долго, рассматривая соломинки, веером торчащие из надорванного края татами.
Я думал, что надо обязательно починить татами. Никто не замечает этой пустяковой царапины, а солома расходится и расходится. И когда хватятся, будет поздно, придётся выкинуть татами. А новых никто не сделает, кроме японцев. Но они уплывут от нас… Надо починить татами, пока не поздно.
– На всё божья воля, унучек, – сказала бабушка, и сетка морщин у её глаз всколыхнулась.
– Знаешь, бабушка, – я прижал большим пальцем ноги надорванный край татами, – наша воля на все… Семёну, думаешь, легко было повернуть штурвал против воли отца?
– С божьей помощью, – бабушка вскинула глаза к потолку.
– С моей помощью! – закричал вдруг я, вцепился в рог невидимого штурвала и начал давить вниз, как вчера. У меня даже пот выступил на лбу.
Бабушка оцепенела. А я отпустил «штурвал» и сказал тихо:
– Что, если я помирюсь с Ивао?
Бабушка шагнула ко мне, обхватила мою голову морщинистыми руками и прижала к себе. На ухо упала горячая капля.
– Ах ты гриб мой тугоногий… – проговорила бабушка сквозь слёзы. – Видел бы дед, какой унук у него…
Я освободился от бабушкиных рук и скосил глаза на деда.
– Думаешь, он одобрил бы? – спросил я.
Она кивнула в ответ.
Хоть и текли у неё слезы из глаз, уголки губ торчали вверх. Так она плакала от радости.
– Пойду, – сказал я. – Может, Семён всё-таки выплыл.
Я сбежал вниз по расхлябанной лестнице и не остановился до самого порта.
Ветер свистел у меня в ушах.
У кустов и деревьев вдоль дороги поредела за ночь листва. Рогожные кули с вяленой селёдкой, что были сложены в штабеля, тайфун разметал по подножию сопки. Кули напоминали стадо свиней в зелёной траве.
Возле управления толпились японцы, корейцы и наши рыбаки. Такая толпа собиралась в тот день, когда в порту давали зарплату. К дверям невозможно было пробиться.
Я застрял между рыжебородым рыбаком и корейцем.
– Стих лишь тайфун, сразу пошли искать его… – рассказывал рыжебородый, возвышаясь каланчой над японцами.
– Он берег хотел ходи, – горячо вмешался кореец и поддёрнул свои белые штаны.
– Не перебивай, Ким, – отмахнулся рыжебородый и продолжал обстоятельно рассказывать. – К берегу его прибило… Цел, только два синяка на лице… Морская капуста в волосах застряла…
Значит, не выплыл Семён. Чудеса случаются только во сне.
В носу у меня заскребло, точно я надышался табачной пыли. Отталкиваясь локтями, я выбрался из толпы и по шёл куда глаза глядят.

Очутился возле баржи. Горячий песок жёг ступни. Я за шёл в прибой. Тёплая вода омывала ноги, пощипывала ранки. Море ластилось ко мне, как котёнок. И ненависть к морю стала проходить. Что море, если мы сами виноваты, и я прежде всего. Я был ослеплён и подтолкнул Семёна к погоне. Эх, вернуть бы вчерашний день!..

Я разделся, отбросил одежду на сухой песок. Ноги сквозь воду казались короткими и толстыми. Будто чужие, шли они по песчаному дну, обходили островки водорослей: не люблю скользких прикосновений.

Когда вода поднялась до пупка, я нырнул. Пятна заколыхались на дне. От моей тени пытался удрать большой рак. Я схватил его за панцирь и, вынырнув, кинул на берег.

Проплыв между баржей и скелетом сгоревшего катера, я перевернулся на спину. В небесной глуби надвигались друг на друга два чистых, как стеклянная вата, облака. Они столкнулись и полетели дальше вместе. Почему чёрные тучи сталкиваются с громом и молнией, а эти облачка встретились, как брат с братом?

Я перевернулся и увидел: на барже стоят двое. Ивао был в чёрном кительке, чёрных брюках и такой же фуражке с маленьким лакированным козырьком. Сумико глядела на меня из-под руки. Ветер трепал широкий рукав её белой кофты.

У меня ослабели руки и ноги от взгляда Сумико. Я ушёл под воду, но там собрался с силами и вынырнул. Я встал в воде, чтобы они узнали меня и, если хотят, ушли.

Но они не уходили. Значит, они не так уж ненавидят меня… И я поплыл к барже по-собачьи, чтобы поднять больше брызг. Пусть видят, что плыву к ним, и если все-таки ненавидят меня, то уходят.

Однако они остались. Может быть, оттого, что всё ещё считали баржу своей.

Я подплыл к осевшей ночью корме и вскарабкался на просмолённые доски палубы.

Они глядели в воду, а я смотрел на берег. Я повернулся к ним спиной, хотя надо было стать животом к солнцу, потому что спереди я загорел плохо. Мы стояли так минут пять. Потом я чуть скосил глаза на Сумико. И в этот момент она тоже посмотрела на меня. Получилось, будто мы думали об одном и том же. Я обрадовался и выпалил:

– Вода тёплая… Хочешь, научу плавать?

Ивао повернул ко мне свои очки.

– Мидзу нуруи, – повторил я ему и начал по-японски уговаривать их искупаться.

Ивао снял очки и растерянно глядел то на меня, то на сестру. Без очков он был какой-то другой, потешный.

Я объяснял, что плавать научить очень просто. Надо раскачать Сумико и кинуть в воду. Пусть барахтается, как щенок.

– Давай, – согласился наконец Ивао. Он ответил по-русски.

Сумико не стала дожидаться, пока мы окончательно договоримся. Она спрыгнула на песок и отбежала от баржи.

Я кинулся за нею, но поскользнулся на куче морской капусты.

Сумико присела от смеха. Тогда я вскочил и побежал прямиком по пляжу. Сумико убегала своим путём, у самой воды, поэтому я быстро настиг её и загнал в воду. Она плеснула в меня ладонями, я ответил метким плеском. И пошло… Мы заливали друг друга каскадами воды. Зелёные капли били в мою упругую кожу, вспыхивая на солнце. Сумико закрыла глаза, и это её погубило. Я отошёл чуть вбок, и она стала бить в пустоту. Зато я захлестал её водой. Волосы, кофта и шаровары прилипли к ней. Однако Сумико упорно сражалась со мной и не хотела звать на помощь брата. Но Ивао в конце концов не выдержал и вмешался. Мне пришлось удирать от них вплавь.

Пока мы плавали с Ивао, Сумико выжала свою кофту и шаровары. Она развесила их на барже и влезла в воду. Мы подплыли к ней и стали учить плавать. Но Сумико боялась глубины.

Мы уговаривали её выплыть на глубину, пока не посинели, пока я не увидел вдруг траурный костюм Ивао, разложенный на песке, и не опомнился. Тогда мы вылезли из воды и развели костёр из сухих щепок.

Я нашёл своего рака, насадил его на палочку и сунул в костёр. Ивао принёс несколько лент

морской капусты и поджарил их.
Когда капуста свернулась в трубочки, Сумико раздала нам её. Рака мы разделили на три части. Розовые жгутики мяса были вкусные. Мы заедали их горькой морской капустой.

17

– Давайте ещё раз искупнёмся, – предложил я после отдыха.
Сумико замотала головой. Она сказала мне, что пора идти провожать на кладбище «росскэ капитан». Ивао при этом кивал круглой головой. Его родимое пятно пересекли три морщинки. Я быстро надел штаны, жёлтую майку с растянутыми лямками и пере шёл пляж по прямой. Сумико сначала хотела вернуть меня. А потом все глядела, прижав руку к груди. Наверное, думала про мины и бомбы…
Пришлось ждать, пока они оденутся и пройдут пляж кружным путём по берегу.
Мы рядом шли по городу, по самой середине главной улицы. Японцы, корейцы и русские оглядывались на нас. Сумико не поднимала ресниц. Она шла, сильно наклонившись вперёд: пугни – и побежит. Но я-то не дал бы никому её обидеть. Кинулся бы с кулаками на любого, кто даже засмеялся бы над нами.
Возле управления народу прибавилось. У входа стояла машина с отброшенными бортами. К кабине была привалена тумбочка, покрашенная суриком. Несколько человек держали венки из пихты, в которой проглядывали живые цветы. Кореец Ким надел венок на себя и мурлыкал грустную песенку.
Из толпы вдруг выскочил к нам Юрик. Его штанишки держались на одной лямке. Он крутил в руках половинку бинокля.
– А мне вот что дядя Рыбин подарил, – захвастался он, отчеканивая «р». – Дядя Рыбин сказал, что я буду моряком.
– Моряк – с печки бряк, – ответил я.
Юрик полез на меня с кулаками. Я хотел отпустить брату по шее «макаронину» – теперь он выздоравливал, и пора было хлопать, как и полагается, меньшего брата, – но Сумико прижала его к себе.
– Если бы я не болел, я бы ему показал! – хорохорился Юрик, поглядывая на меня из-под руки Сумико сизым глазом.
– Да, да, – соглашалась Сумико, – показар.
Юрик дал ей посмотреть в бинокль, а потом выудил из кармана «бога счастья», чтобы тоже похвастать.
Сумико схватила божка и прижала к груди. Она показала его Ивао. Тот радостно залопотал. Юрик понял цену этой игрушки и решил отобрать её обратно. Он встал на носки и потянулся, но я схватил его за лямку и отволок ближе к машине. Прижав брата к помятому крылу, я зашептал ему на ухо:
– Это её игрушка, понял?
– Зачем вам игрушка? – спросил Юрик, сморщив нос.
– Эта штука счастье приносит, понял? Счастье-е-е…
– Врёшь ты всё, – сказал брат. – Про белый пароход наврал… «Оранжад» – толстый зад.
– Я тебе не наврал… – зашептал я. – Всё объясню…
Но мне не дали ещё что-нибудь наплести брату. Толпа перед дверями раздалась. Нас отжали. Я лишь мельком увидел колыхнувшийся угол красного гроба в дверном проёме. Нам всё загородили.
Кореец Ким повесил венок на Ивао, а сам пошёл пробиваться к гробу.
Ивао не знал, что делать с венком. Тогда я снял с него венок и предложил нести вместе. Мы встали впереди машины, за нами пристроились ещё три венка.
Так мы первые и несли венок до кладбища. А там нас опять оттеснили на самый край. Мы даже не слышали речи, которую говорил на могиле начальник порта. Его рука с фуражкой взлетала над головами, и козырёк отблёскивал, как чёрная слюда.

После начальника вы шёл японец в очках с золотой оправой и тоже что-то говорил, а под конец потряс руками над головой.
После речей в самой гуще толпы поднялись пять винтовок. Раздался залп, и в сопках долго грохотало эхо. Толпа стала редеть, и мы с Ивао понесли венок на могилу.
Над холмиком глинистой комковатой земли плакала японка. Я узнал её. Это она учила Семёна тогда танцевать… На её согнутой шее выступали меловые бугорки позвонков. Волосы, как два вороньих крыла, свалились на щёки.
Подруги взяли под руки плачущую и повели её, что-то нашёптывая.
Мы прислонили свой венок к тумбочке со звездой. Ивао взял ком земли и медленно крошил его на могилу. И тут Юрик разревелся. А когда я сурово поглядел на брата, он стал лепетать насчёт того, что он устал и хочет есть.
Пришлось просить отца, чтобы он взял Юрика на машину. Отец посадил его с собой в кабину и нас устроил в кузов.
На обратном пути я подумал, что мёртвого Семёна так и не видел.
В глаза мне бил ветер. Море кишело синими рыбами с зеркальной чешуёй. Я не мог представить себе мёртвого Семёна. Он живой стоял у меня перед глазами. А что, если я попробую нарисовать Семёна?!
Машина круто свернула в портовый переулок. Сумико качнулась. Я поймал её руку. Она не вырвала её. И так мы неслись, мне казалось, по воздуху. И я прямо осатанел, когда машина вдруг затормозила. Но из машины выглянул отец и велел мне отвести Юрика домой.
– Меня на поминки не взяли, – пожаловался брат, вылезая из кабины.
– Мал ещё, – ответил я.
Мы с Сумико подхватили его за руки и повели в гору. Юрик поджимал ноги, чтобы мы его несли. Сумико улыбнулась. А я наддал брату коленом. Мне было не до шуток: я обдумывал картину…
Мне представлялось бушующее море. Пенный вал у берега бьёт человека и хочет снести в глубину. Но человек плечом взрезает волну. Ещё несколько шагов, и он упадёт на песок. Слизняки присосались к телу, цепкие ленты водорослей обвили руки и горло, из глубины тянутся к нему хрящеватые щупальца осьминогов. Но человек крепко упирается в дно ногами. ещё десять шагов наперекор морю, и ноги увязнут в сухом песке…
Сзади раздался крик Ивао. Он махал нам рукой, чтобы мы его подождали.
Он склонился над разорванным рогожным кулём и набрал в обе руки вяленой селёдки. Мы обождали его. Он, сопя, догнал нас и раздал селёдку. Она была твёрдая, как камень, и несолёная. Но всё же мы с удовольствием грызли её до самого дома.
Солнце, как перезрелое яблоко, свалилось в море. В стёклах нашего дома полыхнули алые блики. Я отбросил селёдочный хвост на грядку с табаком – и остолбенел… Табак весь выпрямился, цвёл. Нежный пушок покрывал листья. Лишь по краям они кое-где пожухли.
– Гера, – позвал меня Юрик, – ты чего увидел? Гнёздышко?
– Иди, иди, – крикнул я ему, – ничего тут нет!
Он недоверчиво шмыгнул носом и побежал за Ивао и Сумико. Задребезжали стекла двери.
Я оглянулся и выломил жидкий, но прочный прут. Ободрал его на ходу и продрался к рыбинскому ланку. И здесь табак стоял, как лес. Я взмахнул белым, словно клинок, прутом: жи-и-ик… Крайний стебель упал подкошенный… Ребята одобрили бы. В чём, в чём, а в этом они поддержали б меня. Жи-и-ик… Срубленный табак одуряюще пах… Жи-и-ик… На руки летели клочки листьев. Прут сверкал на фоне багряного заката. Жи-и-и-ик… Я вытер лицо ладонью, и кожу зажгло, как от крапивы. Защипало глаза. Надо было сбегать к колонке, умыться. Но я не мог покинуть поле боя.
Я посёк весь рыбинский табак и спустился к своему дому. Выпрыгнул из кустов на грядку табака и начал быстро рубить, чтобы случаем не спугнула бабушка. Жи-и-ик, жи-и-и-ик, жи-и-и-ик… Глаза уже плохо различали, но ступнями ног я ощущал ковёр из табачных листьев.
Закончив дело, я сходил к колонке, разделся и выпустил на себя ледяной серебристый пучок воды. Я извивался, как змей, но не отступал, пока не смыл с себя всю табачную горечь.

Я возвратился домой обессиленный. Бабушка говорила что-то, но я не понимал. Я очень устал за этот день. Что-то съел, добрался до постели и рухнул в коричневую бездну.
Я долго падал и сильно ударился. До того сильно, что раскрыл глаза. Надо мной нависала ушастая голова Рыбина с выпученными глазами. Снизу тоже хорошо было видно, что челюсть его шире лба. Рыбин тряс меня за грудки. Из правой руки его свисал пучок табачных листьев.
– Ты?.. – спросил Рыбин и хлестнул меня по лицу этим пучком.
Я хоть спросонья, но ловко поднырнул под руку Рыбина и побежал вниз. Лестница шаталась – за мной по пятам прыгал Рыбин. Внизу я поскользнулся на листке табака и упал. Рыбин поймал меня за майку одной рукой и начал опять трясти, приговаривая:
– Чуял – беда… У шёл с поминков… Так и есть… Весь табак порешил, шантрапа несчастный!
И тут я вспомнил, где встречал Рыбина. На базаре в Хабаровске! Это он торговал цветными японскими мелками. У него было много коробок. Но за каждую он просил столько, что я отпрянул от него тогда. А он ещё зубы оскалил: «Что, колется?»
– Это ты спекулянт несчастный! – закричал я и попытался вывернуться.
Но Рыбин так тряхнул меня, что чуть не сломались мои шейные косточки. И при этом я задыхался от водочного перегара, смешанного с запахом винегрета. Спасти меня было некому. В этот миг я подумал о Борьке, Скулопендре и Лесике. Они бы хоть отомстили за меня…
Рядом зашуршала дверь. Я дёрнулся из последних сил, чтобы Сумико не видела. Но Рыбин удержал меня.
– Ивао! – раздался из-за двери глуховатый окрик Кимуры. – Не вмешивайся в дела русских! Вернись назад! Приказываю тебе – вернись!
Но дверь откатилась, лязгнув. А потом вдруг Рыбин ойкнул и выпустил меня.
Я отскочил, но тут же от удивления повернулся: на левой руке Рыбина висел Ивао!
Он впился в руку отцовского дружка своими крепкими зубами. Рыбин тоненько взвыл и затряс левой рукой. Правой он замахнулся, но я перехватил её на лету и тоже впился зубами.
Рыбин, наверное, охрип бы, если бы не подоспел отец. Грохнула сзади дверь, и раздался скрипучий окрик:
– Отставить!
– Это ты плохо придумал – трогать детей! – сказала вслед за отцом мама.
– Они сами впились в меня, как волченята, – ответил плаксиво Рыбин.
Мы с Ивао отцепились и стали по обе стороны от него в позе борцов. Одним глазом я косил на отца – не снимет ли он свой ремень. Но отец действовал, на удивленье, в ладу с мамой.
Рыбин протянул им табачный листик.
– Табак… весь дочиста порешил… Убить его мало, сынка вашего! – завопил он.
Мама вырвала у него этот листок, швырнула под ноги и показала рукой на дверь. Лицо её стало синеватым, как чистый кварц.
– Вон! – сказала мама таким голосом, словно в горле её был стальной шарик.
– Он и ваш табак порешил, – пробормотал Рыбин и кинулся к отцу: – Вася, друг, да что же это получается?..
У дверей всхлипнула Дина:
– Зачем ехали от папани-мамани? Чего не хватало? Дом – полная чаша… Нет, отделиться хотелось. Вот и отделился…
– К чёртовой матери Сахалин этот! – выкрикнул Рыбин, тряся укушенной рукой. – Хватит. Ни одного заступника нет. Все против. Пошли в порт, Дина… С первым пароходом – назад! На-за-а-ад!
– Ну и катись, – ответил отец и ступил на лестницу. Мама следом застучала черными туфлями на низких каблуках.
– Табак этот душу мне переел, – заявила она в спину отца. – Уйду рыбу солить на рыбозавод… Семён звал, да не соглашалась тогда, дура…
– Давно бы… – ответил отец.
Я подмигнул Ивао и по шёл вслед за родителями.
Сверху глядела на нас бабушка. Она сжимала в правой руке увесистую кочергу. Из-за бабушки

выглядывал Юрик. Он прижимал к себе банку с рыбкой.
– Теперь я знаю, что делать, когда начинается тарарам, – сказал он мне, показывая банку. Лучистый кружок закачался в ней. – Только закричали, я рыбку – к себе.
– Со мной никого не бойся. – Я подтолкнул его к корзине. – Считай, что со мной ты живёшь на белом пароходе.

18

Мы валялись в песке перед баржей, когда на горизонте показался пароход. Сначала он чертил дымом черту на белёсом небе с юга на север. Но вот черта стала изгибаться в нашу сторону. Пароход покатился в порт с синей горы.
Я пристально следил за ним из-под руки. Что-то мне в нём не нравилось. Я взял у Юрика одноглазый бинокль и настроил на пароход.
На передней мачте развевался белый флаг с красным пятнышком.
– Пароход за вами! – закричал я Ивао и Сумико.
Они приподняли головы. В чёрных волосах посверкивали слюдинки. У нас-то их не заметишь – волосы стали совсем светлые, выгорели. А лица одинаковые: что у них, что у нас – чёрные. Правда, у меня нос облез. Новая кожа на нем была лиловая и никак не загорала.
– Не уезжайте… А? – сказал Юрик, разгребая песок сдвоенными ладонями. Он рыл туннель до Японии. – Будем всегда вместе купаться и загорать.
Ивао перевалился на горячий песок, воткнулся в него подбородком и посмотрел на Юрика долгим взглядом. Сумико, улыбаясь, поворошила Юриковы волосёнки.
– А если послать вам письмо в бутылке по морю, – сказал я, раскрывая альбом, – доплывёт?
– Доплывёт, – ответила Сумико. Она почти научилась выговаривать «л».
– До-пры-вёт, – поддакнул Ивао. Он теперь обучался русскому. Мне было легко его обучать.
– А если кто-нибудь другой поймает бутылку? – спросил Юрик и опять засопел над туннелем.
– Передадут, – сказал я, медленно перелистывая альбом. – Верно?
– Верно, – ответила Сумико, заглядывая в альбом. Она знала, что я рисую картину с Семёном и у меня ничего не получается.
Передо мной мелькали наброски, карандашные портреты Семёна. Чуть ли ни весь альбом был изрисован, а картина не получалась. Правда, отец недавно увидел одну зарисовку и сказал, что Семён похож. Отец попросил меня сделать большой портрет Семёна по клеточкам. Но я ответил, что по клеточкам рисуют только халтурщики. Я так не могу. Мне надо, чтобы от картины щемило сердце… Может быть, я буду делать эту картину всю жизнь. Но я должен рассказать людям о Семёне. А пока я заключил в бамбуковую рамку и повесил на стену рядом с фотографией деда карандашный портрет, что понравился отцу.
– Ну как, Япония ещё не показалась? – спросил я брата.
– Я стану капитаном, – громко сопя над лункой, ответил Юрик, – и приплыву к Сумико на своём корабле.
– Думаешь, так просто через границу?.. – спросил я и провёл борозду ребром ладони между ним и Сумико.
– На корабле будут пушки и пулемёты, – выпалил Юрик. – Тр-р-р… Ба-бах!.. – Его руки начали хватать мокрый песок из лунки и швырять в нас.
– А границу будет охранять Ивао! – закричал я, прикрываясь альбомом.
Это поставило брата в тупик. Он поднял руку с грушкой сырого песка и замер, наморщив лоб. Песок осыпался, и я увидел в руке у Юрика гранату. Ржавую японскую гранату сжимал Юрик пальцами, похожими на соевые стручки.
Я попятился назад, прикрываясь альбомом. Надо было кинуться к Юрику, отнять у него, гранату и выбросить в море. С японскими гранатами шутки плохи. По рассказам фронтовиков, они взрываются самым дурацким образом. А эта ещё пролежала в песке столько… Однако я струсил. И Сумико была рядом, а я струсил. Видели бы ребята, как я отталкивался ногами, поднимая кучу песка. У меня внутри все отяжелело. А Сумико глядела на меня такими же

глазами, как в тот раз, когда тонула. Она тоже испугалась, но сидела на месте. Только прикрылась рукой. Кожа сморщилась на её плече и стала сизой.
– Юрик, – наконец выдавил я из себя, – не надо пугать…
Но он закатился смехом. Я видел маленький язычок в его горле. Юрик стал понарошку кидать в меня гранату.
Ивао шарил рядом со мной по песку. Он искал очки.
Нелепость пришла мне в голову: мы сейчас разлетимся на мелкие кусочки, а очки останутся. По очкам потом догадаются, что здесь были мы… Я повернул голову: неужели некого и на помощь позвать? Но помощь была рядом. Задыхающийся Кимура мелькнул мимо нас. Свои гэта он оставил на борозде, протоптанной в песке по моему почину. Хорошо, что Кимура бросил их. В этих деревянных колодках он мог опоздать… Юрик уж там, на гранате, сорвал какую-то проволочку – наверно, кольцо. И в это время Кимура схватил его за руку. Пальцы Юрика разжались. Кимура подхватил гранату и резко швырнул её снизу в море. Сам сморщился, схватился за живот руками и присел.
Из воды, чуть дальше баржи, вырвался пенный столб. Взрыв слился с густым гудком японского парохода, который входил в порт.
Я уткнулся лицом в песок. В нос мне попала песчинка, и я чихнул. Корма баржи качалась на волне, поднятой взрывом. Баржа скрипела. Юрик задумчиво ковырял пальцем в носу.
– А ну, оставь нос! – закричал я ему и шлёпнул по руке.
У брата наморщился подбородок. Сумико подползла к нему на коленях и прижала к себе. А сама исподлобья смотрела на круглые волны, что расходились по бухте.
– Дети, вы должны себя беречь, – сказал Кимура по-японски. Его рябинки темнели на лице, как свинцовая дробь. Он повторил своё изречение и по-русски, глядя сверху мне в глаза.
Ивао и Сумико давно уже знали, что я понимаю по-японски. Значит, они ему не говорили, что я понимаю по-ихнему.
– Кимура-сан, – сказала Сумико, – мы рыли туннель в Японию и нашли гранату.
У Кимуры застыло лицо, как у японской куклы. Он, видно, долго не понимал, но в конце концов улыбнулся, да так, будто у него болели зубы.
– Не надо туннель, – ответил он, вставая, – за нами при шёл пароход. Вы не забыли, что мы уезжаем?.. Идёмте.
Ивао сходил за гэта дяди. Он поставил их Кимуре под ноги. Тот всунул пальцы ног под полоски кожи.
– Может, мы поплывём на другом пароходе? – спросила Сумико, пересыпая песок из одной руки в другую.
– Мы плывём сегодня, – ответил Кимура и кивнул на рыбачьи фанзы. – Может быть, ты хочешь остаться с русскими, как эти наши голодранцы?
Мочки ушей Сумико налились кровью. Она вскочила и пошла к сетям, на ходу надевая лёгкое кимоно. Песчинки налипли на её шоколадные икры.
Кимура двинулся за ней. Гэта пришлёпывали по белым пяткам.
Ивао насадил очки на приплюснутый свой нос и показал мне рукой на мутное пятнышко за кормой баржи.
– Рыба, – сказал он и замахал в воздухе руками, будто плыл в ту сторону. – Собирай и кушай!
– Он повернулся и побежал за своими, переваливаясь в песке.
Когда они скрылись за фанзами, Юрик захныкал.
– Перестань! – прикрикнул я на него и обследовал на коленях лунку. Там больше ничего не было, кроме стреляной гильзы и обломка панциря краба.
– Говорил, как на белом пароходе, а тут гранаты… – прогнусавил брат. – Я думал, она игрушечная.
– Такими делами не шутят, – сказал я.
– Виноват я, что её тут зарыли? – оправдывался Юрик, набирая в кулак песку и выпуская его тоненькой струйкой.
– Ты, конечно, не виноват, – согласился я, но тут же сдвинул брови. – В следующий раз без

меня не смей вертеть!.. Иначе будешь сидеть в своей корзине.
– Смотри, сколько рыбы оглоушило, – облегчённо сказал Юрик, показывая на грязное пятно, где плавали словно бы клочки бумаги. – Люблю жареную рыбу.
Я завязал свою выцветшую майку с одного конца и с этой сумкой вошёл в воду. Тут я вспомнил, что Сумико нет, снял трусы и швырнул Юрику. Теперь можно было купаться так, чтобы вся кожа загорела. Хотя теперь уже не загоришь – конец лета. По ночам море закутывалось туманами и с неохотой раскрывалось по утрам. Через два денька – в школу.
Я повернул голову, чтобы посмотреть на школу. Она желтела на склоне тёсаными своими стенами. Её построили недалеко от нашего дома. Быстро смастерили. Навезли бревён. Пришли плотники – японцы, корейцы, русские, – и только щепки засверкали. Старая школа японцев была такая ветхая и холодная, что в ней запретили заниматься. А в новой сложили печи из кирпича и назвали её в честь Семёна. Школа имени Семёна Ивановича Щавелева. Трудно мне придётся: надо будет на четвёрки учиться. Нельзя же в школе Семёна тройки и двойки получать. И перед японцами не хочется быть слабаком. А их много будет учиться у нас. Некоторые рыбаки совсем не хотят переезжать в Японию. И япончата ходят гурьбой осматривать новую школу. Я сам, когда прохожу мимо, заглядываю в классы. На хорошем месте школу поставили. Из окон море видно до самого острова Птиц и ещё дальше. Если смотреть не мигая, смотреть, смотреть, то начинают в голубом просторе выступать сопки Хоккайдо. И я думаю, что скоро уплывёт туда Сумико. И навсегда… А может, Кимура вдруг захочет остаться? Нет, чудеса бывают только во сне.
Я взглянул на пароход, который пришвартовывался, и бросился в воду. Под рукой у меня встрепенулась полуоглушённая камбала. Я сначала испугался, дёрнулся в сторону, но потом подобрал камбалу. Быстро подбился к тому месту, где граната подняла со дна муть, водоросли, камбалу, бычков, налимов и окуней. Юрик бегал по берегу и кричал мне, где ещё всплыла рыба.
Майка моя раздулась. Я еле подволок её к берегу. Юрик накинулся на рыбу, взвешивая её в руке.
– Ого-го! ещё живая…
Я растянулся опять. Песчинки впились в кожу.
Загудел японский пароход. Я вздрогнул. Вдруг перехватило горло: Сумико уплывает! Может статься, мы никогда больше не встретимся. Как же это так? Жизнь будет идти, наши ноги – топтать одну землю. Неужели нам нельзя встретиться потому, что мы будем жить на разных берегах?..
– Пойдём домой, Юр, – сказал я, – а то рыба протухнет.
– Пойдём, – ответил он. – Всё равно скучно как-то стало.
Он взвалил на себя рыбу и потащил. С узла стекала тоненькая струйка воды. Юрик пыхтел, но не сдавался. Я забрал у него майку с рыбой уже на подъёме.
– С такими темпами ты и в самом деле станешь капитаном, – похвалил я его.
Брат начал ломаться передо мной. Он обегал меня, скакал на одной ноге, кидал камни, кувыркался в жёлтой траве.
Я хмуро улыбался, глядя на его выкрутасы.

19

У дома мы столкнулись с отцом, который доказывал что-то Кимуре. Он трепал Кимуру за плечо, приговаривая:
– Ано-нэ, нельзя так… Выпить на прощанье надо, твоя понимай? Кто тебе помог документы оформить на отправку? Я! В первую очередь, как обещал Семён… Семён обещал тебя в первую очередь на Хоккайдо отправить… Выпьем за Семёна, и мир заключай, мир…
Кимура щерил свои полукоронки и кивал.
– Хорошо, капитан, мир, – отвечал он. – Кто старое помянет, тому глаз вон.
– А вот и жених наш пришёл! – воскликнул отец, увидев меня. – Мы Сумику не отпускай… –

И знал отец, что Кимура хорошо понимает его, а коверкал язык. Считал, наверно, что ближе они так друг другу.
Я прошмыгнул мимо них, поднялся к себе и высыпал рыбу в общую кучу на циновку возле печки. Мама и бабушка стучали ножами. С того дня, как мама поступила на рыбозавод, у нас в комнате запахло рыбой, солью и морской тиной. И сегодня уже шипела на сковородке рыба. Я стоял на веранде и прислушивался к звукам нашего дома. Внизу заколачивали что-то. Удары отдавались у меня в груди.
– Надо б старичку ещё дён семь повторить заговор, – сказала бабушка маме, переворачивая рыбу на сковородке.
– И ты думаешь, твои заговоры помогли? – спросила мама с хмыком.
– Кто его знает! – ответила бабушка.
А я думал, она ответит: «На все божья воля». Заскрипела лестница, и разлетелся по дому голос отца:

Лесом, поляной, дорогой степной
Парень идёт на побывку домой…

Пронзительным голосом отцу подпевал Юрик.
– Мать, – закричал отец, входя в комнату, – гостей встречай!
– Каких ещё гостей? – Мама нахмурилась, потом беспомощно огляделась по сторонам. – Ни стола нормального, ни стульев…
– Проводины соседям справлять будем, – сказал отец и потёр руки. – Вот проводим наших японцев, тогда и переоборудоваться начнём. По мне, так и с японской обстановкой хорошо.
– Циновки, – бабушка показала ножом на татами, – в пору и оставить. Светло с ними.
– Можно оставить, только стол русский заведём, – сказала мама.
– Да и с махоньким обходиться можно, – доказывала бабушка.
– Хватит спорить, – торжественно сказал отец, – гости идут.
Мама бросилась к двери на веранду и раздвинула её до конца. Синий чад повалил пластами.
Снизу один за другим показались Кимура, Ге, Ивао и Сумико. Они поднимались бесшумно: были в носках. Ге сменил своё траурное кимоно на серый костюм. И сильно омолодил его этот рябенький костюм.
– Проходите, соседи, будьте любезны. – Отец взял Ге под локоть и подвёл к столику.
Сумико, Ивао, Юрик и я уселись рядом и уложили лопаточки рук на коленях.
Мама с бабушкой выставили на стол жареную рыбу, варёную картошку, малосольные огурцы, салат, а ближе к нам подвинули вазу с шоколадными конфетами и варенье из крыжовника. Отец сколупнул сургуч с горлышка, выбил пробку кулаком под донце. Гости мигали при каждом ударе.
Отец разлил водку по фарфоровым чашкам. Раскрасневшиеся мама и бабушка отмахивались. Но отец сказал, что в такой день грех не выпить, и они взяли свои чашки.
Отец откашлялся в кулак, встал на колени и сказал:
– Ну, вы к себе ходи. Счастливо доплыть. Лихом нас не поминайте, время, сами знаете, такое… Может, вы что и имеете против нас – хитрого мало. У нас рука мало-мало тяжёлая… – Отец начал заворачивать рукав своей гимнастёрки, чтобы показать тяжёлую руку.
Мама хлопнула его.
– Понёс околесицу, – прервала она его. – Начал за здравие, кончил за упокой. – Она подняла чашку. – Я вот что хочу сказать. Жить нам придётся на разных берегах одного моря. Давайте будем хорошими соседями.
Они выпили. Кимура и Ге отпили по глоточку, сморщились и закашляли. Отец захохотал. Тогда Кимура влил всю водку из чашки себе в горло. Лицо его из жёлтого стало багровым. Но Кимура улыбался.
– Вот это по-нашему, – сказал отец и похлопал Кимуру по плечу. – Твоя психовый, отчаянный, а моя крутой…

– Не забывай про заговор, – напоминала бабушка Ге. – Как полная луна, завари травку и читай…
– Хоросо, хоросо, Федора-сан, – отвечал Ге и кланялся, прижимая руки к сердцу.
Отец поднялся и принёс из своей комнаты мешочек с табаком. Бабушка собрала порубленный мною табак, высушила и порезала.
– Ано-нэ, кури, – пригласил отец, раскрывая мешочек. Кимура и Ге потянулись за табаком. Но Кимура сейчас же отдёрнул руку.
– Вытерплю, – пробормотал он по-японски, улыбаясь в сторону Ивао и Сумико. – Скоро закурим наши японские сигареты.
Ивао и Сумико уткнулись в чашки с чаем и не ответили ему.
Ге сунул нос в мешочек и несколько раз глубоко вдохнул. К его носу прилипли табачные крошки. Я прыснул со смеху.
– Ах ты, чёртенок мозолистый, – сказал отец спотыкающимся голосом, – табак отцу испортил и рад. Тоже мне герой…
Я опустил голову, загляделся на свои руки, сжал их в кулаки и вдруг заметил, что у меня крупные костяшки пальцев. Как у деда. Тогда я вскинул голову и сразу нашёл взглядом руки деда. Они покоились на эфесе сабли. Как хорошо, что я похож на деда. А вот на Семёна – нисколечко. Если бы пальцы на левой руке отсечь вот так, тогда бы… Ну ничего. Усы растут помаленьку… Я осторожно провёл пальцем под носом – растут. А если бриться отцовской бритвой, то можно быстро вырастить, как у Семёна.
– Выходит, будто мы для себя табак сажали, – объявила мама. Лицо её размякло. В зрачках переливалась синяя влага. – По-ихнему, только для себя стараются мать с отцом…
– Для себя?! – возмутился отец и вдруг обрушился на Кимуру: – Твоя чего лопочет, ано-нэ? Давай докажем, что для них стараемся!..
Кимура только улыбнулся в ответ. А бубнил он все о том же, что скоро закурит свой табак на священной земле Ямато. И что дух Ямато ещё восторжествует. Однако Ивао и Сумико не слушали его. Они снова принялись за чай с вареньем и конфетами. У Ивао над верхней губой блестели капельки пота.
– Нет, моя не понимает по-вашему, – продолжал отец. Он поскрёб затылок. – Вот детишки понимают друг друга хорошо… Ано-нэ, я тебе вот что хочу сказать: давай поженим Герасима и Сумико, а? Докажем, что счастья желаем им и всего такого…
Мы с Сумико поднялись из-за стола. Ну что с ними – драться?
– Запад есть Запад, Восток есть Восток, – ответил Кимура по-своему, не переставая улыбаться.
– И вместе им никогда не быть!
– Что ты все бормочешь? – спросил отец. – Моя не понимай… Герка, что он сказал на наше предложение?
Я махнул рукой и по шёл на веранду. Туда же убежала Сумико.
– Хоросо, хоросо, давай по-же-ним, – услышал я ответ Ге и с грохотом задвинул дверь на веранду.
Я подошёл к Сумико. Она смотрела на свой ржавый пароход в порту, облокотившись на перила и закрыв уши ладонями. Я отнял её ладони и прижал их к своим щекам и губам. Пальцы её рук заструились по моему лицу, точно Сумико ослепла. Пальцы расщекотали мои ноздри и ресницы. И я, наверное, не сдержал бы слёз, как в тот раз, когда смотрел «Бэмби». Но в это время на улице завыла машина. В комнате все забегали, включая и Юрика. Я заметил, как отец набрал несколько горстей табаку из мешочка и высыпал Ге в карманы пиджака.
Ивао раздвинул дверь и позвал Сумико. Она взяла мою руку и положила на ладонь что-то твёрдое. Я ощутил шероховатый облупленный нос «бога счастья». Тут же Ивао вынул из кармана какую-то коробочку с иероглифами на крышке и протянул мне. Я открыл коробочку и увидел батарею цветных мелков.
– Я тоже что-нибудь подарю вам, – залепетал я и побежал ворошить свою школьную сумку. Но, по совести говоря, дарить было нечего.
– Ивао, Сумико! – донеслось снизу.

Выручил меня Юрик. Он достал картинку, где по синему морю плыл белый пароход. Он протянул картинку Сумико.
– Герка выдумал всё, – сказал Юрик, наморщив нос, – но картинка красивая. Возьмите на память…
И тут меня осенило. Я взмахнул руками и заговорил:
– Это пустяки. Я нарисую ту настоящую картину и пришлю вам. Помните, я обещал… В ней будет море и два человека, Семён и ты, Сумико… Я нарисую, вот увидите… Чего не хватало там? Тебя, Сумико… Ты бежишь по песку навстречу Семёну… Я тебя по памяти нарисую. Память у меня хорошая…
– Ивао, Сумико!
Мы пошли вниз – скрип-скрип-скрип… Я спускался и продолжал рассказывать. Мне казалось, они не верят, что картина получится. А она стояла перед моими глазами, точно нарисованная кем-то другим чистыми, яркими красками. И Сумико так отчаянно протягивала свои коричневые руки Семёну…
– Раз, два – взяли! – Отец помогал грузиться Кимуре. Ге сидел уже в кузове на чемодане.
Юрик подбежал к шофёру и стал упрашивать прокатить его.
– Нельзя, сынок, – сказал отец, – а то увезут тебя на Хоккайдо.
– Ну и не испугался, – огрызнулся Юрик.
– Я пришлю картину, – продолжал я твердить Сумико, которую наш отец подсадил в кузов.
– До свиданья, Гера, – ответила она, и под ресницами у неё блеснуло.
Ивао махал фуражкой с лаковым козырьком. Я поднял руку и отвечал ему. Машина фыркнула и легко покатилась под гору.
Юрик уткнулся отцу в гимнастёрку. Седая прядь в чубе отца шевелилась от ветра, как живая. Мы с ним стояли рядом и следили за пыльным облачком, поднятым машиной. Шершавой ладонью отец вдруг захватил мою голову и привлёк к себе. И тут я почувствовал, как горячая слеза щекочет глаз. Чтобы не заметил отец, я наклонил голову, тихонько освободился от него и у шёл в кусты.
Я сел на край обрыва. Перед глазами ветер раскачивал ветку бузины с листьями, окаймлёнными желтизной, и гроздью красных ягод. Я оборвал её и стал откусывать по одной ягодинке и выплёвывать.
В порту кишела толпа. Бурным потоком переливалась она на японский пароход. Я медленно обрывал бузину. Когда на голой веточке осталось пять ягодинок, пароход загудел. На белом полотне пристани чернело лишь несколько неподвижных фигурок.
Пароход отчалил.
Вот и всё.
Я оборвал последнюю ягодку бузины и кинул её вниз. Красненькая точка поскакала по жёлто-серым камням. Мой взгляд расплылся там, где она исчезла. И я стал думать о чём-то не то радостном, не то печальном. Все перемешалось у меня в голове, как во сне: пещера, ребята, труба с вмятиной на боку, журавль, разбитая баржа, букет саранок… И вот Сумико… Тоскливо и сладко засвербило в сердце. Я тебя верну, Сумико… У меня хорошая память. Я вижу твои глаза, слышу твоё дыхание, чувствую горячие пальцы. Мы всё равно должны быть вместе. Все: я, ты, Ивао, Юрик, Борька, Скулопендра, Лесик. Может, ребята потеряли уже меня. Ждали-ждали письма от меня и ждать перестали. Но я всё равно напишу им. Все объясню… Мы не можем забыть друг друга. Только планы старые забудем… Я предложу другие планы. Надо стараться делать так, чтобы чувствовать, будто мы все плывём на одном пароходе, белом пароходе «Оранжаде»… И вот что надо сделать вначале – послать им свирель для оркестра. Отец отдаст мне свирель. Она понравится Борьке, потому что звуки её напоминают пение ветра в скалах, трели соловья и шорох волн.
Я встал и помахал рукой японскому пароходу. Он выходил на рейд, взрезая острым носом чернильные жгуты воды. На борту его вспыхнули светляки. И сейчас же маяк подмигнул пароходу добрым своим электрическим глазом.